

КЕЙТ МОРТОН

ДАЛЕКИЕ ЧАСЫ

РОМАН

Эта книга для тех, кто ценит неоготические истории в духе «Тринадцатой сказки» Дианы Сеттерфилд.

Angus & Robertson

Кейт Мортон
Далекие часы
Серия «The Big Book»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60033506

Кейт Мортон Далекие часы:
ISBN 978-5-389-18737-5

Аннотация

Все началось с затерянного письма, которое через 51 год нашло адресата. Эдит Берчилл никогда еще не видела свою мать такой взволнованной, как в тот момент, когда она вскрыла конверт и прочитала послание из прошлого. Так девушка узнает о замке Майлдерхерст, в котором жили три сестры, приютившие ее мать, тогда еще совсем девочку, во время эвакуации. Однако мать не хочет рассказывать о своей жизни в замке, и Эдит чувствует, что с этим связана какая-то тайна. Спустя некоторое время Эдит по воле случая попадает в деревню Майлдерхерст, где в книжном магазине видит книгу, которую обожает с детства. Автор книги, известный писатель Раймонд Блайт, когда-то жил в Майлдерхерсте. А три его дочери – те самые три сестры! – по-прежнему живут там. Эдит понимает, что судьба предоставляет ей возможность узнать секреты, которые скрывает старый замок, и правду о том, что произошло в «далекие часы» прошлого...

Содержание

Часть первая	11
Пропавшее письмо нашлось	12
Воспоминание проясняется	24
Книги и Кенары	36
Майлдерхерст Раймонда Блайта	50
Путешествие сквозь скелет сада	65
Три увядающие сестры	75
Смотрители в венах	87
Пустой чердак и далекие часы	99
Слякотник, архивная комната и запертая дверь	111
Пообещай, что придешь танцевать	119
1	134
2	147
3	168
4	176
5	191
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Кейт Мортон

Далекие часы

Kate Morton

THE DISTANT HOURS

Copyright © Kate Morton, 2010

All rights reserved

Серия «The Big Book»

Перевод с английского Александры Килановой

Оформление обложки Ильи Кучмы

© А. С. Киланова, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Ким Уилкинс, побудившей меня начать,
и Дэвину Паттерсону, который был со мной до
самого конца*

Тсс... Слышите?

Деревья слышат. Они первыми узнают о его приближе-

нии.

Прислушайтесь! Деревья темного, дремучего леса дрожат и шуршат листвой, словно невесомой шелухой из чеканного серебра; лукавый ветер рыщет в их верхушках и шепчет, что скоро начнется.

Деревья знают, ведь они старые и все уже видели.

Луны нет.

Луны нет, когда приходит Слякотник. Ночь натянула пару тонких кожаных перчаток; укрыла землю черной простыней – уловкой, личиной, сонным заклятием, под которым все сладко дремлет.

Темнота, но не полная, ведь у всего есть фактура, нюансы и оттенки. Смотрите: грубая шерсть сгрудившихся лесов, лоскутное одеяло полей, гладкая черная патока ровов. И все же... Если вы не законченный неудачник, то не заметите странное движение в неожиданном месте. И вам определенно повезло. Тот, кто увидит, как поднимается Слякотник, уже никогда не расскажет об этом.

Вон там... Видите? Черный глянцевый ров, полный ила, перестал быть неподвижным. В его самом широком месте вспучился пузырь, побежала едва заметная рябь, всего лишь намек...

Но вы отвернулись! Весьма мудро. Подобные зрелища не для таких, как вы. Обратите лучше внимание на замок, там тоже кое-что движется.

На вершине башни.

Смотрите – и сами увидите.

Юная девушка сбрасывает покрывало.

Ее отправили спать; в соседней комнате тихо похрапывает няня, ей снится мыло, лилии и высокие стаканы теплого молока. Но девушку что-то разбудило; она украдкой садится, перекачивается по чистой белой простыне и спускает ноги, одну за другой; две бледные узкие стопы на деревянных половицах.

Луны нет, не на что смотреть, сплошной мрак, и все же ее тянет к окну. Рябое стекло заледенело; она забирается на шкаф, усаживается над строем детских книг, в прошлом ее фаворитов, ныне – жертв ее стремления поскорее вырасти; вокруг мерцает морозный ночной воздух. Она подтыкает ночную сорочку под бледные бедра и прижимается щекой к сомкнутым белым коленям.

Мир – снаружи, люди движутся в нем, как заводные куклы.

Однажды она непременно увидит его собственными глазами, ведь замки на дверях и решетки на окнах для того, чтобы не впустить его, но вовсе не для того, чтобы не выпустить ее. Не впустить мир.

Она слышала истории о нем. Он и сам стал историей. Давней-предавней легендой. А замки и решетки сохранились с тех пор, когда люди верили в подобные вещи. В сказки о чудовищах, которые прячутся во рвах и подстерегают прекрас-

ных дев. В сказки о мужчине, которому в старину причинили зло, и теперь он вновь и вновь мстит за свою утрату.

Юную девушку, которая нахмурилась бы при слове «юная», больше не тревожат детские монстры и небылицы. Она лишилась покоя, она современная, взрослая и отчаянно мечтает сбежать. Ей осточертело это окно и этот замок, однако целую вечность у нее нет ничего другого, и потому она хмуро смотрит сквозь стекло.

Там, в складке между холмами, деревня погружается в апатичный сон. Последний ночной поезд вдаль уныло оповещает о своем приближении – одинокий зов, остающийся без ответа, и носильщик в жесткой форменной фуражке выходит наружу и подает сигнал. В соседних лесах браконьер выслеживает добычу, и ему не терпится вернуться домой в кровать, а на окраине деревни, в домике с облупившейся краской, плачет новорожденный ребенок.

Совершенно обычные события в мире, где все рационально. Где видишь то, что происходит, и тоскуешь по тому, чего не происходит. В мире, столь отличном от того, в котором пробудилась девушка.

Ведь внизу, ближе, чем она думала, что-то происходит.

Ров начинает дышать. Глубоко-глубоко, завязнув в иле, влажно бьется сердце мертвеца. Тихий звук, подобный стону ветра, исходит из недр и напряженно парит над поверхностью. Девушка слышит его, то есть ощущает, ведь фунда-

мент замка сливается с илом, и стон сочится сквозь камни, поднимается по стенам, этаж за этажом, неуловимо проникает в книжный шкаф, на котором она сидит. Прежде любимая книга срывается на пол, и девушка в башне ахает.

Слякотник открывает один глаз. Резко, внезапно водит им по сторонам. Возможно, даже тогда он вспоминает о своей утраченной семье? Хорошенькой маленькой женушке и паре пухлых нежных крошек, которых он бросил? Или его мысли уносятся дальше, в детство, когда он с братом бегал по полям среди высоких бледных стеблей; а может, он думает о другой женщине, той, что любила его перед смертью? Лесть и знаки внимания которой, а главное – нежелание смириться с отказом лишили Слякотника всего.

Что-то меняется. Девушка чувствует это и ежится. Прижимает ладонь к ледяному запотевшему стеклу и оставляет отпечаток-звездочку. Она в плену колдовского часа, хотя и не знает, что он так называется. Теперь ей никто не поможет. Поезд ушел, носильщик лежит рядом с женой, и даже ребенок задремал, устав от попыток поведать миру все, чему научился. Не спит только девушка в замке у окна. Ее няня перестала храпеть и дышит так тихо, что кажется замерзшей до смерти. Птицы в замковом лесу тоже умолкли, спрятали головки под дрожащие крылышки, зажмурили веки тонкими серыми черточками, чтобы не видеть того, что грядет.

Не спит только девушка; и еще мужчина, пробуждающий-

ся в иле. Его сердце бьется быстрее, ведь его время настало и продлится недолго. Он вращает запястьями и лодыжками, он поднимается с илистого ложа.

Не смотрите. Умоляю вас, отвернитесь, когда он прорвет поверхность, когда выберется из рва, когда встанет на черном сыром берегу, поднимет руки и вдохнет. Вспомнит, каково дышать, любить, страдать.

Лучше взгляните на грозные облака. Даже во тьме видно их приближение. Рокот злобных, сжатых в кулаки облаков. Они катятся, борются, пока не оказываются над самой башней. Это Слякотник призвал грозу или гроза призвала Слякотника? Никому не ведомо.

В своем укрытии девушка склоняет голову, когда первые капли как бы нехотя разбиваются о стекло и встречаются с ее ладонью. День был ясным, не слишком жарким, вечер прохладным. Ни единого намека на полуночный дождь. Наутро люди с удивлением посмотрят на сырую землю, почешут в затылках и улыбнутся друг другу со словами: «Надо же! Подумать только, мы все проспали!»

Но подождите! Что это? Неясный силуэт, тень взбирается по стене башни. Взбирается невероятно проворно и ловко. Разве человек способен на такое?

Он достигает окна девушки. Они смотрят друг на друга. Сквозь залитое потеками воды стекло, сквозь дождь, зарядивший не на шутку, она видит покрытое грязью чудовищное существо. Она открывает рот, чтобы закричать, позвать

на помощь, но вдруг все меняется.

Он меняется у нее на глазах. Сквозь слои грязи, сквозь гнет тьмы, ярости и горя проглядывает человеческое лицо. Лицо молодого мужчины. Забытое лицо. Лицо, полное такой тоски, печали и красоты, что она, не раздумывая, открывает окно и впускает его из-под дождя.

Раймонд Блайт.

Подлинная история Слякотника.

Пролог

Часть первая

Пропавшее письмо нашлось

1992 год

Все началось с письма. Письма, которое давно пропало и полвека ждало в забытой сумке почтальона на мрачном чердаке ничем не примечательного дома в Бермондси. Иногда я думаю о ней, этой сумке: о сотнях любовных писем, счетов из бакалейной лавки, открыток на дни рождения, детских записок родителям, которые лежат все вместе, разбухают и вздыхают, упрямо нашептывая в темноте свои послания. Ждут, ждут того, кто догадается, что они здесь. Знаете, ведь говорят, что письмо обязательно отыщет адресата, что рано или поздно, вопреки всему, слова найдут способ выйти на свет и открыть свои секреты.

Простите, что я впала в романтическое настроение – привычка, приобретенная за годы, когда я с фонариком читала романы XIX века, пока родители были уверены, что я сплю. Просто так странно осознавать, что, если бы Артур Тирелл был чуточку более ответственным, если бы не переборщил с ромовым пуншем в канун Рождества 1941 года, не вернулся бы домой и не завалился бы спать, вместо того чтобы разнести оставшиеся письма, если бы сумку не спрятали на чердаке, где она пролежала полвека до самой его смерти, после

чего ее нашла одна из его дочерей и обратилась в «Дейли мейл», все могло бы повернуться иначе. Для мамы, для меня и особенно для Юнипер Блайт.

Наверное, вы читали об этом. Новость попала во все газеты и на телевидение. Четвертый канал даже снял специальную передачу, пригласив несколько адресатов, чтобы поговорить об их письмах – неожиданно зазвучавших голосах из прошлого. Там была женщина, любимый которой служил в ВВС, и мужчина, которому сын прислал из эвакуации открытку на день рождения. Через неделю мальчика убило осколком шрапнели. Передача мне очень понравилась; ее смонтировали из отдельных частей, счастливые и печальные истории перемежались старыми военными съемками. Пару раз я всплакнула, однако это ничего не значит: у меня часто глаза на мокром месте.

Но мама не пошла на шоу. Продюсеры связались с ней и спросили, не было ли в ее письме чего-то особенного, чем она хотела бы поделиться с нацией, и мама ответила: нет, это был банальный старый счет из магазина одежды, давно прекратившего существование. Она солгала. Мне это известно, потому что я была рядом, когда принесли конверт. Реакцию матери на пропавшее письмо можно назвать какой угодно, только не обычной.

Было утро, конец февраля, зима по-прежнему держала нас за горло, клумбы покрылись льдом. Я зашла помочь с воскресным жарким. Я иногда это делаю, потому что роди-

тели его любят, хотя сама я вегетарианка и знаю наперед: во время еды рано или поздно мать начнет беспокоиться, затем страдать и наконец не выдержит и засыплет меня статистикой о протеинах и анемии.

Я чистила в раковине картошку, когда в дверную щель упало письмо. Обычно по воскресеньям нет почты, и это послание должно было насторожить нас, но не насторожило. Что до меня, я слишком беспокоилась о том, как сообщить родителям о нашем расставании с Джейми. Минуло уже два месяца после разрыва; рано или поздно пришлось бы признаться, но чем дольше я пыталась выдавить слова, тем тверже они становились. И у меня были причины для молчания: родителям с самого начала не нравился Джейми, они с трудом переносят неудачи, а мама будет волноваться еще сильнее, чем обычно, если выяснится, что я живу в квартире одна. Но больше всего я боялась неизбежной неловкой беседы, которая последует за моим объявлением. Увидеть на лице мамы сначала замешательство, затем тревогу и, наконец, смирение, когда она поймет, что материнский долг требует от нее каких-то утешений... Но вернемся к письму. Что-то тихо упало в щель.

– Эди, сходи, – попросила мать, кивнув в сторону коридора и взмахнув той рукой, на которую не был насажен цыпленок.

Эди – это я. Надо было раньше представиться.

Оставив картошку, я вытерла руки кухонным полотен-

цем и отправилась в прихожую. На дверном коврике лежало письмо: официальный почтовый конверт, извещающий, что внутри – «переадресованная почта». Я отнесла письмо на кухню и прочла надпись маме.

Она уже закончила фаршировать цыпленка и вытирала руки. Слегка нахмурившись, скорее по привычке, чем от дурных предчувствий, она схватила письмо и взяла очки для чтения, нацепленные на ананас в миске с фруктами. Пробежала глазами почтовое уведомление, вздернула брови и приступила к конверту.

Я уже вернулась к картошке, рассудив, что это интереснее, чем наблюдать, как мама вскрывает письмо. Увы, я не видела ее лица, когда она выудила изнутри конверт меньшего размера, оценила хрупкую дешевую бумагу и старую марку, перевернула письмо и прочла имя на обороте. С тех пор я много раз вспоминала, как краска мгновенно схлынула с ее щек, а пальцы задрожали, так что потребовалось несколько минут, чтобы вскрыть конверт.

Особенно мне запомнился звук. За жутким гортанным всхлипом последовали резкие рыдания, заполнившие воздух, и я нечаянно порезала палец картофелечисткой.

– Мама?! – Я метнулась к ней и обняла за плечи, стараясь не запачкать кровью платье.

Однако она ничего не сказала. Позже она объяснила, что лишилась дара речи. Мама неподвижно стояла, заливалась слезами и крепко прижимала к груди странный маленький

конверт из такой тонкой бумаги, что я различила внутри краешек сложенного письма. Затем она бросилась наверх в спальню, оставляя за спиной угасающий шлейф инструкций насчет курицы, духовки и картофеля.

После ее бегства кухня погрузилась в болезненную тишину. Я вела себя очень тихо, двигалась очень медленно, стараясь не потревожить ее еще больше. Моя мама не плакса, но этот миг... ее срыв, столь поразивший меня... казался странно знакомым, как будто мы уже проходили через это. Пятнадцать минут я чистила картошку и гадала, от кого могло быть письмо и что теперь делать, затем постучала в дверь спальни и спросила, как насчет чашки чая. Мама уже собралась с силами, и мы сели друг напротив друга за маленьким кухонным столом с пластмассовым покрытием. Пока я притворялась, будто не замечаю, что она плакала, мать поведала о содержимом конверта.

– Письмо, – произнесла она, – от человека, которого я знала очень давно. Когда была еще девочкой двенадцати-тринадцати лет.

В моей голове вспыхнула смутная картинка: фотография, которая стояла у кровати умиравшей от старости бабушки. Три ребенка, на переднем плане самый младший – моя мать, девочка с короткими темными волосами, на что-то присевшая. Странно, я ухаживала за бабушкой сотню раз или даже больше, но сейчас черты лица той девочки ускользали от меня. Возможно, детей по-настоящему не интересует, как жи-

ли родители до их рождения, если только не случится нечто особенное и не прольет свет на прошлое. Я потягивала чай и ждала завершения истории.

– Не помню, я рассказывала тебе о том времени? Шла война, Вторая мировая война. Это была ужасная пора, полная неразбериха, все рухнуло. Казалось... – Мать вздохнула. – Казалось, мир никогда не станет прежним. Будто он слетел с оси и ничто не способно вернуть его на место. – Она обхватила ладонями исходящую паром кружку и заглянула внутрь. – Моя семья – мама, папа, Рита, Эд и я – жила в маленьком домике на Барлоу-стрит рядом с площадью Слон и Замок. На следующий день после начала войны нас, детей, собрали в школе, отвели на вокзал и посадили в поезд. Я никогда этого не забуду... У всех были таблички с именами, маски и ранцы. Матери, успевшие передумать, бежали к вокзалу и умоляли проводника выпустить их детей, а после кричали старшим братьям и сестрам, чтобы те позаботились о младших, следили за ними в оба глаза.

Мгновение мать сидела, покусывая губу, пока эта сцена воскресала в ее памяти.

– Наверное, ты была напугана, – тихо произнесла я.

Среди моих домашних не принято держаться за руки, не то бы я непременно сжала ее ладонь.

– Сначала – да.

Она сняла очки и протерла глаза. Без оправы ее лицо казалось уязвимым, незаконченным, как у маленького ночью-

го животного, сбитого с толку дневным светом. Я обрадовалась, когда она снова надела очки и продолжила:

– Я никогда еще не уезжала из дома, никогда не ночевала врозь с матерью. Но со мной были старшие брат и сестра, и по мере того как поезд удалялся, а одна из учительниц раздала плитки шоколада, мы начали оживать и воспринимать происходящее почти как приключение. Представляешь? Объявили войну, а мы распевали песни, ели консервированные груши и смотрели в окно, играя в «Угадай, что я вижу?». Знаешь, дети – неунывающий народ, порой даже черствый. Наконец мы прибыли в Кранбрук, где нас разбили на группы и посадили в разные экипажи. Тот, в который попали мы с Эдом и Ритой, отправился в деревню Майлдерхерст. Там нас организованно отвели в большую комнату, к группе местных женщин с застывшими улыбками и списками в руках. Нас построили рядами и заставили стоять, пока местные бродили вокруг, выбирая себе подопечных. Самые маленьких разобрали первыми, особенно хорошеньких. Наверное, считали, что с ними будет меньше возни, раз они меньше пропитаны духом Лондона. – Мать усмехнулась. – Вскоре они поняли, как ошиблись. Моего брата выбрали быстро. Он был крепким мальчиком, высоким для своего возраста, а фермеры отчаянно нуждались в подмоге. Потом взяли и Риту с ее школьной подругой.

Вот оно, начинается. Я положила ладонь на руку матери:
– Ах, мама...

– Ерунда! – Она высвободилась и щелкнула меня по пальцам. – Я была не последней. Оставалось еще несколько ребят... маленький мальчик с отвратительным кожным заболеванием. Не знаю, что с ним случилось, он по-прежнему находился в комнате, когда меня забрали. После я долгие годы заставляла себя покупать подгнившие фрукты, если они попадались под руку в лавке зеленщика. Не вертела и не клала их обратно на полку, если что-то не нравилось.

– Но в конце концов тебя выбрали.

– Да, в конце концов меня выбрали. – Мать понизила голос, теребя что-то на коленях, и мне пришлось наклониться ближе. – Она опоздала. Комната почти опустела, большинство детей разобрали, и дамы из Женской добровольной службы убирали чайную посуду. Я украдкой начала хныкать. И тут внезапно возникла она, и изменился сам воздух комнаты.

– Изменился?

Я сморщила нос, подумав о сцене из «Кэрри»¹, в которой взрывается лампочка.

– Это трудно объяснить. Тебе когда-нибудь встречались люди, которые словно приносят свою собственную атмосферу, где бы ни появлялись?

Возможно. Я неуверенно пожала плечами. На мою подругу Сару все сворачивают головы; не совсем атмосферное явление, но все же...

¹ «Кэрри» (1976) – экранизация одноименного романа Стивена Кинга.

– Да нет, конечно, не встречались. Это так глупо звучит. Я имела в виду, что она отличалась от других людей, была более... Сложно описать. Просто более. Странная красота, длинные волосы, большие глаза, довольно дикий вид, но не только это выделяло ее из толпы. В сентябре тридцать девятого ей было всего семнадцать, однако, когда она вошла, остальные женщины словно погрузились в себя.

– От почтительности?

– Вот именно, от почтительности. Удивились при ее появлении и не знали, как себя вести. Наконец одна из них обрела дар речи и поинтересовалась, чем может помочь. Девушка только взмахнула длинными пальцами и заявила, что хочет забрать своего эвакуированного. Так и сказала: не просто эвакуированного, а своего эвакуированного. А потом направилась прямо ко мне, сидевшей на полу. «Как тебя зовут?» – спросила она и, когда я ответила, улыбнулась и предположила, что я, наверное, устала после дальней дороги. «Поживешь у меня?» Вероятно, я кивнула, потому что она повернулась к главной распорядительнице, той, со списком, и сообщила, что берет меня к себе.

– Как ее звали?

– Блайт, – отозвалась мать, подавив едва заметную дрожь. – Юнипер Блайт.

– И это она прислала письмо.

Мама кивнула:

– Она подвела меня к самой роскошной машине, какую я

встречала в жизни, и отвезла в дом, где жила со своими старшими сестрами-близнецами. Мы проехали сквозь железные ворота по извилистой дорожке и оказались у огромного каменного здания, окруженного густыми лесами. Замка Майлдерхерст.

Название прямо из готического романа. Я поежилась, вспомнив мамин всхлип, когда она увидела имя женщины и адрес на обороте конверта. Я читала истории об эвакуированных, о том, что порой происходило, и в ужасе пролепетала:

– Там было кошмарно?

– О нет, ничего подобного. Вовсе не кошмарно. Совсем напротив.

– Но письмо... Оно заставило тебя...

– Письмо стало неожиданностью, вот и все. Просто давнее воспоминание.

Мать замолчала, и я задумалась о чудовищности эвакуации. Как же, наверное, страшно и странно очутиться ребенком в незнакомом месте, где все совершенно иначе. Я еще не забыла собственных детских переживаний, ужаса новой, пугающей обстановки, цепких привязанностей, порожденных жадной выживания, – к зданиям, симпатичным взрослым, особым друзьям. При воспоминании об этих нерасторжимых связях меня осенила внезапная мысль:

– Ты вернулась туда после войны, мама? В Майлдерхерст?

Она вскинула глаза:

– Разумеется, нет. Зачем?

– Не знаю. Чтобы наверстать упущенное. Чтобы поздороваться. Чтобы повидаться с подругой.

– Нет! – отрезала она. – У меня была собственная семья в Лондоне, мать не могла без меня обойтись, к тому же было много работы, предстояло навести порядок после войны. Реальная жизнь продолжалась.

С этими словами между нами опустился привычный занавес, и я поняла, что беседа окончена.

Мы так и не поели жаркого. Мама пожаловалась, что у нее нет аппетита, и спросила, не слишком ли я расстроюсь, если мы пропустим этот раз. Казалось жестоким напоминать ей, что я в любом случае не ем мяса и прихожу, скорее, выполнить дочерний долг. Поэтому я просто заверила, что ничего страшного, и предложила ей прилечь. Она согласилась и, пока я собирала вещи, проглотила две таблетки парацетамола и велела мне закрывать уши от ветра.

Папа, как выяснилось, все проспал. Он старше мамы и несколько месяцев назад стал пенсионером. Это не пошло ему на пользу. В будни он рыщет по дому в поисках чего бы починить или отдраить, сводя маму с ума, а по воскресеньям дремлет в кресле. «Дарованное самим Господом право хозяина дома», – объясняет он любому, кто согласится слушать.

Я поцеловала его в щеку и переступила родительский порог, бросив вызов морозному воздуху. Спустилась в метро,

усталая, встревоженная и несколько подавленная перспективой возвращения в чертовски дорогую квартиру, в которой до недавнего времени мы жили с Джейми вдвоем. Только между «Хай-стрит-Кенсингтон» и «Ноттинг-Хилл-гейт» до меня дошло, что мама так и не сказала, о чем говорилось в письме.

Воспоминание проясняется

Записывая все это, я слегка разочаровываюсь в себе. Но задним умом все крепки, и теперь, когда я знаю, что мне было что искать, легко недоумевать, отчего я не отправилась на поиски. Но я не полная идиотка. Мы с мамой встретились за чаем несколько дней спустя, и хотя я снова не решилась сообщить о своих изменившихся обстоятельствах, я все же заинтересовалась содержанием письма. Она отмахнулась: мол, так, ерунда, немногим больше чем простой привет, а ее реакция дома была вызвана лишь удивлением. Тогда я не догадывалась, что моя мама – умелая лгунья, иначе у меня был бы повод усомниться в ее словах, продолжить расспросы или обратить особое внимание на язык ее тела. Ведь обычно этого не делаешь. Людям инстинктивно веришь, особенно тем, кого хорошо знаешь. Родным я доверяю слепо. Или доверяла.

И потому я на время забыла о замке Майлдерхерст и машиной эвакуации и даже о том странном факте, что она никогда раньше о них не упоминала. Это было довольно легко объяснить, как и большинство вещей, если хорошенько постараться. Мы с мамой неплохо ладили, но никогда не были особо близки и уж точно не вели долгие задушевные беседы о прошлом. Как, впрочем, и о настоящем. Судя по всему, ее эвакуация была приятным, но незапоминающимся опытом,

и у нее не было причин делиться им со мной. Одному Богу известно, как много я утаивала от нее.

Сложнее объяснить то странное сильное чувство, которое охватило меня, когда я наблюдала за ее реакцией на письмо, – необъяснимую уверенность, что существует некое важное воспоминание, которое я никак не могу ухватить. Нечто, что я видела или слышала, но забыла, трепетало в темных уголках памяти, отказываясь замереть и позволить себя разглядеть. Нечто трепетало, и я гадала, изо всех сил стараясь припомнить, не пришло ли много лет назад другое письмо, которое тоже заставило маму плакать. Однако ничего не получалось: обрывки детских впечатлений не желали принимать четкие очертания, и я решила, что, наверное, меня подводит слишком живое воображение, которое, по словам родителей, неминуемо доведет меня до беды, если я не буду осторожна.

В то время у меня были более важные заботы. А именно: где я буду жить, когда оплаченная аренда квартиры истечет. Деньги были внесены за полгода вперед – прощальный подарок Джейми, своего рода извинение, компенсация за недостойное поведение, – но к июню заканчивались. Я прочесывала газеты и витрины агентств по недвижимости в поисках квартир-студий, однако с моей скромной зарплатой найти жилье не слишком далеко от работы оказалось непросто.

Я работаю редактором в «Биллинг энд Браун бук паблишерс». Это небольшое семейное издательство здесь, в Нот-

тинг-Хилле; основано в конце 1940-х Гербертом Биллингом и Майклом Брауном, первоначально – с целью публикации собственных пьес и стихотворений. Когда-то, полагаю, оно было вполне уважаемым, но с течением десятилетий, по мере того как более крупные издательства занимали бóльшую долю рынка, а интерес читателей к авторской литературе падал, нам пришлось ограничиться литературой, которую мы в добродушном настроении называем жанровой, а в менее добродушном – пустой. Мистер Герберт Биллинг – мой начальник, а также наставник, защитник и лучший друг. У меня не так много друзей, по крайней мере из плоти и крови. Я вовсе не страдаю от одиночества, просто я не из тех, кто притягивает друзей или любит находиться в толпе. Я умею обращаться со словами, но только в мыслях, и часто думаю, как чудесно было бы заводить отношения лишь на бумаге. Полагаю, в известном смысле я так и делаю, ведь у меня сотни друзей иного рода, живущих в переплетках, на бесчисленных великолепных печатных страницах, среди историй, которые каждый раз разворачиваются одинаково, но не утрачивают своей прелести, берут за руку и проводят сквозь врата в миры панического ужаса и восторженной радости. Восхитительных, верных, достойных спутников... некоторые из них – настоящий кладезь мудрых советов... однако, к сожалению, к ним нельзя попроситься пожить на месяц-другой.

Дело в том, что, несмотря на скромный опыт расставаний (Джейми – мой первый настоящий парень, о будущем с ко-

торым я мечтала), я подозревала, что пришла пора обратиться за поддержкой к друзьям. Вот почему я вспомнила о Саре. Мы выросли по соседству, и наш дом стал ее вторым домом, когда ее младшие сестры и братья превратились в таких дикарей и ей понадобилось убежище. Мне льстило, что такая штучка, как Сара, не стала воротить нос от довольно степенного пригородного дома моих родителей, и мы дружили всю среднюю школу, пока Сару в очередной раз не застукали с сигаретой за туалетами и не перевели из математического класса в колледж визажистов. Сейчас она внештатно работает в журналах и кино. Ее успех замечателен, но, к сожалению, означает, что в час нужды подруга находится в Голливуде, превращая актеров в зомби, а ее квартира сдана в поднаем австрийскому архитектору.

Я успела поволноваться, представляя в самых пикантных подробностях, какого рода жизнь мне придется вести без крыши над головой, прежде чем Герберт совершил поистине рыцарский поступок и предложил мне диван в своей маленькой квартирке под нашим офисом.

– После всего, что ты сделала для меня?! – возмутился он, когда я уточнила, уверен ли он. – Ты вытащила меня с самого дна! Спасла меня.

Он преувеличивал. Он вовсе не опускался на дно, но я понимала, что он имеет в виду. Я провела в издательстве всего пару лет и как раз начала присматривать работу поинтереснее, когда мистер Браун скончался. Герберт воспринял

смерть партнера так тяжело, что я просто не смогла его бросить. Казалось, у него никого не осталось, кроме пухленькой, похожей на поросенка собачки, и хотя он никогда об этом не говорил, но по характеру и глубине его горя стало ясно, что они с мистером Брауном были не просто деловыми партнерами. Он перестал есть, перестал мыться, а однажды утром до беспамятства упился джином, хотя был трезвенником.

Особого выбора у меня не было: я начала готовить ему еду, конфисковала джин, а когда финансовые дела пошли совсем плохо и я не смогла пробудить его интерес, прочесала всю округу и нашла новые заказы. Тогда мы и переключились на печать рекламных листовок для местных компаний. Герберт был так благодарен, что значительно переоценил мою мотивацию. Он начал отзываться обо мне как о своей протезе и заметно оживлялся, ведя беседы о будущем «Биллинг энд Браун»: как мы с ним перестроим компанию в честь мистера Брауна. Его глаза вновь загорелись, и я еще ненадолго отложила поиски работы.

И вот что я имею. Через восемь лет. К большому изумлению Сары. Такому творческому, умному человеку, как она, который всегда и везде ставит собственные условия, нелегко объяснить, что у остальных людей другие критерии довольства жизнью. Я работаю с людьми, которых обожаю, зарабатываю достаточно денег на пропитание, хотя на квартиру с двумя спальнями в Ноттинг-Хилле все же не хватает, и целыми днями играю со словами и предложениями, помогая

людям выразить свои мысли и реализовать мечты о публикации. Кроме того, у меня не самые плохие перспективы. Не далее как в прошлом году Герберт повысил меня до должности вице-председателя; и не важно, что, кроме нас с ним, никто не работает в компании полный день. Мы устроили небольшую церемонию и все, что полагается. Сьюзен, младший сотрудник на полставки, испекла фунтовый кекс² и пришла в свой выходной, так что мы втроем пили безалкогольное вино из чайных чашек.

Столкнувшись с угрозой выселения, я с благодарностью приняла предложение Герберта. Это правда было очень мило с его стороны, особенно в свете крохотных размеров его квартиры. К тому же ничего другого мне не оставалось. Герберт был чрезвычайно доволен.

– Великолепно! Джесс будет вне себя от радости, она обожает гостей.

Стало быть, в мае я готовилась навсегда выехать из нашей с Джейми квартиры, перевернуть последнюю, чистую страницу нашей истории и начать новую, свою собственную. У меня была работа, здоровье и куча книг; оставалось только не падать духом, быть готовой встретить серые одинокие будни, которые тянулись бесконечной вереницей.

Учитывая все обстоятельства, полагаю, я справлялась неплохо и лишь изредка позволяла себе нырнуть в омут сен-

² *Фунтовый кекс* – традиционный кекс, в рецептуру которого входит по одному фунту муки, масла, яиц и сахара.

тиментальных грез. В таких случаях я находила тихий темный уголок... самое подходящее место, чтобы отдаться на волю фантазий... и в мельчайших подробностях воображала те банальные будущие дни, когда пройду по нашей улице, остановлюсь у нашего дома, взгляну на подоконник, на котором выращивала пряные травы, и замечу чей-то силуэт в окне. В уголке глаза мелькнет завеса между прошлым и настоящим, и я доподлинно познаю физическую боль невозможности вернуться...

В детстве я была мечтательницей и источником постоянного разочарования для своей бедной матери. Она приходила в отчаяние, когда я забредала в грязную лужу или громахающий автобус окатывал меня водой, и говорила что-нибудь вроде: «Смотри не заблудись у себя в голове» или «Если не видеть дальше своего носа, недалеко до беды. Будь внимательнее, Эди».

Для нее это было легко: свет не видывал более здравомыслящей и прагматичной женщины. Но не так легко для девочки, которая жила в своих собственных грезах с тех пор, как впервые задалась вопросом: «А что, если?..» Разумеется, с годами я не перестала мечтать, просто лучше научилась это скрывать. Но мать отчасти была права, ведь именно из-за навязчивых мыслей об унылом и безрадостном будущем без Джейми я оказалась настолько не готова к тому, что случилось.

В конце мая в офис позвонил самозванный медиум, который хотел опубликовать рукопись о своих потусторонних встречах на Ромни-Марш³. Когда к нам обращается новый перспективный клиент, мы всеми силами стараемся ему угодить, вот почему я отправилась в Кент на довольно древнем хетчбэке «пежо», принадлежащем Герберту, чтобы прийти, увидеть и, при должном везении, победить. Я редко вожу машину и терпеть не могу запруженные автострады и потому тронулась в путь на рассвете, рассудив, что так дорога будет свободнее и я смогу выбраться из Лондона невредимой.

Я приехала к девяти. Встреча прошла очень успешно – победа была одержана, контракты подписаны, – и к середине дня вернулась на шоссе. К тому времени движение заметно оживилось, чему решительно не соответствовала машина Герберта, неспособная выжать более пятидесяти миль в час без риска лишиться колес. Я перебралась в левый ряд, но все равно вызывала слишком много гневных гудков и качаний головой. Неприятно, когда тебя считают помехой, особенно если ничего не исправить, и потому в Ашфорде я свернула с автострады на проселочные дороги. У меня совершенно нет чувства направления, но в бардачке лежала карта, и я была полна решимости регулярно съезжать на обочину и сверяться с ней.

Мне понадобилось добрых полчаса, чтобы окончательно

³ *Ромни-Марш* – малонаселенные болотистые низины в Кенте и Восточном Суссексе.

заблудиться. До сих пор не понимаю, как так получилось, подозреваю, что отчасти дело в устаревшей карте, а также в том, что я наслаждалась видами – полями, усыпанными первоцветами, и дикими цветами вдоль канав, – когда надо было следить за дорогой. В общем, я потерялась, колесила по узкой дороге, над которой смыкались огромные искривленные деревья, и наконец призналась себе, что понятия не имею, в какую сторону веду автомобиль – на север, юг, восток или запад.

Но тогда я не встревожилась. Я рассудила, что нужно просто двигаться дальше и рано или поздно я наткнусь на перекресток, ориентир или даже придорожный киоск, в котором добрая душа нарисует мне большой красный крест на карте. Возвращаться на работу было не надо; дороги не бывают бесконечными; достаточно смотреть в оба.

Вот как я обнаружила его. Он торчал из довольно обширных зарослей плюща. Один из старых белых столбиков с названиями местных деревушек, которые вырезаны на заостренных кусках дерева, указывающих в нужную сторону. «Майлдерхерст, – было написано на нем. – Три мили».

Остановив машину, я еще раз прочла надпись. У меня волосы зашевелились на затылке. Мной овладело странное шестое чувство, снова возникло туманное воспоминание, которое я пыталась поймать с февраля, когда доставили мамино пропавшее письмо. Я вылезла из машины как во сне и по-

спешила по указателю. Я словно наблюдала за собой со стороны, словно знала, что мне предстоит найти. И возможно, я действительно знала.

Они находились именно там, где я предполагала, в полумиле дальше по дороге. Из колючек выросли высокие железные ворота, некогда величественные, но теперь кренящиеся под опасным углом. Створки опирались друг на друга, как будто вместе несли тяжкий груз. На небольшой каменной сторожке висела заржавленная табличка с надписью: «Замок Майлдерхерст».

Сердце быстрее и сильнее забилося в груди, когда я перешла через дорогу и приблизилась к воротам. Я схватилась за решетку обеими руками... ладони коснулись холодного, грубого, ржавого железа... и я медленно прижалась к ней лбом. Я проследила взглядом изгибы гравийной подъездной дорожки, которая поднималась по холму, вела по мосту и исчезала за пышной рощей.

Пейзаж был прекрасным, заросшим и меланхоличным, но не от него у меня перехватило дыхание. Внезапно я с абсолютной уверенностью поняла, что уже была здесь. Уже стояла у этих ворот, смотрела сквозь прутья решетки и следила, как птицы, будто ключья ночного неба, парят над ершистым лесом.

Детали с шелестом обретали плоть. Я словно попала в ткань сна, словно вновь заняла то же место во времени и пространстве, что и прежде. Мои пальцы крепче сжали пру-

тъя, и я нутром узнала этот жест. Я уже делала это. Кожа моих ладоней помнила. Я помнила. Солнечный день, теплый ветерок, играющий подолом моего платья... моего лучшего платья... где-то рядом маячит длинная тень матери.

Я покосилась на мать, наблюдая за ней, пока она наблюдала за замком – темным и далеким силуэтом на горизонте. Я страдала от жары и жажды, мне хотелось искупаться в покрытом рябью озере, которое я видела сквозь ворота, поплавать с утками, камышницами⁴ и стрекозами, то и дело внезапно нырявшими в заросли тростника на берегу.

«Мама, – помнится, позвала я; она не ответила, и я повторила: – Мама?» Она повернулась ко мне; лишь через долю секунды искра узнавания осветила ее черты. А до того они хранили выражение, которого я не понимала. Она была для меня незнакомкой, взрослой женщиной, в глазах которой таились секреты. Теперь я нахожу слова описать тот странный сплав чувств: сожаление, нежность, горе, ностальгия, – но тогда растерялась. И растерялась еще больше, когда она сказала: «Я совершила ошибку. Мне не следовало возвращаться. Слишком поздно».

Вроде бы я ничего не ответила. Я понятия не имела, о чем речь, и, прежде чем успела спросить, она схватила меня за руку, дернула так сильно, что у меня заболело плечо, и потащила обратно через дорогу к припаркованной машине. Я уловила незнакомые сельские запахи и аромат ее духов,

⁴ Камышница – небольшая водоплавающая птица семейства пастушковых.

ставший резче, кислинку там, где он смешался с раскаленным воздухом. Мать завела машину, и мы поехали. Я следила за парой ласточек через окно, когда услышала его: такой же жуткий всхлип, как тот, что издала мама при виде письма от Юнипер Блайт.

Книги и Кенары

Ворота замка были заперты и слишком высоки, чтобы перелезть, хотя я не стала бы примериваться, даже будь они пониже. Я никогда не любила спорт и физические упражнения, а с возвращением пропавшего воспоминания у меня подкосились ноги, что никак не способствовало лазанию по заборам. Я испытывала странную отрешенность и неуверенность. Через некоторое время мне пришлось вернуться в машину и обдумать свои дальнейшие действия. Вариантов оказалось немного. В расстроенных чувствах нельзя водить машину, а Лондон слишком далеко, так что я завела мотор и на черепашьей скорости вползла в деревню Майлдерхерст.

На первый взгляд она показалась такой же, как и другие деревушки, через которые я проезжала в тот день: единственная центральная улица с лужайкой и церковью в конце и школой посередине. Я припарковалась перед местным клубом и живо представила ряды усталых лондонских школьников, грязных и растерянных после бесконечной дороги. Вообразила давний образ своей мамы, до того как она стала моей мамой, тогда она еще никем не успела стать, а только беспомощно шагала в неизвестность.

Я брела по Хай-стрит, без особого успеха стараясь попридержать разогнавшиеся мысли. Итак, мама вернулась в Майлдерхерст и взяла меня с собой. Мы стояли у тех ворот,

и она расстроилась. Я это помнила. Это было. Но как только нашелся один ответ, на волю вырвалась целая туча новых вопросов и запорхала в голове, будто стая серых мотыльков, летящих на свет. Почему мы приехали и почему она плакала? Что она имела в виду, говоря, что совершила ошибку и уже слишком поздно? И почему всего три месяца назад она солгала, что письмо Юнипер Блайт ничего не значит?

Вопросы все кружились и кружились, пока я не очутилась у открытой двери книжного магазина. На мой взгляд, в пору душевного смятения вполне естественно искать знакомую обстановку, и высокие шкафы и длинные ряды аккуратно составленных корешков заметно меня успокоили. Среди запаха чернил и переплетов, среди пылинок, танцующих в лучах струящегося солнечного света, в объятиях теплой, безмятежной атмосферы мне словно стало легче дышать. Я ощутила, как пульс нормализовался, а мысли сложили крылья. В магазине было сумеречно – тем лучше; я высматривала любимые заголовки и авторов, как учитель, проводящий перекличку. Бронте – в наличии все три; Диккенс – присутствует; Шелли – несколько чудесных изданий. Ни к чему выдвигать книги с полок, достаточно знать, что они здесь, легонько гладить корешки кончиками пальцев.

Я бродила меж полок, про себя делала пометки, иногда задвигала торчащие книги на место и наконец вышла на свободное пространство в конце магазина. Посередине стоял стол с особой выкладкой, озаглавленной «Наши книги». На

столе теснились исторические очерки, роскошные альбомы и произведения местных авторов: «Загадочные, мокрые и грязные дела», «Контрабандисты из Хокхерста», «Все о хмеле». В центре на деревянной подставке я увидела знакомую книгу: «Подлинная история Слякотника».

Ахнув, я схватила ее.

– Она вам нравится? – вдруг раздался голос.

Продавщица словно с неба свалилась и осталась маячить поблизости, складывая тряпку для вытирания пыли.

– О да, конечно, – благоговейно отозвалась я. – А кому она не нравится?

С «Подлинной историей Слякотника» я познакомилась в десять лет, когда пропускала школу из-за болезни. Кажется, я подхватила свинку, одну из тех детских болезней, из-за которых неделями сидишь взаперти, и, видимо, я становилась все более плаксивой и невыносимой, потому что сочувственная улыбка мамы сменилась стоически поджатыми губами. Как-то раз после недолгой вылазки на Хай-стрит она вернулась с обновленным оптимизмом и сунула мне в руки потрепанную библиотечную книгу.

– Возможно, это тебя подбодрит, – осторожно сказала она. – Пожалуй, это книга для ребят постарше, но ты умная девочка и справишься, если постарайся. Она довольно длинная по сравнению с тем, к чему ты привыкла, но терпение и труд все перетрут.

Наверное, я жалобно закашляла в ответ, отчасти созна-

вая, что мне предстоит переступить удивительный порог и возврат невозможен; что в моих руках – вещь, за скромным видом которой скрывается великая сила. У всех настоящих читателей есть подобная книга и подобный миг, и, когда мама протянула мне зачитанный библиотечный томик, мой миг наступил. Тогда я не знала этого, но после погружения в мир Слякотника реальная жизнь навсегда утратила способность конкурировать с вымыслом. Я глубоко благодарна мисс Перри за то, что она положила на стойку этот роман и уговорила мою раздраженную мать передать его мне, то ли перепутав меня с намного более взрослым ребенком, то ли заглянув мне в душу и увидев прореху, которая нуждалась в штопке. Я всегда предпочитала верить в последнее. В конце концов, священный долг библиотекарей – сводить книги с их настоящими читателями.

Открыв пожелтевшую обложку, я попала под чары с первой же главы, где описывалось пробуждение Слякотника в глянцево-черном рву и ужасный миг, когда забило его сердце. Мои нервы натянулись до предела, кожа покраснела, пальцы тряслись от нетерпения, перелистывая одну за другой страницы с истончившимися уголками, за которые хватались бесчисленные читатели, предпринимавшие это путешествие до меня. Я посетила множество прекрасных и ужасных мест, и все это – не покидая застеленного дивана в комнате для завтрака пригородного дома моей семьи. Слякотник держал меня в плену много дней: мать снова нача-

ла улыбаться, мое распухшее лицо приняло прежние очертания, и мое будущее определилось.

Еще раз взглянув на написанную от руки табличку «Наши книги», я повернулась к сияющей продавщице:

– Раймонд Блайт – местный уроженец?

– О да. – Она заправила тонкие волосы за уши. – Самый что ни на есть. Жил и писал в замке Майлдерхерст, там же и умер. Это грандиозное поместье в нескольких милях от деревни. – В ее голосе появилась едва заметная грустная нотка. – По крайней мере, прежде грандиозное.

Раймонд Блайт. Замок Майлдерхерст. Мое сердце забилося что есть сил.

– А не было ли у него дочери?

– Целых три.

– Одну из них звали Юнипер?

– Да, самую младшую.

Я подумала о маме – из шеренги эвакуированных ее вытаскала семнадцатилетняя девушка, которая вошла в церковный клуб, словно заряжая воздух электричеством, и которая послала в 1941 году письмо, заставившее маму полвека спустя рыдать при его получении. И внезапно мне захотелось на что-нибудь опереться.

– Все три до сих пор живы, – сообщила продавщица. – Мать говорит, не иначе как в замковую воду что-то подмешано. Старушки на зависть крепкие и бодрые. Не считая ва-

шей Юнипер, конечно.

– А что случилось с ней?

– Сошла с ума. Полагаю, это семейное. Печальная история. По слухам, она была очень красива и к тому же умна, подавала большие надежды как писательница, но во время войны ее бросил жених, и она так и не оправилась. Повредилась в рассудке, ждала его возвращения, но он не вернулся.

Я открыла рот, чтобы выяснить, куда подевался ее жених, но продавщица уже оседлала конька и вряд ли собиралась отвечать на вопросы из зала.

– Хорошо, что сестры смогли за ней присматривать... вымирающая порода, эти двое; вечно участвовали в самой разной благотворительности... иначе бы ее отправили в известное заведение. – Она оглянулась, убедилась, что мы одни, и наклонилась ближе. – Помню, когда я была девочкой, Юнипер рыскала по деревне и полям; никому не досаждала, ничего такого, просто бесцельно бродила. Пугала местных детишек, но детям во все времена нравится пугаться, согласны? – Я энергично кивнула, и продавщица подвела итог: – В общем, она была довольно безобидна и ни разу не нарвалась на серьезные неприятности. В конце концов, каждой порядочной деревне нужен местный чудак. – На ее губах задрожала улыбка. – Компания для призраков. Обо всем этом написано здесь.

И она показала мне книгу под названием «Майлдерхерст Раймонда Блайта».

– Хорошо, я возьму ее. – Я протянула десятифунтовую банкноту. – И еще экземпляр «Слякотника».

Я уже почти покинула магазин со свертком в коричневой оберточной бумаге, когда продавщица крикнула вслед:

– Знаете, если вам и правда интересно, можете сходить на экскурсию!

– По замку? – обернулась я, вглядываясь в темные углы магазина.

– Вам нужна миссис Кенар. Частная гостиница в фермерском доме дальше по Тентерден-роуд.

Фермерский дом стоял в паре миль обратно по дороге: каменный коттедж, отделанный плиткой, в окружении обильно цветущих садов, из зелени робко выглядывают подсобные помещения. Линию крыши нарушали два маленьких слуховых окна; вокруг колпака высокой кирпичной трубы носилась стая белых голубей. Окна в свинцовых переплетах были распахнуты, впуская теплый день; ромбические стекла подслеповато щурились на полуденном солнце.

Я оставила машину под высоченным ясенем, под раскинутыми ветвями которого укрывался край коттеджа, и прошла сквозь согретые солнцем заросли: пьянящий жасмин, живокость и колокольчики, выплеснувшиеся на кирпичную тропинку. Мимо самодовольно проковыляла пара белых гусей, не удостоив меня даже взглядом, и я переступила порог тускло освещенной комнаты, оставив яркое солнце за спиной.

Ближние стены были украшены черно-белыми фотографиями замка и его угодий, снятых, согласно подписям, в 1910 году для журнала «Кантри лайф». У дальней стены за стойкой с золотой табличкой «Администрация» ждала невысокая пухлая женщина в синем льняном костюме.

– Так-так, надо полагать, вы моя юная гостья из Лондона? – Она моргнула сквозь круглые очки в черепаховой оправе и улыбнулась моему замешательству. – Мне позвонила Элис из книжного и предупредила о вашем возможном визите. Смотрю, вы не тратили времени даром. Кенар думал, что вы приедете только через полчаса, не раньше.

Я взглянула на желтого кенара в роскошной клетке у нее за спиной.

– Сейчас время ланча, но я сказала, что вы наверняка появитесь, едва я запру дверь и повешу табличку «Закрыто».

Она засмеялась, хриплый смешок поднялся из самых глубин ее горла. На вид ей было около шестидесяти, но этот смех принадлежал намного более молодой и озорной женщине, не той, какой она казалась с первого взгляда.

– Элис говорила, вас интересуется замок.

– Так и есть. Я хотела сходить на экскурсию, и она послала меня сюда. Мне нужно где-нибудь записаться?

– Ну что вы, дорогуша, никаких формальностей. Я сама провожу экскурсии. – Ее облаченная в лен грудь горделиво выпятилась и снова опала. – То есть проводила.

– Проводили?

– О да, такое приятное занятие! Разумеется, сначала мисс Блайт проводили их сами; начиная с пятидесятих годов, чтобы собрать средства на содержание замка и обойтись без Национального треста...⁵ мисс Перси не потерпела бы подобно-го, уверяю вас... но несколько лет назад это стало слишком утомительно. У каждого есть предел возможностей, и когда мисс Перси достигла своего предела, я с радостью приняла эстафету. Когда-то я проводила по пять экскурсий в неделю, но сейчас к нам редко заглядывают. Судя по всему, люди забыли старый замок.

Она с недоумением на меня уставилась, как будто я могла объяснить причуды человеческой природы.

– Что ж, я бы охотно его осмотрела, – заметила я с радостью, надеждой и, возможно, с капелькой отчаяния.

Миссис Кенар моргнула:

– Ну конечно, моя дорогая, и я бы не менее охотно показала его вам, но, боюсь, экскурсии больше не проводятся.

Разочарование было сокрушительным, на мгновение я лишилась дара речи, после чего с трудом выдавила:

– Вот как.

– Увы, но мисс Перси заявила, что передумала. Якобы она устала открывать свой дом невежественным туристам, которые только и умеют, что мусорить. Мне жаль, что Элис вас дезинформировала.

⁵ *Национальный трест* – британская организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест.

Она беспомощно пожала плечами, и между нами повисла напряженная тишина.

Я собралась было вежливо откланяться, но внезапно мне больше всего на свете захотелось побывать в замке Майлдерхерст, тем более что это стало запретным плодом.

– Просто... я обожаю Раймонда Блайта, – услышала я собственный голос. – Вряд ли я занялась бы издательским делом, если бы не прочла в детстве «Слякотника». Может быть... Может, вы замолвите за меня словечко, заверите владелиц, что я не из тех, кто станет мусорить в их доме?

– Ну... – Она задумчиво нахмурилась. – Замок действительно очень красив, и никто не гордится своим положением больше мисс Перси... Вы говорите, издательское дело?

Нечаянно я попала в самую точку: миссис Кенар принадлежала к поколению, для которого эти слова обладали очарованием в духе Флит-стрит, несмотря на мой тесный, заваленный бумагами закуток и весьма отрезвляющие балансовые отчеты. Я уцепилась за эту возможность, как утопающий за спасательный плот.

– «Биллинг энд Браун бук павлишерс», Ноттинг-Хилл.

Я вспомнила о визитных карточках, которые Герберт подарил мне на скромной вечеринке в честь моего повышения. Мне и в голову не приходило носить их с собой, по крайней мере в деловых целях, но из них получались весьма удобные закладки, так что я обнаружила одну в «Джейн Эйр» – книге, которую носила в сумке на случай, если придется стоять

в очереди. Я протянула карточку, словно выигрышный лотерейный билет.

– Вице-председатель, – прочла миссис Кенар, разглядывая меня поверх очков. – Вот как.

В ее голосе появилась благоговейная нотка, и вряд ли у меня разыгралось воображение.

Она ковырнула уголок визитной карточки, поджала губы и решительно кивнула:

– Хорошо. Подождите минутку, пока я позвоню старушенциям. Возможно, мне удастся выбить у них разрешение на экскурсию сегодня днем.

Пока миссис Кенар тихонько ворковала в старомодную телефонную трубку, я уселась в обитое ситцем кресло и развернула бумажный сверток со своими новыми книгами. Я вынула роскошный экземпляр «Слякотника» и перевернула его. Мои слова о том, что знакомство с историей Раймонда Блайта так или иначе определило мою судьбу, были чистой правдой. Даже когда я просто держала книгу в руках, меня переполняло всеобъемлющее чувство точного понимания своего места в жизни.

Обложка нового издания ничем не отличалась от обложки той книги, которую мама взяла в библиотеке «Уэст-Барнс» двадцать лет назад, и я улыбнулась своим мыслям, поклявшись купить бумажный пакет и отправить «Слякотника» в библиотеку, как только окажусь дома. Наконец-то я отдам

долг двадцатилетней давности.

Дело в том, что, когда моя свинка прошла и настала пора вернуть «Слякотника» мисс Перри, книга бесследно исчезла. Несмотря на все мамины старания и обвинения в мистификации, «Слякотник» так и не нашелся, даже на складе потерянных вещей у меня под кроватью. Когда все варианты были исчерпаны, меня отвели в библиотеку, чтобы честно признаться в содеянном. Бедная мама чуть не умерла от стыда, когда мисс Перри бросила на нее один из своих знаменитых испепеляющих взглядов, однако меня слишком грела восхитительная радость обладания, и мне было не до чувства вины. В первый и последний раз в жизни я совершила кражу, но это было неизбежно; просто мы с книгой принадлежали друг другу.

Трубка телефона миссис Кенар с пластмассовым щелчком упала на рычаг, и я подскочила в кресле. По напряженному лицу женщины стало ясно, что новости плохие. Я встала и захромала к стойке; затекшую левую ногу покалывало.

– К сожалению, одна из сестер Блайт сегодня нездорова, – сообщила миссис Кенар.

– Неужели?

– У младшей случился припадок, врач уже в пути.

Я постаралась скрыть разочарование. Совершенно неприлично переживать из-за сорвавшейся экскурсии, когда заболела пожилая дама.

– О боже! Надеюсь, ничего страшного?

Миссис Кенар отмахнулась от моего сочувствия, как от безобидного, но надоедливого насекомого.

– Уверена, она скоро поправится. Это не впервые. Она с детства страдает от приступов.

– Приступов?

– Они называют их провалами в памяти. Она напрочь забывает, что случилось, в основном вследствие перевозбуждения. Как-то связано с необычным сердечным ритмом... не то слишком быстрым, не то слишком медленным, не знаю, но она часто отключается, а после пробуждения не помнит, что творила. – Миссис Кенар поджала губы, решив оставить прочие подробности при себе. – У старших сестер сегодня довольно хлопот и без вас, но им очень не хотелось отказывать. Они считают, что дому нужны гости. Забавные старушенции... Если честно, я изрядно удивлена, ведь обычно они не слишком гостеприимны. Вероятно, им становится одиноко. Дом слишком велик для троих. Они предложили вам прийти завтра утром. Что скажете?

В моей груди встрепенулась тревога. Я не собиралась оставаться, и все же при мысли о том, чтобы уехать, не взглянув на замок изнутри, испытала внезапный прилив огорчения. Мир окутала пелена разочарования.

– Если угодно, у нас есть свободный номер – отменили заказ, – добавила миссис Кенар. – Обед входит в стоимость.

У меня накопилась работа на выходные, Герберту нужна

была машина для поездки в Виндзор завтра днем, и я не из тех, кто способен заночевать в незнакомом месте, повинуюсь порыву.

– Хорошо, – согласилась я, – договорились.

Майлдерхерст Раймонда Блайта

Пока миссис Кенар заполняла бумаги, переписывая сведения с моей визитной карточки, я попросила разрешения удалиться, несколько раз вежливо хмыкнув, и направилась к открытой задней двери. Внутренний двор был образован стенами дома и других фермерских построек: амбара, голубятни и загадочного сооружения с конической крышей, как позже выяснилось – хмелесушильни. Посередине дремал круглый пруд; его согретую солнцем поверхность пересекала, царственно покачиваясь, пара толстых гусей. Поднятая птицами рябь набегала на выложенные плиткой берега. Позади пруда павлин изучал краешек подстриженной лужайки, отделявшей ухоженный внутренний двор от зарослей полевых цветов, уходивших к далекому парку. Я стояла в темной раме дверного проема, и залитый солнечным светом сад казался мне моментальным снимком с давно забытого и чудесным образом возрожденного весеннего дня.

– Великолепно, не правда ли? – произнесла миссис Кенар, внезапно очутившись у меня за спиной, хотя я не заметила ее приближения. – Вы слышали об Оливере Сайксе?

Я покачала головой, и она кивнула, радуясь возможности меня просветить:

– Он был архитектором, довольно известным в свое время. Ужасно эксцентричным. У него был собственный дом в

Суссексе, Пембрук-Фарм. В начале двадцатого века, вскоре после того, как Раймонд Блайт впервые женился и привез жену из Лондона, Оливер Сайкс работал в замке. Это была одна из последних работ Сайкса до того, как он исчез, отправившись в свой вариант гранд-турне. Он следил за созданием большой версии нашего круглого пруда, а также изрядно потрудился над ровом вокруг замка, превратив его в роскошную кольцевую купальню для миссис Блайт. Говорят, она была превосходной пловчихой, настоящей спортсменкой. Они сыпали туда... – Моя собеседница приставила палец к щеке и наморщила лоб. – Какой-то химикат... о господи, как бишь его? – Она убрала палец и крикнула: – Кенар?

– Медный купорос, – раздался бесплотный мужской голос.

Я снова взглянула на кенара, который искал на полу клетки семена, и обвела глазами увешанные фотографиями стены.

– Да-да, конечно, – ничуть не смутившись, продолжила миссис Кенар, – медный купорос, чтобы вода была лазурно-голубой. – Вздых. – Впрочем, с тех пор прошло немало времени. К сожалению, несколько десятков лет назад ров Сайкса засыпали, в его грандиозном кольцевом пруду плавают только гуси, в нем полно грязи и гусяного помета. – Она протянула тяжелый латунный ключ и сомкнула на нем мои пальцы. – Завтра мы прогуляемся к замку. Прогноз погоды хороший, со второго моста откроется чудесный вид. Давайте

встретимся здесь в десять.

– У тебя завтра утром встреча со священником, дорогая, – вновь поплыл к нам терпеливый, словно обшитый деревянными панелями, голос.

На этот раз я определила его источник: небольшая дверца, спрятанная в стене за стойкой.

Миссис Кенар покусала губы, словно обдумывая это загадочное уточнение.

– Кенар прав. Ну надо же, какая жалость. – Вдруг она просияла. – Ерунда. Я оставлю вам инструкции, как можно скорее закончу дела в деревне и встречу вас у замка. Мы проведем там около часа. Не хочу обременять владелиц дольше, ведь все мисс Блайт очень старые.

– Часа вполне достаточно, – заверила я.

А к ланчу я уже отправлюсь в Лондон.

Моя комната оказалась крошечной; посередине жадно раскинулась кровать под балдахином, под окном со свинцовым переплетом ютился узкий письменный стол – вот, собственно, и все. Зато вид оказался превосходным; комната располагалась в глубине дома, и окно выходило на тот самый луг, который я разглядывала через дверь внизу. С третьего этажа, однако, открывался лучший вид на холм, взбирающийся к замку, и на лес, над которым торчал шпиль башни, указующий в небо.

На столе кто-то оставил аккуратно сложенное клетчатое

одеяло для пикника и приветственную корзинку с фруктами. День был теплым, пейзажи вокруг – очаровательными, так что я взяла банан, прихватила одеяло под мышку и спустилась в холл со своей новой книгой «Майлдерхерст Раймонда Блайта».

Воздух во дворе был пропитан сладким ароматом жасмина, крышу деревянной беседки на краю лужайки усеивали пышные белые цветы. Крупные золотые рыбки медленно плавали у поверхности пруда, подставляя пухлые бока полуденному солнцу. И все же я не стала задерживаться в этом раю – меня манила далекая полоска деревьев, и я побрела к ней по лугу, усыпанному лютиками, стихийно выросшими среди высокой травы. Хотя лето еще не наступило, день был теплым, а воздух сухим, и пока я добралась до деревьев, на лбу у меня выступили бисеринки пота.

Расстелив одеяло в кружевной тени, я сбросила туфли. Где-то неподалеку по камням журчал мелкий ручеек, бабочки парили на ветру. Одеяло умиротворяюще пахло мыльными хлопьями и раздавленными листьями. Когда я села, высокие луговые травы закрыли меня с головой, и я словно очутилась в полном одиночестве.

Прислонив «Майлдерхерст Раймонда Блайта» к согнутым коленям, я провела ладонью по обложке. На ней под разными углами были разбросаны черно-белые фотоснимки, словно выпавшие из чьей-то руки. Красивые дети в старомодных платьицах, давние пикники у сверкающего пруда, шеренга

пловцов, позирующих у рва; серьезные взгляды людей, для которых возможность перенести жизнь на фотобумагу была сродни волшебству.

Я открыла первую страницу и погрузилась в чтение.

Глава 1

ЧЕЛОВЕК ИЗ КЕНТА

«Иные говорили, что Слякотник никогда не рождался, что он существовал всегда, подобно ветру, деревьям и земле, но они ошибались. Все живые существа рождаются, у всех живых существ есть дом, и Слякотник не был исключением».

Некоторым авторам художественная литература дает шанс покорить неведомые горы и выплеснуть на бумагу великие просторы фантазии. Для Раймонда Блайта, однако, в отличие от большинства романистов его времени надежным, плодотворным и фундаментальным источником вдохновения как в жизни, так и в работе стал родной дом. Письма и статьи, написанные им за семьдесят пять лет, отражают одну и ту же тему. Да, Раймонд Блайт определенно был домоседом. Участок земли, который его предки веками называли своим, стал для него местом отдохновения, убежищем и в конечном счете религией. Редко когда дом писателя служил литературным целям столь недвусмысленно,

как в готическом романе для юношества «Подлинная история Слякотника». Но еще до этой эпохальной работы замок, гордо высящийся на плодородном холме среди зеленого Уилда⁶ Кента, пахотные земли, дремучие говорливые леса и прелестные сады, на которые по-прежнему выходят окна замка, сумели сделать Раймонда Блайта тем, кем он стал.

В жаркий летний день 1866 года в замке Майлдерхерст в комнате на третьем этаже родился Раймонд Блайт. Первенец Роберта и Афины Блайт, он был назван в честь дедушки по отцовской линии, сколотившего состояние на канадских золотых приисках. Раймонд был старшим из четырех братьев, младший из которых, Тимоти, трагически погиб во время ужасной грозы в 1876 году. Афина Блайт, довольно известная поэтесса, не вынесла смерти младшего сына и, по слухам, вскоре после похорон погрузилась в тяжелую депрессию, из которой не было возврата. Она покончила с собой, бросившись с башни Майлдерхерста, оставив мужа, поэзию и троих маленьких сыновей.

На соседней странице была помещена фотография красивой женщины с замысловато уложенными темными волосами, которая смотрела из открытого окна со средником⁷ на головки четырех маленьких мальчиков, построенных по росту. Датированный 1875 годом снимок был белесым, что ха-

⁶ Уилд – прежде поросшая лесом область на юго-востоке Англии.

⁷ Средник – средний поперечный брус в оконных рамах или дверях.

рактарно для ранних любительских фотографий. Младший мальчик, Тимоти, должно быть, пошевелился во время съемки, потому что его улыбающееся лицо было размыто. Бедняжка, он понятия не имел, что ему оставалось жить всего несколько месяцев.

Я пролистанала еще несколько абзацев... замкнутый викторианский отец, отъезд в Итон, учеба в Оксфорде... и наконец Раймонд Блайт повзрослел.

Закончив Оксфорд в 1887 году, Раймонд Блайт перебрался в Лондон и приступил к литературной деятельности в качестве сотрудника журнала «Панч». За следующие десять лет он опубликовал десять пьес, два романа и подборку детских стихотворений, хотя из его писем становится ясно, что, несмотря на профессиональные достижения, он не был счастлив в Лондоне и тосковал по плодородной сельской местности своего детства.

Не исключено, что городская жизнь стала для Раймонда Блайта относительно сносной лишь в 1895 году, после его брака с мисс Мюриэль Палмерстон – «самой прелестной дебютанткой года», окруженной множеством поклонников. Несомненно, в тот период его письма выдают значительный подъем духа. Раймонда Блайта и мисс Палмерстон свел вместе общий знакомый, и все были единогласны: они замечательно подходят друг другу. Оба любили свежий воздух, словесные игры и фотографию и составляли очаровательную пару, не раз украшавшую страницы

светской хроники.

После смерти отца в 1898 году Раймонд Блайт унаследовал замок Майлдерхерст и вернулся в него с Мюриэль, чтобы зажить собственным домом. Многочисленные очевидцы свидетельствуют, что пара давно мечтала о детях, и к моменту переезда в Майлдерхерст Раймонд Блайт вполне открыто выражал в своих письмах тревогу относительно того, что до сих пор не стал отцом. Однако это счастье сторонилось супругов еще несколько лет. В 1905 году Мюриэль Блайт призналась в письме матери, что испытывает мучительный страх – неужели им с Раймондом будет отказано в завершающем благословении детьми? А через четыре месяца она вновь написала матери и с огромной радостью и, вероятно, немалым облегчением сообщила, что ждет ребенка. Как позже оказалось – детей, поскольку после тяжелой беременности, включающей продолжительный период вынужденного постельного режима, в январе 1906 года Мюриэль успешно разрешилась от бремени девочками-двойняшками. Письма Раймонда Блайта к его братьям позволяют предположить, что это было самое счастливое время в его жизни, и семейные альбомы полны фотографических подтверждений его отцовской гордости.

На следующем развороте я увидела множество фотографий двух маленьких девочек. Хотя они явно были очень похожи, одна была ниже и тоньше и улыбалась чуть менее уве-

ренно, чем ее сестра. На последнем снимке мужчина с волнистыми волосами и добрым лицом сидел в мягком кресле и держал на коленях двух малышей в кружевах. Нечто в его облике – возможно, сияние глаз или ласковое прикосновение рук к плечам девочек – выдавало глубокое чувство к двойняшкам, и, приглядевшись как следует, я поняла, какая редкость – фотография той эпохи, на которой отец запечатлен с дочерьми так просто и по-домашнему. Мое сердце согрела симпатия к Раймонду Блайту, и я продолжила чтение.

Однако счастью не суждено было длиться долго. Мюриэль Блайт погибла зимним вечером 1910 года, когда раскаленный уголек из камина, у которого она сидела, перелетел через экран и упал на колени. Шифон платья мгновенно вспыхнул, ее охватило пламя прежде, чем подоспела помощь. Пожар поглотил восточную башню замка Майлдерхерст и обширную библиотеку семьи Блайт. Все тело миссис Блайт было покрыто ожогами, и хотя ее заворачивали в мокрые бинты и лечили лучшие врачи, через месяц она скончалась от ужасных ран.

Горе Раймонда Блайта из-за смерти жены было таким безбрежным, что за несколько последующих лет он не напечатал ни слова. В одних источниках утверждается, что он стал жертвой творческого кризиса, в других – что он замуровал свой кабинет и отказывался писать, вскрыв его только для работы над своим прославленным ныне романом «Подлинная история Слякотника», рожденным в порыве вдохновения в 1917

году. Несмотря на популярность «Слякотника» прежде всего у юных читателей, многие критики усматривают в романе аллегорию Первой мировой войны, во время которой множество солдат полегло на глинистых полях Франции; в частности, проводятся параллели между главным героем и демобилизованными солдатами, пытающимися вернуться домой к своим семьям после кошмарной резни. Сам Раймонд Блайт был ранен во Фландрии в 1916 году, после чего вернулся в Майлдерхерст, где его поставили на ноги частные сиделки. Попытки выведать настоящее имя Слякотника, этого забытого существа, его должность и место в истории также считаются данью бесчисленным неизвестным солдатам Первой мировой, а бесплотность этих попыток объясняется тем, что после возвращения с войны Раймонд Блайт будто бы выпал из жизни.

Несмотря на огромный объем исследований, посвященных данному вопросу, подлинный источник вдохновения автора «Слякотника» остается неизвестным. Раймонд Блайт проявлял удивительную скрытность насчет происхождения романа, утверждая лишь, что его посетила муза, что книга была подарком и возникла сразу целиком. Возможно, именно поэтому «Подлинная история Слякотника» – один из крайне немногочисленных романов, которые сумели привлечь и удержать интерес читателей и достигли почти легендарной значимости. Литературоведы множества национальностей продолжают яростно спорить о том, что именно вдохновило автора «Слякотника» и оказало

на него влияние, но это по-прежнему остается одной из самых неподдающихся литературных загадок двадцатого века.

Литературная загадка. Я тихо повторила эти слова, и по моей спине пробежал холодок. Я любила «Слякотника» за оригинальный сюжет и чувства, которые пробуждала во мне вязь повествования, а узнав, что сочинение романа окружено тайной, полюбила его еще больше.

Хотя Раймонд Блайт был состоявшимся писателем, невероятный успех «Подлинной истории Слякотника» у критиков и читателей затмил его предыдущие произведения, и он навсегда стал создателем любимого романа нации. В 1924 году по «Слякотнику» была поставлена пьеса в одном из театров лондонского Уэст-Энда, после чего его популярность еще возросла, однако, несмотря на постоянные просьбы читателей, Раймонд Блайт отказывался писать продолжение. Первое издание романа было посвящено его дочерям-двойняшкам, Персефоне и Серафине, в дальнейших изданиях была добавлена еще одна строчка с инициалами двух его жен: М. Б. и О. С.

Дело в том, что одновременно с профессиональным триумфом расцвела и личная жизнь Раймонда Блайта. В 1919 году он женился на Одетте Сильверман, которую встретил на приеме в Блумсбери, устроенном леди Лондондерри. Несмотря на скромное происхождение, талант арфистки стал для мисс Сильверман пропуском на светские мероприятия, которые иначе наверняка

остались бы для нее недоступными. Помолвка была недолгой, и брак вызвал небольшой светский скандал в связи с возрастом жениха и юностью невесты – ему перевалило за пятьдесят, а ей было восемнадцать, всего на пять лет больше, чем его дочерям от первого брака, – а также в связи с разницей их происхождения. Ходили слухи, что Раймонда Блайта приворожили – красотой и юностью Одетты Сильверман. Пара обвенчалась в часовне Майлдерхерст, открытой впервые после похорон Мюриэль Блайт.

В 1922 году Одетта родила дочь. Малышку окрестили Юнипер. На множестве фотографий, сохранившихся с того времени, ее красота несомненна. Несмотря на шуточные замечания о затянувшемся отсутствии сына и наследника, из писем Раймонда Блайта ясно, что он был рад прибавлению в семействе. Увы, его счастье оказалось недолгим; грозовые тучи уже сгущались на горизонте. В декабре 1924 года Одетта умерла от осложнений в самом начале второй беременности.

Я поспешно перевернула страницу и увидела два снимка. На первом Юнипер Блайт, вероятно, было годика четыре. Она сидела, вытянув перед собой босые ноги и скрестив лодыжки. По лицу было ясно, что ее застали врасплох в момент одиноких раздумий, чему она вовсе не рада. Она смотрела прямо в камеру миндалевидными глазами, расставленными чуть широковато. На фоне чудесных светлых волос, россыпи веснушек вокруг курносого носа и раздраженно надутых

губок казалось, что в глазах ее таятся недетские познания.

На следующем снимке Юнипер была уже девушкой. Годы, похоже, пролетели незаметно, и те же самые кошачьи глаза смотрели в камеру со взрослого лица. Лица удивительной, но странной красоты. Я вспомнила рассказ матери о том, как деревенские женщины расступились при появлении Юнипер, словно она принесла с собой особую атмосферу. Глядя на фотографию, я без труда могла вообразить эту сцену. Юнипер была пылкой и замкнутой, отрешенной и сведущей одновременно. Отдельные черты, намеки и проблески эмоций и интеллекта складывались в неотразимое целое. В поисках даты я прочла сопутствующий текст – апрель 1939 года. В том самом году с ней познакомилась моя двенадцатилетняя мать.

После смерти второй жены Раймонд Блайт, по свидетельству очевидцев, заперся в своем кабинете. Однако он больше не опубликовал ничего примечательного, не считая пары-тройки коротеньких отзывов в «Таймс». Хотя перед смертью Блайт работал над неким проектом, это был, вопреки общим надеждам, не новый «Слякотник», а многословный научный трактат о нелинейной природе времени, развивающий собственные теории автора, знакомые читателям «Слякотника», о способности прошлого проникать в будущее. Работа так и не была завершена.

В последние годы жизни здоровье Раймонда Блайта неуклонно ухудшалось, и он решил, что это Слякотник

из его знаменитого романа стал призраком и теперь преследует и мучает его – вполне естественный, хотя и необычный страх, учитывая вереницу трагических событий, погубивших множество дорогих его сердцу людей, который охотно разделяют гости замка. Принято считать, что старинный замок изобилует ледящими кровью историями. И неудивительно, что всеми любимая книга, такая как «Подлинная история Слякотника», события которой разыгрываются в этих самых стенах, породила подобные теории.

В конце 1930-х Раймонд Блайт обратился в католицизм и в последние годы отказывался кого-либо видеть, кроме своего священника. Писатель умер в пятницу, 4 апреля 1941 года, упав с башни Майлдерхерст – та же участь постигла его мать на шестьдесят пять лет раньше.

В конце главы имелась еще одна фотография Раймонда Блайта. Она разительно отличалась от первой – улыбающегося молодого отца с парой пухлых двойняшек на коленях, – и пока я изучала ее, мне живо припомнился разговор с Элис в книжном магазине. В особенности ее предположение, что психическая неустойчивость, поразившая Юнипер Блайт, коренилась у нее в крови. Ведь в этом человеке, этой версии Раймонда Блайта, не было ни капли простоты и довольства, которые так бросались в глаза на первом снимке. Напротив, казалось, его терзает беспокойство: глаза настожены, губы поджаты, подбородок напряжен. Фотография

датирована 1939 годом, Раймонду было семьдесят три, но чем дольше я смотрела, тем больше укреплялась в мысли, что не только возраст прочертил глубокие морщины на его лице. Во время чтения я решила, что биограф упомянула о призраках в переносном смысле, однако теперь поняла: это не так. Лицо человека на снимке было маской застарелой душевной муки, полной страха.

Вокруг сгустились сумерки, заполнив низины и леса поместья Майлдерхерст, прокравшись на поля и поглотив свет. Фотография Раймонда Блайта растворилась в темноте, и я закрыла книгу. Но не ушла. Еще не время. Вместо этого я обернулась и взгляделась в прореху меж деревьев, где на вершине холма стоял замок, черная громада на фоне темно-синего неба. Я трепетала при мысли, что завтра утром переступлю его порог.

В тот день обитатели замка обрели для меня плоть; они просочились под кожу, пока я читала книгу, и теперь мне казалось, что я знаю их целую вечность и нахожусь в деревне Майлдерхерст по праву, хотя попала сюда случайно. То же самое я испытывала, когда впервые читала «Грозовой перевал», «Джейн Эйр» и «Холодный дом». Как будто история уже была мне знакома, будто подтверждала мои давние подозрения о мире, будто ждала меня всегда.

Путешествие сквозь скелет сада

До сих пор, закрывая глаза, я вижу сверкающее утреннее небо начала лета: солнце кипит под прозрачной синей пленкой. Наверное, оно запечатлелось в моей памяти, поскольку в следующий раз я увидела Майлдерхерст только через несколько месяцев, когда сады, леса и поля облачились в металлические цвета осени. Однако в тот день все было иначе. Я отправилась в Майлдерхерст, помахивая подробными инструкциями миссис Кенар; в груди трепетало давно подавленное желание. Мир возродился к жизни: пение птиц окрасило воздух, гудение пчел сгустило его, а теплое-теплое солнце тянуло вверх по холму прямо к замку.

Дорога все не кончалась, и я уже начала опасаться, что совсем заблудилась в бесконечной роще, когда прошла через заржавленные ворота и оказалась перед заброшенным прудом для купания, большим и круглым, по меньшей мере тридцати футов в диаметре. Я сразу поняла, что это тот самый пруд, о котором упоминала миссис Кенар, – пруд, сконструированный Оливером Сайксом в то время, когда Раймонд Блайт привез в замок свою первую жену. Разумеется, водоем во многом походил на своего меньшего брата рядом с фермерским домом, однако отличия так и бросались в глаза. Пруд миссис Кенар весело блестел на солнце, ухоженная лужайка вокруг ластилась к его выложенным песчаником бе-

регам, а этот пруд давно был заброшен. Его каменная оправа покрылась мхом и растрескалась, и теперь пруд окаймляли калужница и поповник, желтые личики которых соперничали за пятна света. Вода густо заросла кувшинками, листья которых накладывались друг на друга; теплый ветерок волновал всю поверхность, словно шкуру огромной чешуйчатой рыбы, экзотического чудовища из тех, чей рост ничто не сдерживает.

Дна пруда видно не было, но я догадывалась о его глубине. На дальней стороне имелся трамплин для прыжков; деревянная доска выщвела и растрескалась, пружины проржавели; казалось, все сооружение держится лишь на честном слове. К ветке огромного дерева двойными веревками были привязаны качели, ныне усмиренные множеством колючих побегов, которые оплели их снизу доверху.

Колючки, кстати, не ограничились веревками, они немало повеселились, необузданно разрастаясь на странной заброшенной поляне. За путаницей жадной зелени я разглядела небольшое кирпичное здание, вероятно кабинку для переодевания, заостренная крыша которой едва пробивалась сквозь заросли. Дверь была заперта на висячий замок, механизм совершенно проржавел, а окна, когда я обнаружила их, оказались покрыты толстым слоем грязи, которую не получалось стереть. Однако с задней стороны стекло было разбито, на самом остром осколке торчал серый клочок шерсти, так что можно было заглянуть внутрь. Конечно, я не упустила

этой возможности.

Пыль, такая густая, что я ощущала ее запах, десятилетия пыли, одеялом укутавшей пол и все остальное. Солнце неравномерно струилось сквозь застекленную крышу, часть деревянных ставней исчезла, часть еще висела на петлях, часть валялась на полу. Пылинки проникали сквозь щели и вились по спирали в лучах стреноженного света. Ряд полок был забит сложенными полотенцами, чей изначальный цвет невозможно было угадать; на элегантно́й двери в задней стене висела табличка: «Кабинка для переодевания». Завеса из паутины взволнованно трепетала рядом со штабелем шезлонгов, хотя ее трепета давным-давно никто не замечал.

Внезапно устыдившись шороха палой листвы под ногами, я отступила. Поляну пронизывал необъяснимый покой, хотя кувшинки все же тихо шелестели. На долю секунды я представила это место новым, накинула тонкое покрывало жизни на нынешнее небрежение: смеющиеся люди в старомодных купальных костюмах, расстилающие полотенца, потягивающие напитки, ныряющие с трамплина, раскачивающиеся над самой поверхностью прохладной, ах, такой прохладной воды...

Затем видение исчезло. Я моргнула и вновь очутилась одна рядом с заросшим зданием. И неясным ощущением безымянного горя. Почему этот пруд заброшен? Почему его давнишние обитатели отказались от него, заперли на замок, исчезли и больше не вернулись? Три мисс Блайт не всегда бы-

ли старыми леди. За столько лет, проведенных в замке, наверняка выдавались жаркие летние деньки, идеальные для купания в подобном пруду.

Я узнаю ответы на свои вопросы, хотя и не сразу. Узнаю и другие секреты, и ответы на те вопросы, которые пока даже не пришли мне в голову. Но тогда все это было впереди. Стоя в дальнем саду замка Майлдерхерст в то утро, я с легкостью отринула раздумья и сосредоточилась на насущной задаче. Исследование пруда не только не приблизило меня к встрече с мисс Блайт – меня преследовало чувство, что мне вообще не следует находиться на этой поляне.

Я внимательно перечитала инструкции миссис Кенар. Как я и предполагала, ни слова о пруде. Согласно указаниям, я сейчас должна была приближаться к южному фасаду, проходя между парой величественных колонн.

На дно желудка медленно опустился камешек страха.

Передо мной не южная лужайка. Здесь нет никаких колонн.

Это открытие сильно беспокоило меня, хотя я ничуть не удивилась, что заблудилась, – я способна заблудиться даже в Гайд-парке. Время поджимало, и мне оставалось только два варианта: вернуться по своим следам и начать заново или идти дальше и надеяться на лучшее. На противоположной стороне пруда имелись ворота, за ними – крутая каменная лестница, врезанная в заросший склон холма. Минимум сто продавленных ступеней, от каждого шага по которым словно

все сооружение издает оглушительный вздох. Направление, однако, показалось мне многообещающим, и я начала подъем. Я решила прибегнуть к логике: замок и сестры Блайт находятся наверху, то есть если все время подниматься, то рано или поздно я найду их.

Сестры Блайт. Наверное, примерно в это время я начала думать о них подобным образом. «Сестры» встали перед «Блайт», как «братья» перед «Гримм», и я ничего не сумела поделать. Как забавно устроен мир! До письма Юнипер я никогда не слышала о замке Майлдерхерст, а теперь меня тянуло к нему, словно маленького блеклого мотылька на яркий полыхающий огонь. Разумеется, сначала все вертелось вокруг моей мамы, неожиданного известия о ее эвакуации, загадочного замка с готическим названием. Затем появилась связь с Раймондом Блайтом – ради всего святого, это то самое место, где «Слякотник» появился на свет! Позже, подлетев ближе к пламени, я поняла, что мою кровь будоражит нечто новое. Должно быть, дело в прочитанной книге или в биографических сведениях, которыми меня засыпала миссис Кенар за завтраком в то утро, однако в какой-то момент меня заворожили сестры Блайт сами по себе.

Должна заметить, меня в принципе интересуют братья и сестры. Их близость интригует и отталкивает меня. Общность генетических составляющих, случайное и порой несправедливое распределение наследства, неруши-

мость связи. Сама я мало смыслю в природе этой связи. Когда-то у меня был брат, но недолго. Он умер прежде, чем я узнала его, и к тому времени, когда я научилась по нему тосковать, оставленные им следы были аккуратно уничтожены. Пара свидетельств – о рождении и смерти – в тонкой папке в шкафу; маленькая фотография в бумажнике отца, еще одна в маминой шкатулке для драгоценностей – вот и все, что продолжало существовать и говорило: «Я был здесь!» Конечно, не считая воспоминаний и сожалений, таившихся в сердцах родителей, но ими они со мной не делились.

Я не пытаюсь пробудить в вас неловкость или жалость, просто хочу объяснить, что, несмотря на почти полное отсутствие сведений или памятных вещиц, способных воскресить образ Дэниела, я всю жизнь ощущала эту связь между нами. Незримая нить соединяла нас так же верно, как день связан с ночью. Так было всегда, даже в детстве. Хотя я была рядом с родителями, а он нет. Невысказанные их слова всякий раз, когда мы были счастливы: «Как жаль, что он не с нами»; всякий раз, когда я разочаровывала их: «Он бы так не поступил»; всякий раз, когда начинался новый школьный год: «Это были бы его одноклассники, те взрослые ребята». Отсутствующие взгляды, которые я ловила порой, когда родители думали, что рядом никого нет.

Не то чтобы мой интерес к сестрам Блайт был связан с Дэниелом. По крайней мере, не напрямую. Но их история была такой красивой: две старшие сестры отказались от лич-

ной жизни и посвятили себя заботам о младшей, ее разбитом сердце, потерянной душе, отвергнутой любви. Я задалась вопросом, как могла бы сложиться моя судьба, был бы Дэниел достоин того, чтобы я посвятила жизнь его защите, или нет. Понимаете, я не переставала размышлять об этих сестрах, трех женщинах, связанных вместе. Стареющих, блекнущих, коротающих дни в доме предков, последних живых членах знаменитой и романтической семьи.

Я осторожно карабкалась все выше и выше, мимо повидавших виды солнечных часов, мимо ряда терпеливых урн на безмолвных постаментах, мимо пары каменных оленей, глядящих через заброшенные живые изгороди, пока наконец не достигла вершины. Аллея искривленных фруктовых деревьев, сплетенных ветвями, уходила вдаль и звала меня за собой. Помнится, в то первое утро я подумала, что у сада есть план, словно ему отдали приказ, и он ждет меня, не дает заблудиться, ненавязчиво указывает дорогу к замку.

Сентиментальные глупости, конечно. Могу лишь предположить, что от крутого подъема у меня закружилась голова и возникли патетические мысли. Как бы то ни было, я испытывала воодушевление. Я была неутомимой путешественницей (хотя изрядно вспотевшей), которая, покинув привычный мир, отправилась в путь с целью завоевать... ну, что-нибудь завоевать. И не важно, что дорога вела меня к трем старым леди и экскурсии по загородному дому, максимум –

чашке чая, если повезет.

Как и пруд, эта часть сада долго пребывала в небрежении, и сводчатый тоннель показался мне древним скелетом давно умершего огромного чудовища. Гигантские ребра клеткой возвышались над головой, а длинные прямые тени создавали иллюзию, что эти ребра замыкаются у меня под ногами. Я почти добежала до конца аллеи и застыла как вкопанная.

Передо мной стоял замок Майлдерхерст, окутанный тенью, хотя день был солнечным. Это явно были задворки замка, и я нахмурилась, отмечая хозяйственные постройки, водопроводные трубы и полное отсутствие колонн, лужайки при входе и подъездной дорожки.

Наконец я поняла, как именно заблудилась. Я умудрилась пропустить ранний поворот и в результате обогнула извилистый склон холма, подойдя к замку с севера, а не с юга.

Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается. Я добралась до замка относительно благополучно и наверняка еще не слишком опоздала. Более того, вдоль стены, которая ограживала сады, виднелась ровная полоса сорной травы. Я пошла по ней и вскоре под звуки победоносных фанфар наткнулась на колонны миссис Кенар. За южной лужайкой, в полном соответствии с инструкцией, тянулся к небу фасад замка Майлдерхерст.

Тихое, размеренное бремя лет, которое я ощутила, поднимаясь по саду, сгустилось здесь еще больше и оплетало за-

мок, подобно паутине. Здание обладало невероятным изяществом и явно не замечало моего вторжения. Пробуравленные подъемные окна смотрели мне за спину, в сторону Ла-Манша, с усталым неизменным выражением, которое обострило мое чувство собственной обыденности и мимолетности. Величественное здание явно повидало на своем веку слишком много, чтобы обращать на меня внимание.

Стая скворцов взлетела с дымовых труб, сделала круг и умчалась в долину, приютившую дом миссис Кенар. Шум и движение показались мне странно неуместными.

Я проследила за птицами, которые, едва не касаясь верхушек деревьев, неслись к крошечным крышам, крытым красной черепицей. Фермерский дом казался таким далеким, что меня охватило безумное подозрение, будто во время подъема по лесистому склону я пересекла невидимую черту. Я была там, но теперь я здесь, и случилось нечто более сложное, нежели обычное перемещение в пространстве.

Вновь повернувшись к замку, я обнаружила, что большая черная дверь в нижней арке башни широко распахнута. Странно, что я не заметила этого прежде.

Пройдя через траву, я достигла парадной каменной лестницы и замерла. Рядом с потрепанной мраморной борзой сидел ее потомок из плоти и крови, черный пес, как я позже узнала – лерчер⁸. Похоже, он наблюдал за мной все время,

⁸ *Лерчер* – непризнанная порода собак, помесь борзых и каких-либо пастушьих собак, часто колли.

что я провела на лужайке.

Теперь он встал, загородив мне дорогу и пристально изучая меня своими темными глазами. Я была не в силах тронуться с места. У меня участилось дыхание, по спине пробежал холодок. Однако я не боялась. Трудно объяснить, но пес будто был перевозчиком или старомодным дворецким. Я нуждалась в его разрешении на вход.

Он бесшумно двинулся ко мне, не сводя с меня глаз. Ле-гонько коснулся кончиков пальцев, развернулся и умчался прочь. Исчез в открытой двери, даже не оглянувшись.

Словно поманил за собой.

Три увядающие сестры

Вы когда-нибудь задумывались, чем пахнет время? Вряд ли это приходило мне в голову до того, как я ступила в замок Майлдерхерст, но теперь я знаю точно. Плесенью и аммиаком, ноткой лаванды и изрядным количеством пыли, массовым распадом очень старых листов бумаги. И под всем этим таится что-то еще, почти гнилое или прокисшее, но не совсем. Я не сразу разобрала, что это за запах, однако теперь как будто поняла. Это прошлое. Медленно зреющие в затхлом воздухе мысли и мечты, надежды и обиды, уваренные вместе и неспособные рассеяться.

– Добрый день, – произнесла я, поднявшись по широкой каменной лестнице и ожидая ответного приветствия; через пару минут, когда никто так и не отозвался, я повторила уже громче: – Добрый день! Есть кто-нибудь дома?

Миссис Кенар велела сразу проходить: мол, сестры Блайт ждут нас и мы встретимся уже в замке. Вообще-то, она всеми силами постаралась внушить, что не следует стучать, звонить или иным способом извещать о своем появлении. Я смутилась, поскольку в наших краях входить без стука почти то же самое, что нарушать границы частной собственности, но выполнила просьбу: прошла по каменной галерее через сводчатый проем в круглую комнату. В комнате не было окон и царил полумрак, несмотря на высокий купольный потолок.

Шум привлек мое внимание к закругленной вершине купола – там сквозь балки пролетела белая птица и теперь парила в пыльном луче света.

– Ну хорошо. – Голос раздался слева.

Я быстро повернулась и увидела очень старую женщину, стоящую в дверном проеме примерно в десяти футах от меня, с лерчером у ног. Женщина была худой, высокой, одетой в твидовый костюм и рубашку почти мужского покроя. Годы стерли ее женственность, любые изгибы, которые она когда-то имела, давно разгладились. Волосы на лбу поредели, вокруг ушей торчала жесткая седая поросль; овальное лицо было настороженным и умным. Я заметила, что ее брови почти целиком выщипаны, а затем нарисованы снова штрихами цвета запекшейся крови. Эффект получился драматичным, хотя и немного зловещим. Она чуть наклонилась вперед, опираясь на элегантную трость с рукояткой из слоновой кости.

– Полагаю, вы мисс Берчилл.

– Да. – Я подошла ближе и протянула руку; у меня внезапно перехватило дыхание. – Эдит Берчилл. Добрый день.

Холодные пальцы чуть сжали мои; кожаный ремешок часов хозяйки бесшумно скользнул на запястье.

– Мэрилин Кенар из фермерского дома предупредила о вашем визите. Меня зовут Персефона Блайт.

– Огромное спасибо, что согласились встретиться со мной. С тех пор как я услышала о замке Майлдерхерст, мне

не терпелось заглянуть в него.

– Неужели? – Резкий изгиб губ, улыбка, кривая, как шпилька для волос. – Любопытно, почему?

Конечно, это было самое подходящее время, чтобы рассказать о маме, о письме, о маминой эвакуации в детстве. Увидеть, как лицо Перси Блайт загорится узнаванием; во время прогулки обменяться новостями и историями о былом. Ничто не могло быть более естественным, и потому я несколько удивилась словам, вылетевшим из моих уст:

– Я прочла о нем в книге.

Она издала звук, нечто вроде «А!», но менее заинтересованно.

– Я много читаю, – быстро добавила я, будто правдивое уточнение могло смягчить мою ложь. – Просто обожаю книги. Работаю с ними. Книги – моя жизнь.

От такого беззубого ответа ее морщинистое лицо поникло окончательно, и неудивительно. Даже главная ложь была весьма унылой, а дополнительные подробности биографии – и вовсе бессодержательными. Понятия не имею, почему я просто не поведала правду: она была бы намного занимательнее, не говоря уже о том, что честнее. Возможно, дело в безрассудном ребяческом желании сохранить независимость, чтобы приезд моей матери сюда полвека назад никак не связывали с моим визитом. Как бы то ни было, я открыла рот, собираясь пойти на попятный, но было уже поздно: Перси Блайт поманила меня за собой и вместе с лерчером

скрылась в темном коридоре. Ее походка была размеренной, шаги легкими, а трость казалась всего лишь данью немалому возрасту.

– Во всяком случае, мне нравится ваша пунктуальность, – донесся до меня ее голос. – Терпеть не могу опозданий.

Мы продолжили путь в тишине, становившейся все более и более глубокой. С каждым шагом звуки внешнего мира бесповоротно оставались позади: деревья, птицы, далекое журчание неведомого ручья. Звуки, которых я прежде не замечала, исчезнув, оставили странное разреженное пространство, настолько невыносимое, что пустоту заполнил звон в ушах, словно шипение детей, играющих в змей.

Впоследствии я ближе познакомлюсь с этой странной обособленностью замка, с тем, как звуки, запахи и образы, кристально чистые снаружи, словно застревают в старом камне, не в силах пробурить дорогу внутрь. Как будто за столетия пористый песчаник переполнился, пленив былые впечатления, словно цветы, забытые в страницах книг XIX века, воздвигнув преграду между внешним и внутренним миром, ныне нерушимую. Свежий воздух приносил шепотки лютиков и свежескошенной травы, но внутри замка пахло только копящимся временем, землистым затаенным дыханием столетий.

Мы прошли мимо множества дразнящих закрытых дверей, пока наконец не встретили открытую в дальнем конце коридора, который дальше заворачивал за угол и исчезал

во мраке. Из-за двери протянулась полоска света, напоминавшая улыбку. Улыбка превратилась в оскал, когда Перси Блайт толкнула дверь тростью.

Она отступила назад и резко кивнула, давая понять, что я должна войти первой.

За дверью скрывалась гостиная, составлявшая разительный приятный контраст с сумеречным, обшитым дубовыми панелями коридором. Желтые обои комнаты, прежде, по-видимому, ослепительно-яркие, со временем выцвели, узор завитков застыл в безразличной апатии, а огромный ковер розового, голубого и белого цветов, не то потертый, не то изначально блеклый, простирался почти до самых плинтусов. Напротив камина, украшенного замысловатой резьбой, находился обитый тканью диван, необычайно длинный и низкий, хранивший отпечатки тысяч тел и оттого казавшийся еще более удобным. Рядом стояла швейная машинка «Зингер» с недошитым отрезом синей ткани.

Лерчер прошлепал мимо меня и элегантно улегся на овечьей шкуре у огромной расписной ширмы, которой, казалось, лет двести, не меньше. На ширме была изображена сценка с собаками и молодыми петушками; оливковые и коричневые краски переднего плана выцвели и приобрели единый блеклый оттенок, небо на заднем плане навеки погрузилось в сумерки. Часть росписи за лерчером почти стерлась.

Рядом за круглым столиком сидела женщина одного воз-

раста с Перси, низко склонив голову над листом бумаги – островком в море разбросанных фишек скребла. На ней были большие очки для чтения. При виде меня она смущенно сняла очки, убрала в потайной карман длинного шелкового платья и поднялась. Ее глаза оказались серо-голубыми, а брови самыми обыкновенными, ни изогнутыми, ни прямыми, ни короткими, ни длинными. Ее ногти, однако, были выкрашены в ярко-розовый цвет, в тон помаде и крупным цветам на платье. Она была одета иначе, чем Перси, но так же аккуратно, с подчеркнутым вниманием к своей внешности, которое почему-то казалось старомодным, хотя о самой одежде этого нельзя было сказать.

– Это моя сестра Серафина, – представила ее Перси, встала рядом с сестрой и нарочито громко произнесла: – Саффи, это Эдит.

Саффи побарабанила пальцами по уху и мягко пропела:

– Не надо так кричать, Перси, дорогая, мой слуховой аппарат на месте.

Она робко улыбнулась мне, моргая, поскольку нуждалась в очках, которые сняла из тщеславия. Она была такой же высокой, как ее сестра-близнец, но казалась ниже из-за платья, игры света или позы.

– Старые привычки умирают с трудом, – добавила она. – Перси всегда любила командовать... Я Саффи Блайт, и я правда очень рада с вами познакомиться.

Я подошла ближе и пожала ее руку. Она была копией сво-

ей сестры, по крайней мере прежде. Минувшие восемьдесят лет нарисовали разные узоры на их лицах, и в результате Саффи казалась мягче и милее. Она выглядела точно-точно как положено пожилой владелице поместья, и я сразу же прониклась к ней симпатией. В то время как Перси была устрашающей, Саффи напоминала об овсяном печенье и превосходной бумаге, небрежно и прелестно исписанной чернилами. Забавно, как с годами характер выплывает на свет и оставляет на людях отпечаток.

– Нам позвонила миссис Кенар, – сообщила Саффи. – К сожалению, дела задержали ее в деревне.

– Вот как.

– Она ужасно расстроилась, – равнодушно подхватила Перси. – Но я заверила, что сама охотно проведу для вас экскурсию.

– Более чем охотно, – улыбнулась Саффи. – Моя сестра любит этот дом, как другие люди любят своих супругов. Ей не терпится похвастаться им. И она имеет на это полное право. Старый дом обязан ей всем: только годы ее неустанного труда уберегли его от разрушения.

– Я лишь постаралась, чтобы стены не рухнули нам на голову. Не более.

– Моя сестра скромничает.

– А моя упрямится.

Эта перебранка, очевидно, была обычной частью их остроумных бесед; дамы умолкли и улыбнулись мне. На мгно-

вание я застыла на месте, вспоминая фотографию в «Майлдерхерсте Раймонда Блайта» и гадая, какая из этих старых леди – та малышка на снимке. Саффи потянулась через узкую брешь и взяла Перси за руку:

– Сестра заботилась о нас всю нашу долгую жизнь.

Она повернулась и с таким восхищением посмотрела на профиль сестры, что я поняла: она была той низенькой и худенькой девочкой, чья улыбка неуверенно колыхалась под взглядом камеры.

Эта новая похвала явно не польстила Перси, которая внимательно изучила ремешок часов, прежде чем пробормотать:

– Ничего. Уже недолго осталось.

Всегда не знаешь, как реагировать, когда очень старый человек затрагивает тему смерти и ее неотвратимости, а потому я поступила так, как поступаю, когда Герберт намекает на то, что «Биллинг энд Браун» однажды перейдет в мои руки: улыбнулась, будто неверно расслышала, и пристально уставилась на залитый солнцем эркер.

Только тогда я заметила третью сестру, по-видимому Юнипер. Она неподвижно сидела в кресле, обитом выцветшим зеленым бархатом, и смотрела через открытое окно на парк, уходящий вдаль. Из хрустальной пепельницы поднималась тонкая струйка сигаретного дыма, размывая и смягчая черты женщины. В отличие от сестер, в ее манере одеваться не было ничего утонченного. Она была облачена в ин-

тернациональный наряд инвалидов: мешковатую блузу, тщательно заправленную в бесформенные брюки с высокой талией; на коленях виднелись жирные пятна от пролитой еды.

Возможно, Юнипер ощутила мой взгляд, потому что повернулась – едва уловимо – в мою сторону. Ее взгляд был стеклянным и несфокусированным, что означало прием сильных лекарственных препаратов. Когда я улыбнулась, она ничем не выдала, что заметила это, а только продолжила смотреть, словно пыталась просверлить во мне дырку.

Наблюдая за ней, я услышала тихое гудение, которого прежде не замечала. На деревянном журнальном столике у окна располагался небольшой телевизор. Показывали американский комедийный сериал; неумолчный гул бойкого диалога с периодическими атмосферными помехами перемежался закадровым смехом. Меня охватило знакомое чувство: телевизор, теплый солнечный день снаружи, неподвижный затхлый воздух внутри... ностальгическое воспоминание о визитах к бабушке в школьные выходные, когда мне позволяли смотреть телевизор днем.

– Что ты здесь делаешь?

Приятные воспоминания о бабушке унесло внезапным порывом ледяного ветра. Юнипер Блайт по-прежнему не сводила с меня глаз, но ее лицо перестало быть безучастным. Она явно была мне не рада.

– Я... э-э... добрый день, я...

– Какого черта ты здесь делаешь?!

Лерчер придушенно взвизгнул.

– Юнипер! Милая! – Саффи бросилась к сестре. – Эдит – наша гостья. – Она ласково обхватила лицо сестры ладонями. – Я же говорила, Джун, помнишь? Я все объяснила: Эдит пришла на экскурсию по дому. Перси немного прогуляется с ней. Не надо волноваться, дорогая, все в полном порядке.

Пока я отчаянно мечтала провалиться сквозь землю, близнецы обменялись взглядами, которые настолько соответствовали разным линиям их одинаковых лиц, что стало ясно: это далеко не впервые. Перси кивнула Саффи, поджав губы, после чего выражение ее лица изменилось, и я не успела разобраться, что именно в ее глазах пробудило во мне такое необычное чувство.

– Ну хорошо, – отозвалась она с притворным весельем, от которого я вздрогнула. – Не будем терять время. Идемте, мисс Берчилл.

Я охотно последовала за ней прочь из комнаты, за угол и по очередному прохладному темному коридору.

– Сперва я проведу вас мимо задних комнат, – предупредила она, – но задерживаться мы не станем. Нет смысла. Они давно зачехлены.

– Почему?

– Выходят на север.

У Перси была рубленая манера речи, немного похожая на манеру радиокомментаторов тех времен, когда Би-би-си

принадлежало решающее слово во всех вопросах, достойных обнародования. Короткие предложения, безупречная дикция, в каждой точке – намек на особое значение.

– Зимой невозможно топить, – посетовала она. – Нас всего трое, поэтому места много не нужно. Проще запереть некоторые двери навсегда. Мы с сестрами выбрали комнаты в маленьком западном крыле рядом с желтой гостиной.

– Весьма разумно, – поспешно ответила я. – Должно быть, в таком огромном доме не меньше ста комнат. Все на разных уровнях... я бы наверняка заблудилась.

Я понимала, что несу чушь, но ничего не могла поделать. Природная неспособность поддерживать светскую беседу, возбуждение оттого, что я наконец попала в замок, затянувшийся дискомфорт от сцены с Юнипер... так или иначе, смесь оказалась гремучей. Я глубоко вдохнула и, к своему ужасу, продолжила:

– Хотя вы, разумеется, провели здесь всю жизнь, так что, уверена, для вас это не проблема...

– Прошу прощения, – резко оборвала она, повернувшись ко мне.

Даже в полумраке было заметно, что ее кожа побелела. «Сейчас она меня выгонит, – подумала я. – Мой визит ее тяготит. Она старая, усталая женщина. Ее сестра болеет».

– Наша сестра нездорова, – сказала она, и мое сердце упало. – Вы здесь ни при чем. Она порой бывает грубой, но это не ее вина. Она перенесла тяжелое разочарование... просто

ужасное. Много лет назад.

– Вам незачем объяснять.

Пожалуйста, не выгоняйте меня.

– Спасибо, но я все же должна. Хотя бы отчасти. Подобная грубость... Она плохо ладит с незнакомцами. Это было нелегкое испытание. Наш семейный врач умер десять лет назад, и мы до сих пор не можем найти нового, мало-мальски сносного. Ее мысли путаются. Надеюсь, вы не чувствуете себя незваной гостьей?

– Вовсе нет, я все прекрасно понимаю.

– Дай бог. Потому что мы очень рады вашему визиту. – Снова мимолетная улыбка в форме шпильки. – Замок любит гостей, ему нужны гости.

Смотрители в венах

Утром моего десятого дня рождения мама и папа отвели меня взглянуть на кукольные домики в Музее детства в Бетнал-Грин. Не знаю, почему мы отправились смотреть именно домики, то ли я сама выразила к ним интерес, то ли родители прочли в газете статью о коллекции, но я очень четко помню тот день. Одно из тех блистательных воспоминаний, которые собираешь по пути, – идеальной формы, непроницаемое, как мыльный пузырь, который забыл лопнуть. Мы поехали в такси – кажется, я сочла это особым шиком, – а после музея пили чай в модном заведении в квартале Мейфэр. Я даже помню, во что была одета: коротенькое платье с ромбами, о котором мечтала много месяцев и в то утро наконец обрела.

Еще я с ослепительной ясностью помню, как мы потеряли маму. Возможно, именно это событие, а не сами кукольные домики, не дало тому дню смешаться с другими в мясорубке детских воспоминаний. Все перевернулось вверх дном. Взрослые люди не теряются, по крайней мере в моем мире. Это привилегия детей, маленьких девочек вроде меня, которые вечно витают в облаках, еле тащатся и не успевают за мамой.

Но не на этот раз. На этот раз необъяснимым и сокрушительным образом куда-то подевалась сама мама. Когда это

случилось, мы с папой стояли в очереди, чтобы купить сувенирную брошюру. Мы медленно продвигались вперед, погруженные в раздумья, и обнаружили, что лишились своего привычного семейного рупора, только когда добрались до стойки и молча уставились сперва на продавщицу, а затем друг на друга.

Я отыскала маму первой. Она опустилась на колени перед кукольным домиком, который мы уже видели. Помнится, он был высоким и темным, со множеством лестниц и чердаком наверху. Мать не объяснила, зачем вернулась, только произнесла: «На свете действительно есть такие места, Эди. Настоящие дома, в которых живут настоящие люди. Представляешь? Столько комнат!» Краешек ее губ дернулся, и она тихо и напевно продекламовала: «Седые стены, что поют далекими часами».

Кажется, я не ответила. Во-первых, не было времени – в этот момент на нас наткнулся отец с отчего-то обиженным и встревоженным видом, – а во-вторых, я не знала, что сказать. Хотя мы никогда больше не обсуждали тот эпизод, прошло много времени, прежде чем я окончательно перестала верить, что где-то в огромном мире есть настоящие дома с настоящими людьми и поющими стенами.

Музей в Бетнал-Грин я упомянула только потому, что пока Перси Блайт вела меня сквозь сгущающийся мрак коридоров, я вспоминала мамину фразу все яснее и яснее; наконец я увидела ее лицо, услышала ее слова так отчетливо, буд-

то она находилась совсем рядом. Это было связано со странным чувством, которое давило на меня, пока мы исследовали огромный дом; ощущением, словно меня колдовским образом уменьшили и перенесли в кукольный домик, хотя и весьма потрепанный. Ребенок перерос его, ему купили другие игрушки, а комнаты с выцветшими обоями и шелками, полы, покрытые циновками, урны и чучела птиц, тяжелая мебель безмолвно надеялись обрести новых обитателей.

А может, все это пришло мне в голову после. Возможно, сначала я вспомнила мамину фразу, потому что, разумеется, она имела в виду Майлдерхерст, когда говорила мне о настоящих людях в настоящих домах со множеством комнат. Что еще могло пробудить в ней подобные мысли? Непостижимое выражение ее лица явно было связано с этим местом. Она думала о Перси, Саффи и Юнипер Блайт, таинственных и странных событиях, которые, должно быть, приключились с ней в детстве, когда ее вырвали из Южного Лондона и поселили в замке Майлдерхерст. Тайны, которые протянулись через полвека и схватили маму так цепко, что потерянное письмо заставило ее плакать.

Как бы то ни было, на экскурсии с Перси в то утро я была вместе с мамой. Я не могла бы ей противостоять, да и не пыталась. Не важно, что я испытывала необъяснимую ревность и хотела исследовать замок самостоятельно. Крошечная частица жизни матери, частица, которую я никогда не знала и уж точно не замечала, была связана с этим домом. И хотя я

не привыкла иметь с матерью что-то общее, хотя при одной лишь мысли об этом земля ушла из-под ног, я вдруг поняла, что мне все равно. Если честно, я даже обрадовалась, что странная фраза в музее кукольных домиков перестала быть загадкой, кусочком мозаики, не находящим места. Это был фрагмент маминой судьбы, почему-то более яркий и интересный, чем остальные.

Так и получилось, что, пока Перси вела экскурсию, а я слушала, разглядывала и кивала, рядом со мной шагала маленькая призрачная девочка из Лондона: наивная, робкая, осматривающая дом впервые, как и я. И мне даже понравилось, что она рядом; жаль, я не могла взять ее за руку сквозь десятилетия. Интересно, каким был дом в 1939 году, насколько он изменился за последние пятьдесят лет? Неужели и тогда замок Майлдерхерст казался спящим и все было тусклым, пыльным и сумрачным? Старый дом, выжидающий случая. Смогу ли я пообщаться с той маленькой девочкой, если она еще существует? Если мне повезет ее найти.

Невозможно изложить все, что было сказано и увидено в тот день в Майлдерхерсте, да и не нужно для целей моего повествования. С тех пор произошло много событий, которые наложились друг на друга и перемешались у меня в голове, так что сложно выделить первые впечатления о доме и его обитателях. И потому я ограничусь наиболее яркими образами и звуками, деталями, имеющими отношение к то-

му, что случилось позже... и раньше. Событиями, которые никогда не поблекнут в моей памяти.

Во время экскурсии стали ясны две важные вещи: во-первых, миссис Кенар смягчила краски, когда обмолвилась, что Майлдерхерст немного обветшал. Замок устарел морально и физически, очарованием старины здесь и не пахло. Во-вторых, что более существенно, Перси Блайт не замечала этого факта. Не важно, что тяжелая деревянная мебель покрылась слоем пыли, что затхлый воздух был густым от бесчисленных пылинок, что поколения моли пировали на занавесках... она продолжала рассуждать о комнатах, словно те пребывали в самом расцвете, как будто члены королевской семьи вращались в обществе литераторов и незримая армия слуг носилась по коридорам, выполняя поручения семьи Блайт. Я бы пожалела старую даму, оказавшуюся в плену фантазий, но она была не из тех, кто пробуждает жалость. Она определенно не была рождена на свет жертвой, и моя жалость превратилась в восхищение. Ее упрямый отказ признавать, что старый дом разваливается на части у них на глазах, был достоин уважения.

Еще следует отметить, что для восьмидесятилетней старухи с тростью Перси передвигалась с невероятной скоростью. Мы заглянули в бильярдную, бальный зал, оранжерею, затем спустились по лестнице в столовую для слуг, промаршировали через буфетную, кладовую, посудомоечную и наконец переступили порог кухни. Медные кастрюли и сковородки

висели на крюках на стенах, приземистая плита ржавела под просевшей вытяжкой, на кафеле бок о бок стояло семейство пустых глиняных горшков. В центре на отекавших лодыжках балансировал огромный сосновый стол. Его поверхность была изрезана ножами; мука веками въедалась в раны. Воздух был прохладным и затхлым. Мне показалось, что комнаты слуг отмечены печатью запустения даже больше, чем комнаты наверху. Пришедшие в негодность детали грандиозного викторианского механизма, который пал жертвой перемен и со скрежетом остановился.

Не только я заметила сгустившийся мрак, следы увядания.

– Трудно поверить, но когда-то здесь кипела жизнь. – Перси Блайт провела пальцем по зубчатому краю стола. – У моей бабушки было сорок слуг. Сорок. Никто уже не помнит, как сверкал этот дом.

Пол был усыпан маленькими коричневыми катышками, которые я сначала приняла за грязь, но по характерному хрусту под ногами поняла, что это мышиный помет. Надо не забыть отказаться от пирога к чаю, если предложат.

– Даже когда мы были детьми, здесь еще работали около двадцати слуг и команда из пятнадцати садовников, которые поддерживали порядок в угодах. Первая мировая положила этому конец: все ушли на фронт. Большинство молодых мужчин погибли.

– И никто не вернулся?

– Двое. Двое вернулись, но они уже были не те. Никто не вернулся прежним. Конечно, мы оставили их... поступить иначе было невыносимо... однако они долго не протянули.

Я не поняла, имеет ли она в виду продолжительность их службы или жизни в целом, но уточнить не успела.

– После этого мы плыли по течению, набирали временных работников по мере возможности, однако к началу Второй мировой найти садовника нельзя было ни по любви, ни за деньги. Какой молодой мужчина станет довольствоваться уходом за садом, когда грядет война? Уж точно не тот, в котором мы нуждались. Помощь по хозяйству была не менее скудной. Все мы были заняты другими делами.

Она замерла, опершись на рукоятку трости; ее мысли унеслись прочь, кожа щек обвисла.

Кашлянув, я осторожно спросила:

– А теперь? Вам кто-нибудь помогает?

– О да. – Она небрежно махнула рукой, вернувшись из неведомых далей. – Правда, совсем немного. Раз в неделю приходит служанка, чтобы помочь с готовкой и уборкой, и один из местных фермеров чинит изгороди по мере необходимости. Еще есть молодой паренек из деревни, племянник миссис Кенар, он подстригает лужайку и пытается держать сорняки в узде. Он неплохо справляется, хотя серьезное отношение к труду, по-видимому, осталось в прошлом. – Перси Блайт мимолетно улыбнулась. – Остальное время мы предоставлены сами себе.

Я улыбнулась в ответ. Затем она указала на узкую служебную лестницу и заметила:

– Кажется, вы говорили о своей любви к книгам?

– Мать утверждает, что я родилась с книгой в руках.

– В таком случае, полагаю, вы не прочь посетить нашу библиотеку.

В книге упоминался пожар, который поглотил библиотеку замка Майлдерхерст, тот самый, который убил мать близнецов, так что не знаю, что именно я ожидала увидеть за черной дверью в конце темного коридора, но явно не обширную библиотеку. Тем не менее передо мной открылась именно она, когда я переступила порог вслед за Перси Блайт. Полки громоздились вдоль всех четырех стен, от пола до потолка, и хотя в комнате было темно – окна были закрыты тяжелыми ниспадающими занавесями, которые касались пола, – я видела, что шкафы заставлены очень старыми книгами с форзацами из мраморной бумаги, позолоченными обрезами и ткаными переплетами. Мои пальцы буквально чесались от желания как следует пробежаться по их корешкам, отыскать экземпляр, перед которым я не смогу устоять, выудить его, медленно открыть, сомкнуть веки и вдохнуть освежающий душу аромат старой книжной пыли.

Перси Блайт проследила за моим взглядом и словно прочла мои мысли.

– Разумеется, это замены, – призналась она. – Бóльшая

часть оригинальной библиотеки семьи Блайт погибла в пламени. Восстановить удалось немного; где не справился огонь, там поработали дым и вода.

– Столько книг, – выдохнула я, и при мысли о такой потере меня пронзила острая боль.

– Да уж, немало. Конечно, отец воспринял это крайне тяжело. Большую часть оставшейся жизни он посвятил возрождению коллекции. Письма летели во все стороны. Торговцы редкими книгами были завсегдатаями в нашем доме; другие гости не поощрялись. Тем не менее папа не заходил в эту комнату после смерти матери.

Наверное, у меня разыгралось воображение, но, пока она говорила, я определенно почуяла застарелый запах гари, сочащийся из-под новых стен, и свежей краски, исходящий из глубин старого известкового раствора. И еще шум, источник которого я не могла определить: легкий стук, незаметный при обычных обстоятельствах, но весьма примечательный в этом странном и тихом доме. Я взглянула на Перси, подошедшую к кожаному креслу с глубоко вдавленными пуговицами, но если она и услышала звук, то не подала виду.

– Мой отец был большим любителем писем, – сообщила она, пристально глядя на письменный стол в закутке у окна, – и моя сестра Саффи тоже.

– А вы нет?

Скупая улыбка.

– За свою жизнь я написала крайне мало писем, только

самые необходимые.

Ее ответ показался мне необычным, и, должно быть, это отразилось на моем лице, потому что она пояснила:

– Письменная речь всегда давалась мне с трудом. В семье писателей это стало непростительным изъяном. Жалкие попытки не приветствовались. Отец и два его оставшихся в живых брата обменивались превосходными эссе, когда мы были маленькими, и по вечерам отец зачитывал их вслух. Он ожидал восторгов и не скупился на критику тех, кто не соответствовал его стандартам. Изобретение телефона стало для него катастрофой. Он винил его за многие язвы мира.

Стук возобновился, на этот раз громче, свидетельствуя о движении. Немного похоже на то, как ветер задувает в щели, сметает гравий, только сильнее. И я была уверена, что звук доносится сверху.

Я осмотрела потолок, тусклую электрическую лампу, свисающую с посеревшей розетки, трещину в штукатурке, напоминающую молнию. В голове мелькнула мысль, что шум, который я слышу, может оказаться единственным предупреждением, что потолок вот-вот обрушится.

– Этот шум...

– О, не обращайтесь внимания. – Перси Блайт махнула рукой. – Это всего лишь зрители играют в венах.

Вероятно, изумление, которое я испытала, отразилось на моем лице.

– Это самый страшный секрет таких старых домов, как

наш.

– Смотрители?

– Вены.

Она нахмурилась, проследив глазами за линией карниза, как будто отмечая продвижение чего-то, незаметного мне. Когда она снова заговорила, ее голос слегка изменился. В ее самообладании появилась едва заметная брешь, и на мгновение мне показалось, что я вижу ее более отчетливо.

– В шкафу в комнате на самом верху замка спрятана секретная дверь. За дверью начинается целый лабиринт потайных ходов. По ним можно красться от комнаты к комнате, от чердака к подвалу, словно мышка. Если не шуметь, можно услышать множество самых разных шепотков. Надо быть осторожным, там легко заблудиться. Это и есть вены дома.

Я поежилась от внезапного гнетущего образа дома в виде гигантского, припавшего к земле существа. Темного и безымянного чудовища, затаившего дыхание; большой старой жабы из волшебной сказки, которая надеется обманом выманить поцелуй у девицы. И конечно, я вспомнила о Слякотнике, стигийской скользкой фигуре, выходящей из озера, чтобы предъявить права на девушку у чердачного окна.

– В детстве мы с Саффи любили притворяться. Мы воображали, что семья предыдущих владельцев поселилась в ходах и отказывается уезжать. Мы называли их зрителями и всякий раз, когда слышали необъяснимый шум, знали, что это они.

– Неужели? – еле прошептала я.

При виде моего лица она засмеялась странным безрадостным смехом, который оборвался так же резко, как и начался.

– О, но они не были настоящими. Вовсе нет. Шум, который вы слышите, издают мыши. Одному Богу известно, сколько их здесь. – Она смерила меня взглядом, и уголок ее глаза дернулся. – Я вот думаю, не желаете взглянуть на шкаф в детской, в котором скрывается потайная дверь?

Кажется, я даже пискнула.

– С удовольствием.

– Тогда идемте. Подъем предстоит долгий.

Пустой чердак и далекие часы

Она не преувеличивала. Лестница карабкалась ввысь виток за витком, с каждым пролетом становясь все уже и темнее. Как только мне показалось, что я вот-вот перестану различать окружающее, Перси Блайт щелкнула выключателем тусклой электрической лампочки без абажура, которая свисала на проводе с высокого потолка. После этого я разобрала, что к стене примыкают перила, помогавшие осилить последний крутой пролет; приделаны они в 1950-х годах – предположила я по скучной практичности металлической трубы. Кто бы и когда бы это ни сделал, я мысленно поблагодарила его. Ступеньки были опасно истерты, что особенно пугало теперь, когда они были видны, и я испытала немалое облегчение, поскольку было за что ухватиться. Куда меньше радовало то, что при свете я разглядела и паутину. Этой лестницей давно никто не пользовался, и местные пауки об этом знали.

– Няня брала с собой сальную свечу, когда отводила нас спать, – поведала Перси, приступая к последнему пролету. – Мы поднимались по лестнице, огонек мерцал на камнях, и няня напевала песенку об «апельсинчиках как мед». Уверена, вам она известна: «Вот зажгу я пару свеч – ты в постельку можешь лечь».

«Вот возьму я острый меч – и головка твоя с плеч»⁹. Да, известная песня. Седая борода мазнула меня по плечу, выбив искру любви к своей простой крохотной комнатке в доме родителей. Никакой паутины, только протирка пыли два раза в неделю и успокаивающий запах дезинфицирующего средства.

– Тогда в доме не было электричества. Его провели только в середине тридцатых, да и то лишь с половинным напряжением. Отец терпеть не мог проводов. Боялся пожара. Вполне естественно, учитывая, что случилось с матерью. После несчастья он устроил серию учебных тревог. Звонил в колокольчик на лужайке и следил за временем по старому секундомеру. Все время орал, что дом вот-вот вспыхнет, как огромный погребальный костер.

Хозяйка снова резко хохотнула, внезапно остановилась, когда мы поднялись на самый верх, и вставила ключ в замок.

– Что ж... – Она немного помедлила, прежде чем повернуть ключ. – Вперед?

Она толкнула дверь, и я чуть не упала, сметенная хлынувшим потоком света. Я моргала и жмурилась, привыкая, и расплывшиеся формы комнаты постепенно приобретали все более четкие очертания.

После такого сложного подъема чердак казался разочарованием. Он был совсем простым и очень мало напоминал викторианскую детскую. Более того, в отличие от остального

⁹ Перевод В. Голышева.

дома, в котором комнаты сохранились в неизменном виде, как если бы возвращение их обитателей было делом времени, детская казалась сверхъестественно пустой. Она словно была вычищена и даже побелена. Ни ковра, ни покрывал на парных железных кроватях, выступающих из дальней стены по бокам от неиспользуемого камина. Занавесок тоже не было, чем и объяснялся яркий свет, и на единственном шкафу под одним из чердачных окон не было ни книг, ни игрушек.

На единственном шкафу под одним из чердачных окон.

Этого хватило, чтобы моя кровь вскипела. Я почти увидела юную девушку из пролога «Слякотника», которая проснулась ночью, подошла к окну, тихонько забралась на шкаф и смотрит на земли семейного поместья, мечтая о будущих приключениях, понятия не имея об ужасе, который ей предстоит.

– На этом чердаке поколение за поколением росли дети семьи Блайт, – сообщила Перси Блайт, медленно обводя комнату взглядом. – Столетия горошинок в стручке.

Она не упомянула о жалком состоянии комнаты или ее месте в истории литературы, а я не стала настаивать. С тех пор как она повернула ключ в замке и впустила меня, она словно пала духом. Не то ее лишила мужества сама детская, не то яркий свет пустой комнаты позволил мне наконец разглядеть ее возраст, отчетливо написанный в морщинах на лице. Как бы то ни было, мне казалось важным следовать за ней.

– Простите, – наконец сказала она. – Я давно не была наверху. Все кажется... более маленьким, чем помнилось.

Знакомое чувство. Довольно странно лежать на своей детской кровати и чувствовать, что ступни свисают за край, коситься на невыцветший прямоугольник обоев, на котором когда-то висел плакат группы *Blondie*, и вспоминать свое еженощное поклонение Дебби Харри. Я могла лишь вообразить, какую дисгармонию испытывает человек в спальне, из которой вырос восемьдесят лет назад.

– В детстве вы спали здесь все трое?

– Нет, не все. Юнипер перебралась сюда позже. – Перси чуть скривила губы, как будто отведала что-то кислое. – Ее мать переделала в детскую одну из своих комнат. Она была молодой и не знала, как положено поступать. Это не ее вина.

Выбор слов показался мне странным, и я засомневалась, правильно ли поняла.

– В доме существует традиция, согласно которой детям позволяют перебраться вниз в отдельные комнаты по достижении тринадцати лет, и хотя мы с Саффи ужасно гордились, когда наше время наконец наступило, должна признаться, что скучала по чердачной комнате, которую мы делили с сестрой.

– Полагаю, это обычное дело для близнецов.

– Несомненно. – Она почти улыбнулась. – Идемте. Я покажу вам дверь зрителей.

Шкаф из красного дерева тихо стоял напротив дальней

стены, в крошечной комнатке, которая пряталась за парными кроватями. Потолок нависал так низко, что мне пришлось наклониться, чтобы войти; фруктовый запах, застоявшийся между стенами, был почти удушающим.

Перси словно ничего не заметила. Она сложилась пополам, потянула за низкую ручку шкафа и приоткрыла зеркальную дверь.

– Она здесь. В задней стенке. – Хозяйка уставилась на меня, не отходя от двери; ее брови-лезвия опустились. – Но вам наверняка отсюда не видно?

Этикет не позволял мне зажать нос, так что я глубоко вдохнула, задержала дыхание и шагнула к Перси. Та отступила в сторону, давая понять, что я должна подойти еще ближе.

Отогнав образ Гретель у печки ведьмы, я по пояс забралась в шкаф и разглядела сквозь зловещий полумрак маленькую дверцу в задней стенке.

– Ух ты! – на последнем дыхании произнесла я. – Вот она.
– Вот она, – подтвердил голос из-за спины.

Запах уже не казался таким ужасным теперь, когда им приходилось дышать, и я сумела оценить привкус Нарнии при виде потайной двери в глубине шкафа.

– Так вот как смотрители входят и выходят, – гулко заметила я.

– Смотрители – возможно, – криво усмехнулась Перси. – Что до мышей, это другое дело. Маленькие негодники заполнили весь дом; им не нужна такая роскошная дверца.

Я вылезла из шкафа, стряхнула пыль и тут заметила картину в раме на передней стене. Приблизившись, я выяснила, что это не картина, а страница с религиозным текстом. Она все время находилась у меня за спиной, и я увидела ее только сейчас.

– Что это за комната?

– Здесь жила наша няня, – ответила Перси. – Когда мы были совсем маленькими, эта комната казалась лучшим местом на земле. – На мгновение на ее лице мелькнула улыбка и увяла. – Это почти чулан, как по-вашему?

– Чулан с прелестным видом.

Я подошла к ближайшему окну, единственному, на котором сохранились выцветшие занавески. Отдернув занавески, я с удивлением уставилась на множество прочных запоров, приделанных к раме. Должно быть, от Перси не укрылось мое удивление, поскольку она пояснила:

– У отца был пунктик в вопросах безопасности. Он так и не забыл один несчастный случай в своем детстве.

Кивнув, я выглянула в окно и испытала трепет узнавания. Я поняла, что узнала не то, что видела, но то, о чем читала и воображала. Прямо внизу, вдоль подножия замка тянулась полоса травы шириной футов двадцать, густая и сочная, совсем другого оттенка, чем остальная зелень.

– Здесь был ров, – догадалась я.

– Да. – Перси встала рядом, придерживая занавески. – Одно из моих первых воспоминаний – бессонная ночь и голо-

са внизу. Стояло полнолуние. Я выглянула в окно и увидела, как наша мать плавает на спине и смеется в серебристом свете.

– Она была заядлой пловчихой, – вспомнила я прочитанное в «Майлдерхерсте Раймонда Блайта».

Перси кивнула:

– Папа подарил ей на свадьбу круглый пруд, но она всегда предпочитала ров. Им занялся специальный человек. Когда она умерла, папа засыпал ров.

– Видимо, он напоминал ему о ней.

– Да.

Ее губы дернулись, и я осознала, что довольно неосторожно расспрашиваю ее о семейной трагедии. Я указала на каменный выступ, который врезался в нижнюю юбку рва, и сменила тему:

– Что это за комната? Не помню, чтобы видела балкон.

– Библиотека.

– А там? Что за огороженный сад?

– Это не сад. – Она отпустила занавеску, и та упала на место. – И нам пора двигаться дальше.

Ее тон стал ледяным, тело окаменело. Очевидно, я оскорбила ее, но не понимала как. Быстро прокрутив в голове наши последние реплики, я решила, что, скорее всего, она просто пала духом под бременем старых воспоминаний.

– Наверное, потрясаяще жить в замке, который столько лет принадлежал вашей семье, – тихо произнесла я.

– Да, – отозвалась она. – Это не всегда было просто. Приходилось идти на жертвы. Мы были вынуждены продать большую часть поместья, последним – фермерский дом, но сумели сохранить замок.

Она демонстративно осмотрела оконную раму и смахнула кусочек отслоившейся краски. Когда она заговорила, ее голос был деревянным от старательно сдерживаемых чувств:

– Сестра была права. Я люблю этот дом, как другие любят людей. Всегда любила. – Перси покосилась на меня. – Наверное, вам это кажется эксцентричным.

– Нет, вовсе нет, – покачала я головой.

Брови-шрамы с сомнением выгнулись, но я не обманывала, я вовсе не считала это эксцентричным. Сердце моего отца разбилось, когда ему пришлось расстаться с домом, где протекло его детство. Довольно незамысловатая история: маленький мальчик, вскормленный на баснях о знаменитом прошлом своей семьи, и обожаемый богатый дядюшка, щедрый на обещания, который неожиданно передумал на смертном одре.

– Старые здания и старые семьи принадлежат друг другу, – изрекла Перси. – Так было всегда. Моя семья живет среди камней замка Майлдерхерст, и мой долг – хранить их. Чужакам такое не под силу.

Ее пылкая тирада явно нуждалась в одобрении.

– Наверное, вам кажется, что они до сих пор рядом. – Слова слетели с моих губ, и внезапно я представила, как моя ма-

ма стоит на коленях у кукольных домиков. – Поют в стенах.

Брови подпрыгнули на полдюйма.

– Что вы сказали?

Сама не заметила, как произнесла это вслух.

– Насчет стен, – напирала она. – Вы что-то сказали о поющих стенах. Что именно?

– Просто моя мать как-то раз упомянула о седых стенах, что поют далекими часами, – кротко ответила я.

Лицо Перси засияло от удовольствия, что составило резкий и ослепительный контраст с ее обычной суровостью.

– Мой отец написал эти строки. Наверное, ваша мать читала его стихи.

Я искренне сомневалась в этом. Мама никогда не любила читать и уж точно не увлекалась поэзией.

– Возможно.

– Когда мы были маленькими, он рассказывал нам истории, предания о прошлом. Говорил, что, если ходить по замку неосторожно, далекие часы порой забывают спрятаться.

С этой фразой левая рука Перси выгнулась наподобие паруса. Забавный театральный жест, совершенно несвойственный этой резкой и практичной женщине. Ее манера речи также изменилась: короткие предложения удлинились, резкий тон смягчился.

– Он натыкался на них, играя в темных и пустынных коридорах. «Подумайте о бесчисленных людях, которые жили в этих стенах, – говорил он, – которые шептали свои секре-

ты, совершали предательства...»

– Вы тоже их слышите? Далекие часы?

Наши взгляды встретились, и мгновение она пристально смотрела мне в глаза.

– Полная бессмыслица. – Ее губы изогнулись в улыбке-шпильке. – Наши камни старые, однако это всего лишь камни. Несомненно, они многое повидали, но умеют хранить тайны.

На ее лице мелькнула тень боли. Я решила, что она думает об отце и матери, тоннеле времени и голосах, которые доносятся до нее сквозь годы.

– Не важно, – добавила она скорее для себя, чем для меня. – Что толку рассуждать о прошлом? Если подсчитывать мертвецов, недолго оказаться в полном одиночестве.

– Наверное, вы рады, что у вас есть сестры.

– Конечно.

– Я всегда считала, что братья и сестры – подлинное утешение друг для друга.

Снова пауза.

– У вас их нет?

– Нет. – Я улыбнулась и слегка пожала плечами. – Я единственный ребенок в семье.

– Вам одиноко? – Она разглядывала меня, как редкий вид насекомого, достойный изучения. – Мне всегда было интересно, каково это.

Я вспомнила невосполнимую пустоту в своей жизни, те

редкие ночи, проведенные в обществе моих спящих, храпящих, бормочущих двоюродных сестер, и свои недостойные фантазии, будто я одна из них, будто я кому-то принадлежу.

– Иногда, – призналась я. – Иногда одиноко.

– Но это и освобождает, надо полагать.

Впервые я заметила, что у нее на шее дрожит крошечная жилка.

– Освобождает?

– Кто лучше сестры помнит ваши старинные грехи?

Она улыбнулась, но тепло улыбки не смогло превратить признание в шутку. Вероятно, она об этом догадывалась, поскольку позволила улыбке погаснуть, кивнула в сторону лестницы и произнесла:

– Идемте. Пора спускаться. Осторожнее. Держитесь за перила. Мой дядя свернул себе шею на этих ступеньках, когда был совсем мальчиком.

– О боже! – На редкость беспомощно, но как еще реагировать? – Какой ужас!

– Однажды вечером разразилась ужасная гроза, и он испугался, – по крайней мере, так рассказывают. Молния вспорола небо и ударила у самого озера. Мальчик закричал от страха и, прежде чем няня успела его поймать, соскочил с кровати и выбежал из комнаты. Глупыш споткнулся, упал и приземлился у подножия лестницы, как тряпичная кукла. Иногда мы воображали, будто слышим по ночам его плач, когда погода была особенно дрянной. Знаете, он прячется под тре-

тьей ступенькой. Ждет, когда кто-нибудь оступится. Надеется обрести товарища. – Она повернулась ко мне на четвертой ступеньке. – Вы верите в призраков, мисс Берчилл?

– Не знаю. Наверное.

Моя бабушка видела призраков. По крайней мере одного. моего дядю Эда, после того как тот свалился с мотоцикла в Австралии. «Он так и не понял, что умер, – вздыхала бабушка. – Бедный мой ягненок. Я протянула ему руку со словами, что все хорошо, он добрался до дома, и мы любим его». Воспоминание заставило меня поежиться, и перед тем как Перси Блайт повернулась, на ее лице мелькнуло мрачное удовлетворение.

Слякотник, архивная комната и запертая дверь

Я следовала за Перси Блайт по лестничным пролетам, мрачным коридорам и снова вниз. Вероятно, глубже, чем уровень, с которого мы начали подъем? Как и все здания, развивающиеся с течением времени, Майлдерхерст был подобен лоскутному одеялу. Крылья пристраивались и перестраивались, разрушались и возрождались. В результате в нем было легко заблудиться, особенно человеку без врожденного чувства направления. Казалось, замок складывается внутрь, как один из рисунков Эшера, на которых можно вечность бродить по лестницам, круг за кругом, но так и не найти конца. Окон не было – ни единого, с тех пор как мы покинули чердак, – и мрак сгустился окончательно. На одном этаже я определенно услышала плывущую, катящуюся по камням мелодию, романтическую, задумчивую, смутно знакомую, но, когда мы завернули за очередной угол, она растаяла, если вообще существовала. Что мне точно не почудилось, так это резкий запах, который становился все сильнее по мере того, как мы спускались, но он не был неприятным только благодаря своей землистости.

Хотя Перси отмахнулась от отцовской идеи о далеких часах, по пути я невольно прикасалась к прохладным камням. Какие следы могла оставить мама, когда жила в Майлдер-

херсте? Маленькая девочка по-прежнему шагала рядом со мной, пусть и все время молчала. Я хотела было спросить о ней Перси, но зашла слишком далеко, не объявив о своей связи с домом, и теперь все мысли в голове попахивали двуличием. В конце концов я остановилась на классической пассивно-агрессивной уловке:

– Замок был реквизирован во время войны?

– Нет. Боже праведный! Я бы этого не вынесла. Урон, который был нанесен некоторым прекраснейшим домам нации... Нет! – Перси яростно затрясла головой. – Слава богу! Это как руку отрезать. Но мы делали все возможное. Я работала в службе скорой помощи в Фолкстоне. Саффи шила одежду и бинты, связала тысячу шарфов. Еще мы взяли к себе эвакуированного ребенка в самом начале войны.

– Вот как?

Мой голос чуть заметно задрожал. Малышка рядом со мной подскочила.

– По настоянию Юнипер. Маленькую девочку из Лондона. О господи, я забыла, как ее звали! Как глупо с моей стороны... Прошу прощения за запах.

Мое сердце сжалось от сочувствия к той забытой девочке.

– Это грязь, – продолжила Перси. – Пахнет от засыпанного рва. Летом подземные воды поднимаются, просачиваются сквозь подвал и приносят запах гниющей рыбы. Хорошо, что здесь внизу нет ничего ценного. Ничего, кроме архивной комнаты, а она защищена от воды. Стены и пол обшиты ме-

дью, дверь свинцовая. Ничто не может проникнуть внутрь или покинуть ее стены.

– Архивная. – По моей шее пробежал озноб. – Прямо как в «Слякотнике».

Особая комната, глубоко в доме дяди, где хранятся семейные документы, где он находит заплесневелый старый дневник, в котором содержится разгадка прошлого Слякотника. Тайная комната в сердце дома.

Перси остановилась, оперлась на трость и уставилась на меня:

– Так вы читали его.

Это был не вопрос, но я все равно ответила:

– Я обожала его в детстве.

Когда слова слетели с губ, в душе шевельнулось давнее разочарование. Я по-прежнему не могла адекватно выразить свое отношение к этой книге.

– Это была моя любимая книга, – добавила я, и фраза с надеждой повисла в воздухе, прежде чем незаметно растаять в тених облачком пыли.

– Она была очень популярна. – Перси пошла дальше по коридору; несомненно, она много раз это слышала. – И популярна до сих пор. В следующем году исполнится семьдесят пять лет с первого издания.

– Неужели?

– Семьдесят пять лет, – повторила она, потянула дверь на себя и повела меня вверх по очередному лестничному про-

лету. – А кажется, это было вчера.

– Наверняка публикация вызвала большой переполох.

– Мы были рады видеть папу счастливым.

Мне действительно показалось, что она немного замешкалась, или это я сейчас фантазирую, уже с учетом того, что узнала позже?

Невидимые часы начали усталый перезвон, и я с уколом сожаления поняла: отпущенный мне час истек. Это казалось невозможным. Я бы голову отдала на отсечение, что только пришла. Но кто способен постичь время? Час между завтраком и выходом в Майлдерхерст тянулся целую вечность, однако шестьдесят коротких минут, которые были мне дарованы внутри замка, пролетели стайкой испуганных птиц.

Перси Блайт взглянула на наручные часы и заметила с легким удивлением:

– Я задержалась. Прошу прощения. Напольные часы спешат на десять минут, но нам все равно пора закругляться. Миссис Кенар придет за вами в назначенное время, а путь до вестибюля неблизкий. Боюсь, вы не успеете осмотреть башню.

Я ахнула от удивления и почти физической боли, однако быстро взяла себя в руки.

– Уверена, миссис Кенар не огорчится, если я немного опоздаю.

– Помнится, вы собирались вернуться в Лондон.

– Да, точно. – Невероятно, но на мгновение я действитель-

но забыла: Герберт, его машина, назначенная встреча в Виндзоре. – Собиралась.

– Не переживайте. – Перси Блайт зашагала следом за тростью. – Осмотрите башню в следующий раз. Когда навестите нас снова.

Она просто успокаивает меня? Я решила не уточнять. К чему? По правде говоря, я отмахнулась от этих слов как от довольно забавных и бессмысленных, поскольку, когда мы покинули лестничный колодец, раздалось загадочное шуршание.

Шуршание, как и в случае зрителей, было совсем тихим, и сначала я подумала, что мне почудилось из-за всех этих историй о далеких часах и людях, пойманных в стенах... но когда Перси Блайт тоже огляделась по сторонам, я поняла, что не ошиблась.

Из соседнего коридора неуклюже вывернул пес.

– Бруно! – удивленно воскликнула Перси. – Что ты здесь делаешь, дружище?

Пес остановился рядом со мной и посмотрел из-под нависших век.

Хозяйка наклонилась и почесала его за ушами.

– Знаете, что означает слово «лерчер»? Это «воришка» по-цыгански. Верно, малыш? Ужасно бессердечное название для такого славного старичка, как ты. – Она медленно выпрямилась, держась рукой за поясницу. – Изначально их вывели цыгане-браконьеры для охоты на зайцев, кроликов и других

мелких зверей. Чистые породы позволялось разводить только аристократам, и наказание было суровым. Вся соль была в том, чтобы сохранить охотничьи навыки, поддерживая при этом видимость изменения породы и тем самым отводя подозрения. Это пес моей сестры Юнипер. С самого детства она обожала животных; и они, похоже, отвечали взаимностью. Мы всегда держали для нее собаку, тем более после травмы. Говорят, всем нужно кого-то любить.

Бруно продолжил путь, как будто знал, что мы обсуждаем его, и был этим недоволен. Еле слышное шуршание возобновилось, но его заглушил звонок телефона неподалеку.

Перси замерла, прислушиваясь, как будто ждала, что трубку возьмет кто-то другой.

Телефон продолжал звонить, пока безутешная тишина не сомкнулась вокруг его последнего отзвука.

– Идемте. – В голосе хозяйки прорезалась нотка волнения. – Здесь можно срезать.

Коридор был темным, но не более, чем другие. Теперь, когда мы выбрались из подвала, несколько размытых ручейков света просочились сквозь узлы замка и разлились по каменному полу. Мы прошли две трети пути, когда телефон зазвонил опять.

На этот раз Перси не стала медлить и с явным беспокойством сказала:

– Прошу прощения. Понятия не имею, куда запропасти-

лась Саффи. Я ожидаю важный телефонный звонок. Вы не могли бы подождать? Я мигом.

– Конечно.

Она кивнула и скрылась за углом коридора, оставив меня в затруднительном положении.

В том, что случилось дальше, я виню дверь. Ту, что находилась прямо напротив меня, всего в трех футах. Я люблю двери. Все на свете, без исключения. Двери обязательно куда-то ведут, и я ни разу не встречала дверь, которую мне бы не хотелось открыть. Тем не менее, если бы дверь не была такой старинной и узорчатой, такой демонстративно закрытой, если бы лучик света таким отчаянным соблазном не падал на ее середину, подсвечивая замочную скважину и интригующий ключ, возможно, я сумела бы устоять; изнывала бы от безделья, пока за мной не вернулась бы Перси. Но все сложилось так, что я не устояла. Поверьте, я просто не могла. Иногда достаточно лишь взглянуть на дверь, и понятно: за ней скрывается нечто интересное.

Ручка двери в форме берцовой кости была черной, гладкой и прохладной. Более того, холод словно сочился с той стороны, хотя я не понимала, каким образом.

Мои пальцы сжали ручку, я начала ее поворачивать и...

– Мы туда не заходим.

Вряд ли стоит говорить, что мой желудок чуть не выскочил через рот.

Я крутанулась и изучила темное пространство за спиной.

Я ничего не видела и все же определенно была не одна. Кто-то, владелица голоса, стоял в коридоре со мной. Я ощутила бы это, даже если бы она молчала: я чувствовала чужое присутствие, что-то двигалось и пряталось в искаженных тенях. Шуршание тоже вернулось: громче, ближе, определенно не у меня в голове, определенно не мыши.

– Простите, – пробормотала я окутанному мраком коридору, – я...

– Мы туда не заходим.

Я подавила приступ паники.

– Я не знала...

– Это хорошая гостиная.

И тогда я увидела ее. Юнипер Блайт выделилась из промозглого мрака и медленно направилась по коридору ко мне.

Пообещай, что придешь танцевать

Ее платье было невероятным, таким самое место в фильмах о довоенных богатых debutантках или на вешалках перwokлассных благотворительных магазинов. Сшитое из органзы, оно было нежнейшего оттенка розового, по крайней мере прежде, покуда время и грязь не запятнали его. Слои тюля поддерживали пышную юбку, стекавшую с тонкой талии, и распирали ее так широко, что сетчатый подол задевал стены, когда Юнипер двигалась.

Казалось, мы целую вечность стояли друг напротив друга в тускло освещенном коридоре. Наконец она пошевелилась. Чуть-чуть. Ее руки висели по бокам, касаясь юбки; она приподняла одну руку, начиная с ладони, грациозным движением, словно кукловод у меня за спиной потянул невидимую нить, привязанную к ее запястью.

– Привет. – Я постаралась вложить в свои слова побольше тепла. – Я Эди. Эди Берчилл. Мы уже встречались, в желтой гостиной.

Она моргнула и наклонила голову набок. Серебристые волосы, длинные и прямые, падали ей на плечи; передние пряди были довольно неаккуратно заколоты парой вычурных гребней. Неожиданная полупрозрачность ее кожи, худая фигура и роскошное платье создавали иллюзию подростка, юной девушки с длинными руками и ногами, которая не зна-

ет, куда их девать. Но не робкой, определенно не робкой: когда она шагнула чуть ближе, ступив в лужицу света, ее лицо было насмешливым и любопытным.

Теперь любопытство разгорелось и во мне, потому что, несмотря на преклонный возраст Юнипер, ее лицо казалось поразительно гладким. Разумеется, это невозможно, у семидесятилетних дам не бывает гладких лиц, и она не была исключением – во время наших последующих встреч я в этом убедилась, – но в том свете, в том платье, благодаря некоему обману зрения, странному заклятию, ее лицо казалось именно таким. Бледным и гладким, перламутровым, как изнанка жемчужной раковины, словно минувшие годы, оставившие неизгладимые следы на лицах ее сестер, ее решили пощадить. И все же она не парила в безвременье; в ней было нечто безошибочно старомодное, ее образ безнадежно застыл в прошлом, как давняя фотография, на которую смотришь сквозь папиросную бумагу, в альбоме с затуманенными сепией страницами. Мне вновь вспомнились первоцветы, спрятанные викторианскими леди в альбомах для вырезок. Прекрасные создания, умерщвленные самым милосердным образом, увлеченные в более не принадлежащее им место и время, в чужую весну.

Химера заговорила, и мои чувства окончательно смешались.

– Я собираюсь обедать. – Высокий бесплотный голос, от которого у меня волосы на шее встали дыбом. – Хочешь со

мной?

– Нет, – покачала я головой и откашлялась. – Нет, спасибо. Мне пора домой.

Это был не мой голос; я застыла как вкопанная, словно боялась. Полагаю, так оно и было, хотя вроде причин для страха не было.

Кажется, Юнипер не заметила, что мне не по себе.

– У меня новое платье. – Она присобрала юбки, отчего верхний слой органзы приподнялся по бокам, словно крылья мотылька, белые и бархатистые от пыльцы. – Ну, не совсем новое. Перешитое. Раньше оно принадлежало моей матери.

– Очень красивое.

– Полагаю, ты не знакома с ней.

– С вашей матерью? Нет.

– О, она была прелестной, просто прелестной. Совсем девочкой, когда умерла, совсем девочкой. Это было ее нарядное платье.

Юнипер жеманно покрутилась в разные стороны, поглядывая на меня из-под ресниц. Прежний стеклянный взгляд исчез, в небесно-голубых глазах плескалось тайное знание, глазах сметливого ребенка с фотографии, которого потревожили во время одинокой игры на ступенях сада.

– Оно нравится тебе?

– Да. Очень.

– Саффи перешила его для меня. Она творит чудеса на швейной машинке. Если показать ей красивую картинку, она

сразу разберется, как это сделано, даже новейшие парижские фасоны из «Вог». Она много недель трудилась над моим платьем, но это секрет. Перси бы не одобрила – из-за войны и из-за того, что она Перси, но ты точно меня не выдашь.

Она улыбнулась так загадочно, что у меня перехватило дыхание.

– Я буду нема как рыба.

Мгновение мы стояли, уставившись друг на друга. Мой первоначальный страх растаял, и я была этому рада. Теперь меня смущала подобная реакция, для которой не было никаких оснований, только инстинкт. В конце концов, чего мне бояться? Эта заблудшая душа в пустынном коридоре – та самая Юнипер Блайт, которая много лет назад выдернула мою мать из кучки перепуганных детишек, которая обеспечила ей крышу над головой, когда бомбы падали на Лондон, которая не переставала ждать давно пропавшего милого, надеяться на его возвращение.

Пока я наблюдала за ней, она вздернула подбородок и задумчиво выдохнула. Очевидно, я делала выводы о ней, а она делала выводы обо мне. Я улыбнулась, и, кажется, это помогло ей определиться. Она выпрямилась и снова шагнула ко мне, медленно, но решительно. В ней было что-то кошачье. В каждом ее движении читалась та же гибкая смесь осторожности и уверенности, томности, маскирующей тайный умысел.

Она остановилась, только когда подошла достаточно близ-

ко, так что я уловила затхлый сигаретный душок и запах нафталина. Ее глаза искательно взглянули в мои, и она прошептала:

– Ты умеешь хранить тайны?

Я кивнула, и она улыбнулась; из-за щели между передними зубами она казалась совсем девочкой. Она взяла меня за руки, как будто подружку на школьном дворе; ее ладони были гладкими и прохладными.

– У меня есть тайна, о которой лучше не болтать.

– Ладно.

Она сложила ладонь лодочкой, как ребенок, наклонилась ближе и прижала ее к моему уху. Ее дыхание щекотало мне шею.

– У меня есть любовник. – Она отстранилась, ее старческие губы растянулись в юной улыбке, полной чувственного возбуждения, гротескной и прекрасной одновременно. – Его зовут Том. Томас Кэвилл, и он попросил моей руки.

Меня затопила почти невыносимая жалость к ней, когда я поняла, что она застряла в мгновении своего ужасного разочарования. Скорей бы вернулась Перси и положила конец нашей беседе!

– Обещай, что ничего не расскажешь!

– Обещаю.

– Я ответила ему согласием, но тсс... – Она прижала палец к улыбающимся губам. – Мои сестры еще ничего не знают. Скоро он придет на обед. – Юнипер усмехнулась; зубы

старухи на бархатисто-гладком лице. – Мы объявим о нашей помолвке.

Я заметила, что у нее на пальце что-то надето. Не кольцо, не настоящее кольцо. Грубая подделка, серебристая, но тусклая и комковатая, наподобие куска алюминиевой фольги, свернутого в трубочку.

– И мы будем танцевать, танцевать, танцевать...

Она стала покачиваться, напевая мелодию, которая, вероятно, звучала у нее в голове. Именно эту мелодию я слышала раньше; она плыла по холодному лабиринту коридоров. Название ускользало от меня, как бы старательно я ни пыталась его припомнить. По-видимому, пластинка давно остановилась, однако Юнипер продолжала крениться в разные стороны, ее глаза были закрыты, щеки горели, как у юной женщины в ожидании любви.

Однажды я работала над книгой, в которой пожилая пара рассказывает историю своей совместной жизни. У женщины нашли болезнь Альцгеймера, но мучительное угасание еще не началось, и они решили записать свои воспоминания, пока те не разлетелись, словно поблекшие листья с осеннего дерева.

Проект занял шесть месяцев, в течение которых я наблюдала, как она беспомощно погружается сквозь забвение в пустоту. Ее муж стал «тем мужчиной», и яркая, забавная женщина с сочным языком, которая спорила, усмехалась и перebивала, навеки затихла.

Я была знакома со слабоумием, но это явно не тот случай. Юнипер была какой угодно, только не пустой, и она почти ничего не забыла. И все же что-то случилось; она определенно была не в себе. Все мои знакомые пожилые женщины рано или поздно признавались, с разной степенью тоски, что в душе им по-прежнему восемнадцать. Однако это неправда. Мне всего тридцать, и я сужу по себе. Прожитые годы оставляют свой след: блаженное чувство юной неуязвимости тает, и ответственность ложится на плечи тяжким бременем.

Но с Юнипер все было иначе. Она искренне не понимала, что состарилась. В ее сознании по-прежнему бушевала война и, судя по тому, как она раскачивалась, гормоны. Она была совершенно невероятным гибридом, старая и юная, красивая и гротескная, здесь и там. Эффект был потрясающим и жутким, и я испытала внезапный приступ отвращения, который немедленно сменился глубоким стыдом за то, что я поддалась столь недоброму чувству...

Юнипер схватила меня за запястья; глаза ее широко распахнулись.

– Ну конечно! – воскликнула она и поймала смешок сетью длинных бледных пальцев. – Тебе ведь уже известно о Томе. Если бы не ты, мы никогда бы не встретились!

Что бы я ни собиралась ответить, меня перебил звон часов, которые начали отбивать время по всему замку. Что за жуткая симфония! Часы комната за комнатой отмечали прошедшее время, перекликаясь друг с другом. Они загудели в

самой глубине моего тела, отчего кожа мгновенно покрылась холодным потом, и я совершенно лишилась присутствия духа.

– Мне правда пора, Юнипер, – хрипло выдавила я, когда часы наконец умолкли.

За спиной раздался легкий шорох, и я обернулась в надежде увидеть Перси.

– Пора? – Лицо Юнипер опечалилось. – Но ты только что пришла. Куда ты собралась?

– Обратно в Лондон.

– В Лондон?

– Я там живу.

– Лондон.

В этот миг с ней случилась перемена, стремительная, как грозовая туча, и такая же зловещая. Она с неожиданной силой схватила меня за руку, и я увидела то, чего раньше не замечала: небрежную паутину шрамов, посеребренных временем, на ее бледных запястьях.

– Возьми меня с собой.

– Я... я не могу.

– Но это единственный способ. Мы поедем и найдем Тома. Он, наверное, там, в своей маленькой квартирке, сидит у окна...

– Юнипер...

– Ты обещала, что поможешь мне. – Ее голос был напряженным, полным ненависти. – Почему ты не помогаешь мне?

– Простите? Я не...

– Ты же моя подруга. Ты обещала, что поможешь. Почему ты не пришла?

– Юнипер, кажется, вы меня с кем-то путаете...

– Ах, Мередит, – прошептала она, дыша табаком и старостью. – Я совершила ужасный, ужасный поступок.

Мередит. Мой желудок свело спазмом, как будто резиновую перчатку слишком быстро вывернули наизнанку.

Торопливые шаги, и появилась собака, а следом за ней – Саффи.

– Юнипер! Ах, Джун, вот ты где.

Когда она подошла к сестре, на ее лице отразилось облегчение. Она осторожно обняла Юнипер и тут же отстранилась, изучая ее лицо.

– Тебе не следует так убежать. Я очень волновалась, искала повсюду. Не знала, куда ты запропастилась, мое солнышко.

Юнипер дрожала. Я, вероятно, тоже. *Мередит...* Имя матери звенело у меня в ушах, резкое и назойливое, как гудение moskitov. Я уверяла себя, что это ерунда, совпадение, бессмысленные бредни печальной сумасшедшей старухи, но я плохая лгунья и не имела ни малейшего шанса себя обмануть.

Когда Саффи убрала упавшие пряди со лба Юнипер, появилась Перси. Она резко остановилась, опираясь на трость и озирая представшую сцену. Близнецы обменялись взглядами – точно такие же взгляды озадачили меня часом раньше.

ше в желтой гостиной, но на этот раз Саффи первой отвела глаза. Она чудом сумела расплести узел рук Юнипер и крепко сжала ладонь младшей сестры.

– Спасибо, что побыли с ней. – Ее голос дрожал. – Весьма любезно с вашей стороны, Эдит...

– Э-дит, – эхом отозвалась Юнипер, не глядя в мою сторону.

– Иногда у нее в уме все путается, она убегает и бродит по замку. Мы пристально следим за ней, но... – Саффи осеклась и качнула головой, ее жест означал невозможность прожить жизнь за другого.

Не найдя подходящего ответа, я кивнула. *Мередит*. Имя моей матери. Мои мысли, сотни мыслей разом бросились против течения времени, выискивая разгадку в последних нескольких месяцах, пока не прибыли en masse¹⁰ в родительский дом. Морозный февральский день, неприготовленный цыпленок, доставка письма, которое заставило маму плакать.

– Э-дит, – повторила Юнипер. – Э-дит, Э-дит...

– Да, милая, – подтвердила Саффи, – это Эдит. Она пришла в гости.

И меня наконец осенило: мама лгала, утверждая, что письмо Юнипер ничего не значит, точно так же как лгала о нашем визите в Майлдерхерст. Но почему? Что произошло между мамой и Юнипер Блайт? Если верить Юнипер, ма-

¹⁰ Все вместе (*фр.*).

ма дала обещание, которое не сдержала. Что-то связанное с женихом Юнипер, Томасом Кэвиллом. Если дело в этом и правда действительно так ужасна, как предполагает Юнипер, в письме могли содержаться обвинения. Проблема в этом? Мама плакала из-за подавленного чувства вины?

Впервые с тех пор, как я приехала в Майлдерхерст, мне захотелось поскорее избавиться от дома и его застарелого горя, увидеть солнце, почувствовать ветер на лице и вдохнуть что-то отличное от запаха прогорклой грязи и нафталиновых шариков. Остаться наедине с этой новой загадкой и попытаться ее распутать.

– Надеюсь, она не обидела вас... – Саффи продолжала оправдываться; сквозь вихрь моих мыслей ее голос доносился как бы издали, с другой стороны тяжелой, массивной двери. – Она ничего такого не имела в виду. Иногда она говорит забавные вещи, чепуху, бессмыслицу...

Ее голос стих, и повисла напряженная пауза. Саффи наблюдала за мной, в ее глазах крылись невысказанные чувства, и я догадалась, что ее тяготит не только забота о сестре. На ее лице было написано что-то еще, особенно когда она вновь взглянула на Перси. Страх – осознала я. Они были напуганы, обе.

Тогда я посмотрела на Юнипер, которая пряталась за скрещенными руками. Мне показалось или она стояла особенно тихо, внимательно слушая, ожидая, как я отреагирую, что им отвечу?

Я мужественно улыбнулась, наивно надеясь, что улыбка сойдет за небрежную, и пожала плечами:

– Да мы особо не общались. Я просто восхищалась ее прелестным платьем.

Окружающий воздух словно сдвинулся от облегчения, испытанного близнецами. Профиль Юнипер ничуть не изменился, и в мою душу закралось смутное, странное подозрение, что я совершила ошибку. Возможно, мне следовало быть честной, пересказать близнецам признание Юнипер, причину ее расстройств. Но я до сих пор не упомянула о своей маме и ее эвакуации и сомневалась, что смогу подобрать нужные слова...

– Мэрилин Кенар приехала, – резко сообщила Перси.

– Ну почему все вечно происходит одновременно? – посоветовала Саффи.

– Она отвезет вас обратно в фермерский дом. Говорит, вам пора в Лондон.

– Да, – подтвердила я.

Слава богу!

– Очень жаль, – заметила Саффи; благодаря неподдельным усилиям и, полагаю, годам практики ее голос прозвучал совершенно обыденно. – Мы собирались предложить вам чашечку чая. У нас так мало гостей.

– В следующий раз, – пообещала Перси.

– Да, – добавила Саффи. – В следующий раз.

Маловероятно, что пригласят.

– Спасибо за экскурсию...

Перси повела меня назад по таинственному пути, к миссис Кенар и нормальной жизни, а Саффи и Юнипер удалились в противоположном направлении, их голоса катились вдоль каменных стен.

– Прости, Саффи, прости, прости, прости. Я просто... я забыла...

Слова перешли в рыдания. Плач был таким горьким, что мне захотелось зажать уши.

– Дорогая, ни к чему так расстраиваться.

– Но я совершила ужасный поступок, Саффи. Ужасный, ужасный поступок.

– Чепуха, милочка, выкинь это из головы. Пойдем выпьем чая?

От терпения и доброты в голосе Саффи у меня сжалось сердце. Пожалуй, именно тогда я впервые осознала, как бесконечно долго они с Перси рассыпались в подобных заверениях, стирали беспокойство со стареющего лба своей младшей сестры с той же самой рассудительной заботой, какую родители выказывают детям, но без надежды, что с годами бремя станет легче.

– Мы переоденем тебя во что-нибудь удобное, и все вместе выпьем чая. Ты, я и Перси. После чашечки хорошего крепкого чая все выглядит намного проще, не правда ли?

Миссис Кенар ждала под куполообразным потолком у

входа в замок, изнемогая от груза вины. Она рассыпалась в извинениях перед Перси Блайт, страдальчески гримасничая и понося несчастных, ничего не подозревающих деревенских жителей, которые ее задержали.

– Успокойтесь, миссис Кенар, – произнесла Перси повелительным тоном, словно викторианская няня обратилась к надоедливому подопечному. – Я с удовольствием провела экскурсию сама.

– Ну конечно, не сомневаюсь. В память о былых временах. Полагаю, вам понравилось...

– Именно.

– Такая жалость, что экскурсии закончились. Конечно, это вполне естественно, и вы с мисс Саффи молодцы, что проводили их так долго, особенно учитывая, что вам приходится столько...

– Да-да. – Перси Блайт выпрямилась, и я внезапно поняла, что она не любит миссис Кенар. – А теперь прошу меня простить.

Она кивнула в сторону открытой двери, мир за которой казался более ярким, шумным и стремительным, чем когда я покинула его.

– Спасибо, – успела вставить я, – что показали мне свой прекрасный дом.

Перси разглядывала меня на мгновение дольше, чем требовалось, затем пошла прочь по коридору, тихо постукивая тростью. Через несколько шагов она остановилась и оберну-

лась, почти скрытая завесой полумрака.

– Знаете, он был прекрасен. Давным-давно. Прежде.

29 октября 1941 года

Одно было ясно: луны сегодня ночью не будет. Небо, словно вышедшее из-под мастихина художника, катилось густой лавиной серого, белого и желтого. Перси лизнула папиросную бумагу и утрамбовала самокрутку, покатав ее меж пальцев, чтобы не развалилась. Над головой прогудел аэроплан, чужой патрульный самолет, направляющийся вдоль побережья на юг. Разумеется, им надо было кого-то послать, но ему нечего будет докладывать, не в такую ночь, не сейчас.

Прислонившись к фургону, Перси стояла и следила за полетом аэроплана, шурясь по мере того, как коричневое насекомое становилось все меньше и меньше. Она зевнула от напряжения и потерла глаза, пока они приятно не заныли. Когда она снова их открыла, самолета уже не было.

– Эй! Нечего опираться на мой полированный капот и крылья, ты их попортишь.

Перси повернулась и облокотилась о крышу фургона. Дот, усмехаясь, выскочила из станции.

– Скажи спасибо! – крикнула Перси. – Если бы не я, ты бы изнывала от безделья в следующую смену.

– Это точно. Командир заставил бы меня стирать кухон-

ные полотенца.

– Или устроил очередную демонстрацию носилок для старост. – Перси вздернула бровь. – Что может быть лучше?

– Например, штопать шторы затемнения.

– Ужас какой! – поморщилась Перси.

– Поторчишь здесь еще немного – и станешь настоящей рукодельницей, – предостерегла Дот, подходя к Перси. – Все равно больше нечего делать.

– Значит, есть новости?

– Ребята из ВВС только что прислали сообщение. На горизонте чисто, сегодня ничего не будет.

– Как я и подозревала.

– Дело не только в погоде. По словам командира, вонючие боши слишком увлечены походом на Москву, чтобы возиться с нами.

– Ну и глупо. – Перси осмотрела свою сигарету. – Зима наступает быстрее, чем они.

– Полагаю, ты все равно собираешься болтаться поблизости и путаться у нас под ногами – мало ли, фрицы неожиданно скинут рядом бомбу!

– Была такая мысль. – Перси засунула сигарету в карман и перекинула сумку через плечо. – Но я передумала. Сегодня даже вторжение не заставит меня остаться.

Дот широко распахнула глаза:

– Что так? Какой-нибудь красавчик пригласил тебя на танцы?

– Увы, нет! Но событие все равно хорошее.

– Какое же?

Подъехал автобус, и Перси пришлось перекрикивать рев мотора, забираясь в салон.

– Сегодня вечером приезжает моя младшая сестра.

Перси не больше других любила войну, тем более что у нее было множество возможностей лицезреть ее ужасы, и потому никогда и ни за что не говорила вслух о странном зернышке разочарования, которое зрело у нее глубоко внутри с тех пор, как ночные налеты прекратились. Она понимала совершенную нелепость ностальгии по временам смертельной опасности и разрушений. Любые чувства, кроме осторожного оптимизма, были чертовски близки к кошунству, и все же нездоровая ярость мешала ей уснуть в последние месяцы, а уши настороженно прислушивались к тихим ночным небесам.

Если Перси чем и гордилась, так это своей способностью проявлять прагматизм во всем... Господу известно, кто-то ведь должен... вот почему она решила Докопаться До Сути Происходящего. Найти способ остановить маленькие часы, которые угрожающе тикали в ее груди, не имея возможности пробить время. Несколько недель, старательно скрывая признаки внутреннего беспокойства, Перси оценивала ситуацию, наблюдая за своими ощущениями с разных углов, пока наконец не пришла к выводу, что, вне всяких сомнений,

отчасти лишилась рассудка.

Этого следовало ожидать; безумие было чем-то вроде фамильного наследия, наравне с художественными способностями и длинными руками и ногами. Перси надеялась его избежать, но не удалось. Гены взяли свое. И если честно, разве она не подозревала, что ее собственное помешательство – вопрос времени?

Конечно, это папа во всем виноват, в особенности страшные истории, которые он рассказывал в ту пору, когда они были такими маленькими, что он легко подхватывал их на руки, такими доверчивыми, что охотно сворачивались в клубочек на его широких теплых коленях. Истории из прошлого семьи, о клочке земли, который стал Майлдерхерстом, который голодал и процветал, взлетал и падал в течение столетий, страдал от наводнений, возделывался и служил притчей во языцех. О зданиях, которые сгорели и были восстановлены заново, сгнили и были разграблены, вызывали трепет и были забыты. О людях, которые еще до их рождения называли замок домом, о периодах завоеваний и очищений, которые слоями застелили почву Англии и полы их собственного любимого дома.

История в устах искусного рассказчика, несомненно, могущественная сила, и все лето после отъезда папы на Первую мировую, когда Перси было восемь или девять лет, ей снились яркие сны о захватчиках, лавиной катящихся к их дому. Она заставляла Саффи, и та помогала ей строить форты

на деревьях Кардаркерского леса, запастись оружие и отсекай головы молодым деревцам, которые вызывали ее недовольство. Тренироваться, чтобы быть готовыми, когда настанет их время исполнить свой долг, защитить замок и его земли от нахлынувших орд...

Автобус, громыхая, завернул за угол, и Перси закатила глаза, глядя на свое отражение. Конечно, это глупо. Девические фантазии – одно, но настроение взрослой женщины не должно подчиняться их отголоскам. Это действительно очень печально. Она с раздражением фыркнула и повернулась спиной к отражению.

Поездка заняла немало времени, намного больше обычного, такими темпами хорошо бы поспеть домой к десерту, что бы он собой ни представлял. Грозовые облака копились, темнота угрожала обрушиться в любое мгновение, и автобус, лишенный мало-мальски порядочных фар, жался к обочине и был наготове. Она взглянула на часы: уже половина пятого. Юнипер должна приехать в половине седьмого, молодой человек – в семь, а Перси обещала вернуться к четырем. Несомненно, парень из гражданской противовоздушной обороны был в своем праве, когда остановил автобус для случайной проверки, но именно сегодня вечером у нее были дела поважнее. Например, обеспечить трезвый подход к приготовлениям в Майлдерхерсте.

Какими только трудами не нагрозила себя Саффи в течение дня! Добра не жди – решила Перси. Добра не жди,

это точно. Никто не хлопочет по дому так охотно, как Саффи, и когда Юнипер сообщила, что пригласила загадочного гостя, не осталось ни малейшего шанса, что Событие, как его позже назовут, избегнет пристального внимания Серафины Блайт. В какой-то момент даже предлагалось распаковать оставшиеся от бабушки канцелярские принадлежности «Коронейшн» и надписать карточки для рассадки за столом, однако Перси возразила, что для компании из четырех человек, трое из которых – сестры, подобные старания совершенно излишни.

По ее плечу постучали, и Перси осознала, что маленькая старушка рядом с ней протягивает открытую жестянку и предлагает запустить руку внутрь.

– Мой личный рецепт, – произнесла старушка чистым, пронзительным голосом. – Почти без масла, но в целом очень даже неплохо, хотя нахваливать саму себя неприлично.

– О! – откликнулась Перси. – Нет. Спасибо. Я не могу. Оставьте себе.

– Не стесняйтесь.

Леди погромела жестянкой под носом у Перси, одобрительно кивая при виде ее формы.

– Ну хорошо. – Перси выбрала печенье и откусила кусочек. – Очень вкусно, – подтвердила она, молча оплакивая старые добрые деньки, когда масло было в изобилии.

– Так вы работаете в корпусе медсестер?

– Вожу машину «скорой помощи». Во время бомбежек, естественно. В последнее время – все больше намываю.

– Уверена, вы найдете, куда приложить усилия. Вас, молодежь, не остановишь. – В глазах старушки забрезжила идея, отчего они широко распахнулись. – Ну конечно, вы должны войти в один из швейных кружков! Моя внучка трудится в «Строчащих Сьюзен» у нас в Кранбруке, и эти девочки делают большое дело, уж поверьте.

Перси была вынуждена согласиться, что идея неплохая, если отбросить вздор насчет иголки и нитки. Возможно, ей следует направить энергию в новое русло: поступить шофером к правительственному чиновнику, научиться обезвреживать бомбы или водить самолет, стать советником по сбору утильсырья. Что угодно. Возможно, тогда она немного успокоится. Перси против воли начала подозревать, что Саффи была права все эти годы: она ремонтник. Лишенная инстинкта созидания, но склонная чинить, она была счастлива лишь тогда, когда искусно латала дыры. Какая невыносимо унылая мысль!

Автобус с грохотом завернул за очередной угол; наконец впереди показалась деревня. Когда они подъехали ближе, Перси заметила свой велосипед, прислоненный к старому дубу у почты, где она оставила его сегодня утром.

Еще раз поблагодарив за печенье и торжественно пообещав заглянуть в местный швейный кружок, она высадилась и помахала вслед общительной старушке и автобусу, пока-

тившему в Кранбрук.

После того как автобус выехал из Фолкстона, поднялся ветер, и Перси засунула руки в карманы брюк, улыбнувшись суровым мисс Блетем, которые хором затаили дыхание и прижали к сердцу пакеты, прежде чем кивнуть в ответ и поспешить домой. Война началась два года назад, но для некоторых вид женщины в брюках все еще возвещал зарю апокалипсиса, не говоря уже о злодеяниях в краях ближних и дальних. Перси воспряла духом и задумалась, хорошо ли обожать свою форму еще больше за тот эффект, который она оказывает на всех мисс Блетем мира.

Время было позднее, но оставались все шансы, что мистер Поттс еще не заезжал в замок. Перси не сомневалась, что в деревне да и во всей стране мало мужчин, кто служил бы в войсках местной обороны с таким усердием, как мистер Поттс. Он так старательно защищал нацию, что всякий, кого он не останавливал хотя бы раз в месяц для проверки документов, считал, что им пренебрегают. То, что подобное рвение оставило деревню без надежной почтовой службы, мистер Поттс, по-видимому, рассматривал как печальную, но необходимую жертву.

Когда Перси вошла, над дверью звякнул колокольчик, и миссис Поттс вскинула глаза из-за груды бумаг и конвертов. Своим поведением она напоминала кролика, застигнутого врасплох на грядках, и еще больше усилила это впечатление, шмыгнув носом. Перси постаралась скрыть веселье

за напускной суровостью, которая, в конце концов, была ее фирменным блюдом.

– Ну-ну, – произнесла почтмейстерша, приходя в себя со скоростью, которая свидетельствовала о богатом опыте мелкого жульничества. – Никак мисс Блайт.

– Доброе утро, миссис Поттс. Есть что-нибудь для нас?

– Сейчас посмотрю, если вы не возражаете.

Сама мысль о том, что миссис Поттс не досконально знакома со всей дневной перепиской, казалась смехотворной, но Перси подыграла.

– Конечно, спасибо, – поблагодарила она, когда почтмейстерша отправилась рыться в коробках на заднем столе.

Громко пошуршав бумагами, миссис Поттс выудила небольшую стопку разнообразных конвертов и воздела над головой.

– Вот они где. – Она триумфально вернулась за стойку. – Пакет для мисс Юнипер... от вашей подопечной из Лондона, судя по виду. Наверное, малышка Мередит рада-радехонька вернуться домой?

Перси нетерпеливо кивнула, и миссис Поттс продолжила:

– ...письмо для вас, надписанное от руки, и письмо для мисс Саффи, напечатанное на машинке.

– Превосходно. Можно уже не читать.

Миссис Поттс аккуратно выложила письма на стойку, но не отпустила.

– Надеюсь, в замке все хорошо, – сказала она с чувством,

которого совершенно не требовал столь безобидный вопрос.

– Прекрасно, благодарю вас. А теперь, если позволите...

– Более того, судя по слухам, вас скоро можно будет поздравить.

Перси раздраженно вздохнула:

– Поздравить?

– Свадебные колокола, – пояснила миссис Поттс в своей отточенной назойливой манере, сумев одновременно похвастаться несправедливо приобретенным знанием и жадно потребовать большего. – В замке.

– Сердечно благодарю, миссис Поттс, но, увы, сегодня я помолвлена не больше, чем вчера.

Почтмейстерша немного постояла, размышляя, и звонко рассмеялась:

– О! Ну вы и штучка, мисс Блайт! Помолвлена не больше, чем вчера. Это надо запомнить. – Изрядно повеселившись, она успокоилась, достала из кармана юбки небольшой, обшитый кружевом платочек и промокнула глаза. – Однако я имела в виду не вас.

– Не меня? – притворно удивилась Перси.

– О нет, боже упаси, не вас и не мисс Саффи! Я знаю, что вы обе не намерены покидать нас, благослови вас Господь. – Она еще раз вытерла щеки. – Я говорю о мисс Юнипер.

Невольно Перси заметила, как имя ее младшей сестры заискрило на устах сплетницы. В самих его звуках таилось электричество, и миссис Поттс была его природным провод-

ником. Люди всегда любили обсудить Юнипер, даже когда она была девочкой. Сестра лишь разжигала сплетниц. Ребенок с привычкой терять сознание от возбуждения заставлял окружающих понижать голоса и рассуждать о дарах и проклятиях. Поэтому все ее детство любое странное или необъяснимое событие в деревне – загадочное исчезновение постиранного белья миссис Флеминг, последующее щеголяние пугала фермера Джейкоба в женских панталонах, вспышку свинки – досужие языки рано или поздно приписывали Юнипер так же верно, как мухи летят на мед.

– Мисс Юнипер и некий молодой человек? – не унималась миссис Поттс. – Я слышала, в замке ведутся большие приготовления? Парень, с которым она познакомилась в Лондоне?

Сама идея была абсурдной. Юнипер не создана для брака. Сердце младшей сестры принадлежало поэзии. Перси хотела было посмеяться над жадным вниманием миссис Поттс, однако взглянула на часы и передумала. Разумное решение; не хватало только увязнуть в дискуссии о переезде Юнипер в Лондон. Тем более что Перси могла невольно проболтаться, какое беспокойство вызвала в замке эскапада Юнипер. Гордость не позволит ей подобного.

– Да, мы ждем к обеду гостя, миссис Поттс, но хотя он действительно гость, а не гостья, никакой он не поклонник. Просто знакомый из Лондона.

– Знакомый?

– Всего лишь.

Миссис Поттс прищурилась:

– Так, значит, свадьбы не будет?

– Нет.

– А то мне известно из верного источника, что предложение было сделано и принято.

Все прекрасно знали, что «верный источник» миссис Поттс заключался в тщательном отслеживании писем и телефонных звонков, подробности которых она бурно обсуждала со множеством местных сплетниц. Хотя Перси не заходила так далеко и не осмелилась бы подозревать почтенную женщину в том, что та вскрывает конверты над паром, прежде чем отправить по назначению, некоторые жители деревни именно так и считали. Однако в данном случае писем было крайне мало (и они не могли распалить любопытство миссис Поттс, поскольку Мередит оставалась единственной корреспонденткой Юнипер), равно как и оснований для слухов.

– Полагаю, я бы знала, миссис Поттс, – отрезала Перси. – Будьте уверены, это всего лишь обед.

– Особенный обед?

– О, в наши времена каждый обед особенный, – отшутилась Перси. – Никогда не угадаешь, вдруг это в последний раз.

Она выхватила письма из рук почтмейстерши и в этот миг углядела стеклянные банки, которые раньше стояли на стойке. Кислые леденцы и ириски закончились, но на дне

одной из банок лежал довольно жалкий кусочек окаменевшей помадки «Эдинбургская скала». Перси терпеть не могла «Эдинбургскую скалу», зато Юнипер ее обожала.

– Можно, я заберу у вас остатки помадки?

Миссис Поттс с кислым выражением лица выковыряла помадку из банки и запихала в пакет из оберточной бумаги.

– Шесть пенсов.

– Да что вы, миссис Поттс! – Перси осмотрела маленький липкий пакетик. – Не будь мы такими добрыми друзьями, я бы решила, что вы пытаетесь на мне нажитья.

Лицо почтмейстерши вспыхнуло от негодования, и она принялась все отрицать.

– Конечно, я шучу, миссис Поттс. – Перси протянула деньги, засунула письма и помадку в сумку и небрежно улыбнулась почтмейстерше. – До свидания. Специально для вас я осведомлюсь у Юнипер о ее планах, но, подозреваю, вы узнаете раньше меня, если будет о чем узнавать.

2

Разумеется, лук очень важен, но это никак не меняло того факта, что его листья совершенно не годятся для цветочной композиции. Саффи осмотрела хилые зеленые перья, которые только что срезала, повертела так и сяк, сощурилась, на случай если это поможет, и призвала на помощь фантазию, представляя их на столе. В бабушкиной фамильной французской хрустальной вазе они смотрелись на редкость убого. Возможно, следует добавить капельку чего-нибудь цветного, чтобы скрыть их происхождение? Или... ее мысли понеслись вскачь, и она пожевала губу, как всегда, когда впереди брезжила грандиозная идея... что, если развить тему, добавить немного листьев фенхеля и цветов кабачка и объявить это шуткой на тему дефицита?

Она со вздохом уронила руку, крепко сжимая никнувшие перья, и печально покачала головой. Какие только бредовые мысли не придут на ум отчаявшемуся человеку! Ростки лука ни на что не пригодны, они не только безнадежно унылы, но и чем дальше, тем больше источают гнусный запах, подозрительно похожий на запах старых носков. Запах, с которым Саффи близко познакомилась благодаря войне и в особенности благодаря одержимости войной своей сестры-близнеца. Нет уж. После четырех месяцев жизни в Лондоне, вращения в умнейших кругах Блумсбери, воздушных тревог и ночевок

в убежище Юнипер заслуживает большего, чем аромат грязного белья.

Не говоря уже о госте, которого она пригласила самым загадочным образом. Юнипер не привлекала сердца – юная Мерedit оказалась единственным неожиданным исключением, – но Саффи умела читать между строк, и хотя строки Юнипер были корявыми даже в лучшие времена, она поняла, что молодой человек проявил доблесть и тем заслужил расположение Юнипер. Следовательно, приглашение было демонстрацией благодарности семьи Блайт, и все должно пройти идеально. Саффи еще раз оценила ростки лука и убедилась, что они определенно далеки от идеала. Но выбрасывать их нельзя – это поистине кошунство! Лорд Вултон¹¹ пришел бы в ужас. Она положит их в какое-нибудь блюдо, но не сегодня. Лук и его последствия годятся только для бедняков.

Саффи безутешно вздохнула, потом еще раз, потому что ощущение ей понравилось, и пошла обратно к дому, как обычно радуясь тому, что тропинка не ведет через парадные сады. Она бы этого не вынесла. Когда-то сады были великолепны. Настоящая трагедия, что столько цветочных садов нации заброшено или отдано под выращивание овощей. Если верить последнему письму Юнипер, не только цветы аллеи Роттен-роу в Гайд-парке расплющены под огромными грудями дерева, железа и кирпича – обломками бог знает ка-

¹¹ *Вултон Фредерик Джеймс* (1883–1964) – в 1940–1943 гг. министр продовольствия Великобритании.

кого несметного количества домов, – но и вся южная сторона парка теперь нарезана под огороды. Необходимость, признавала Саффи, но оттого не менее трагическая. Нехватка картофеля вызывает бурчание в животе, а отсутствие красоты ожесточает душу.

Впереди порхала поздняя бабочка, складывая и раскрывая крылья, как зеркальные половинки каминных мехов. То, что подобное совершенство и подобный покой существуют и тогда, когда человечество стремится обрушить небо себе на голову... что ж, это поистине чудо. Лицо Саффи просветлело; она протянула палец, но бабочка не обращала внимания, то взмывала, то опускалась, изучая коричневые плоды мушмулы. Вне всяких сомнений – настоящее чудо! Саффи с улыбкой побрела дальше к замку и нырнула в сучковатую беседку из глицинии, стараясь не зацепиться волосами.

Мистеру Черчиллю следовало бы вспомнить, что войны выигрываются не пулями едиными, и наградить тех, кто сумел сберечь красоту, когда мир вокруг разлетелся на уродливые осколки. «Медаль Черчилля за сохранение красоты в Англии – неплохо звучит», – подумала Саффи. Когда она упомянула об этом недавно за завтраком, Перси ухмыльнулась с неизбежным самодовольством человека, который много месяцев спускался в воронки от бомб, зарабатывая свою собственную медаль за отвагу, но Саффи не считала это глупостью. Более того, она сочиняла письмо в «Таймс» на данную тему. Суть письма: красота очень важна, точно

так же как живопись, литература и музыка, особенно теперь, когда цивилизованные нации вынуждают друг друга совершать все более варварские поступки.

Саффи всегда обожала Лондон. Ее планы на будущее зависели от его сохранности, и каждую сброшенную бомбу она воспринимала как личное оскорбление. Когда налеты были в полном разгаре и рокот зениток, вой сирен и непростительные взрывы были верными ночными спутниками, она яростно грызла ногти – отвратительная привычка, в которой она винила лично Гитлера, – гадая, возможно ли страдать еще больше, оттого что отсутствовала в городе, когда разразилось несчастье, точно так же как тревога матери за раненого сына усиливается с расстоянием. С самого детства Саффи казалось, что ее жизненный путь пролегает не через топкие поля или древние камни Майлдерхерста, а вьется среди парков и кафе, ученых бесед Лондона. Когда они с Перси были маленькими, после того как их мать сгорела, но до рождения Юнипер... когда их еще было трое... папа каждый год брал их в Лондон пожить в доме в Челси. Они были совсем малышами; время еще не обточило их, отполировав различия и заострив мнения, и с ними обращались как с копиями друг друга... да и сами они считали себя таковыми. И все же в Лондоне Саффи ощутила в душе самые начатки разделения, скрытые, но мощные. В то время как Перси, подобно отцу, вздыхала по широким зеленым лесам родины, Саффи ожидала в городе.

За спиной раздался грубый грохот, и Саффи застонала, не желая оборачиваться и видеть тяжелые тучи, которые, как она знала, злорадствовали у нее за плечом. Из всех персональных лишений войны особенно жестоким ударом было исчезновение регулярного прогноза погоды по радио. Саффи хладнокровно встретила сокращение времени, отведенного на чтение, согласившись, что Перси будет приносить из абонементного отдела библиотеки одну книгу в неделю вместо прежних четырех. Она смиренно отказалась от шелковых платьев в пользу практичных сарафанов. Она приняла как должное потерю слуг, которые разбежались, словно крысы с тонущего корабля, и свое последующее вступление в должность главного повара, уборщицы, прачки и садовника. Но попытки Саффи овладеть премудростями английской погоды встретили достойное сопротивление. Несмотря на целую жизнь, проведенную в Кенте, она не обладала инстинктами сельской женщины; хуже того, в ней обнаружилось противоположное умение – развешивать белье и бродить по полям в те самые дни, когда собирался дождь.

Саффи зашагала быстрее, почти побежала, стараясь не обращать внимания на луковый запах, который, казалось, становился тем сильнее, чем быстрее она шла. Одно было ясно: когда война закончится, Саффи навсегда оставит деревенскую жизнь. Перси об этом еще не знала – для подобной новости нужно правильно выбрать время, – но Саффи переедет в Лондон. Там она найдет себе квартирку на одного. У

нее не было личной мебели, хотя это не большая беда; в подобных вопросах Саффи полагалась на Провидение. Одно было ясно: она ничего не возьмет с собой из Майлдерхерста. Все ее вещи будут новыми; она начнет жизнь заново, почти на два десятилетия позже, чем собиралась, но тут уж ничего не поделаешь. Она стала старше, сильнее, и на этот раз ее не остановит никакое давление.

Хотя ее намерения оставались тайной, Саффи просматривала страницы с объявлениями о сдаче жилья в субботней «Таймс», чтобы быть во всеоружии, когда представится возможность. Она подумывала о Челси и Кенсингтоне, но предпочла бы одну из площадей эпохи короля Георга в Блумсбери, на расстоянии пешей прогулки от Британского музея и магазинов Оксфорд-стрит. Она надеялась, что Юнипер тоже обоснуется в Лондоне и поселится по соседству. Конечно, Перси сможет заглядывать в гости. Впрочем, она будет оставаться не больше чем на ночь, потому что не выносит спать в чужой постели и к тому же считает своим долгом находиться рядом с замком и подпирать его, пусть даже собственным телом, если он начнет рушиться.

В мыслях Саффи часто навещала свою квартирку, особенно когда Перси разгуливала по коридорам замка, бранясь по поводу облупившейся краски и просевших балок, проклиная каждую новую трещину в стенах. Саффи закрывала глаза и распахивала дверь в свой собственный дом. Он будет маленьким, простым и очень чистым – об этом она лично

позаботится, – и в нем будут царить запахи восковой полировки и уксуса. Саффи сжала перья лука в кулаке и еще прибавила шаг.

Стол у окна, пишущая машинка «Оливетти», в углу – миниатюрная стеклянная ваза – в крайнем случае, подойдет старая, но симпатичная бутылка – с единственным цветком в самом блеске его красоты, который она будет менять каждый день. Радио станет ее единственным товарищем, и в течение дня она будет отрываться от пишущей машинки, чтобы послушать прогнозы погоды, ненадолго покидая мир, который станет создавать страница за страницей, и выглянуть в окно на бездымное лондонское небо. Солнце погладит ее по руке, прольется в ее крошечный дом, засверкает на полированной мебели. По вечерам она будет читать библиотечные книги, еще немного работать над своим текущим проектом и слушать Грейси Филдс¹² по радио, и никто не станет бормотать из соседнего кресла, что это сплошь сентиментальная чепуха.

Саффи остановилась, прижала ладони к разгоряченным щекам и вздохнула от удовольствия. Мечты о Лондоне, о будущем привели ее прямо на задворки замка, более того, она поспела раньше дождя.

Взгляд на курятник немного приглушил ее радость. Как ей жить без своих девочек? Может, получится забрать их с собой? Несомненно, в ее будущем садике найдется место для

¹² Филдс Грейси (1898–1979) – английская певица и комедийная актриса.

небольшого вывода. ... надо просто добавить этот обязательный пункт к своему списку. Саффи отворила калитку и протянула руки:

– Здравствуйте, мои дорогие. Как поживаете?

Хелен-Мелон взъерошила перья, но не сдвинулась с места, а Мадам даже не стала отрывать глаз от грязи.

– Выше нос, девочки! Я пока никуда не уехала. Сначала надо выиграть целую войну.

Этот призыв к сплочению не оказал подбадривающего эффекта, на который надеялась Саффи, и ее улыбка увяла. Хелен уже третий день ходила как в воду опущенная, а Мадам обычно молчала как рыба. Молоденькие курочки во всем подражали старшим, так что настроение в курятнике было определенно мрачным. Саффи привыкла к такому унынию во время налетов; куры чувствительны не меньше людей и так же подвержены беспокойству, а бомбы падали без остановки. В итоге она стала брать всех восьмерых с собой в убежище на ночь. Конечно, они не слишком благоухали, но результат всех устроил: куры снова начали нестись, а Саффи была рада компании, поскольку Перси редко ночевала дома.

– Иди ко мне, – заворковала Саффи, хватая Мадам в объятия. – Не будь злокой, милая. Это просто гроза собирается, ничего более.

Теплое пернатое тельце расслабилось лишь на мгновение, прежде чем курица захлопала крыльями и неуклюже вырвалась на свободу, где снова принялась копошиться в грязи.

Саффи отряхнула руки и подбоченилась.

– Все настолько плохо? Что ж, тогда остается только одно.

Покормить. Единственный метод в ее арсенале, который гарантированно поднимет им настроение. Ее девочки – настоящие обжоры, и в этом нет ничего плохого. Вот бы все проблемы мира решались с помощью вкусного блюда. Обычно они обедали позже, но сейчас настал критический момент: стол в гостиной не накрыт, сервировочная ложка пропала без вести, Юнипер и ее гость нагрянут с минуты на минуту... а еще нужно наставить Перси на путь истинный, так что кучка сердитых кур ей совершенно ни к чему. Вот. Это практичное решение. Куры должны вести себя прилично. А то, что Саффи безнадежно мягкотела, здесь совершенно ни при чем.

По углам кухни скопился жар дня, проведенного за чудесным сотворением обеда из того, что нашлось в кладовой или удалось выпросить на соседних фермах, и Саффи оттянула ворот блузки, чтобы немного остыть.

– Так, – разволновалась она, – на чем я остановилась?

Она подняла крышку кастрюли, дабы убедиться, что заварной крем не исчез за время ее отсутствия; по пыхтению плиты предположила, что пирог еще печется; затем заметила старый деревянный ящик, который не годился для своего первоначального предназначения, но прекрасно подходил для нового.

Саффи оттащила его в дальний угол кладовой и забралась наверх, стоя на цыпочках на самом краю. Она шарила по полке, пока в самом темном месте ее пальцы не наткнулись на маленькую жестянку. Ухватив жестянку, Саффи улыбнулась себе под нос и слезла. Пыль оседала на банке месяцами, сажа и пар превратились в клей, и ей пришлось вытереть верх банки большим пальцем, чтобы прочесть этикетку: «Сардины». Превосходно! Она крепко держала консервы, наслаждаясь ощущением недозволенного.

– Не беспокойся, папочка, – пропела Саффи, доставая консервный нож из ящика с тяжеловесными кухонными принадлежностями и закрывая ящик бедром. – Это не для меня.

Одним из руководящих принципов отца было то, что консервированная пища – это заговор, и лучше умереть от голода, чем проглотить хоть ложечку. Саффи особо не выясняла, чей именно заговор и какую цель он преследует, но папа был непреклонен, и этого хватало. Он не терпел возражений, и долгое время она не стремилась ему возражать. В детстве он был для Саффи солнцем днем и луной ночью; мысль о том, чтобы разочаровать отца, принадлежала потусторонней реальности вампиров и кошмаров.

Саффи размяла сардины в фарфоровой миске, заметив трещину, волосинкой протянувшуюся в ее боку, только после того, как рыба совершенно утратила форму. Напуганные куры – еще полбеды, но вкупе с обоями, которые, как обнаружила Саффи, отклеились от трубы в хорошей гостиной,

миска стала вторым признаком упадка за два часа. Она мысленно отметила, что следует внимательно проверить тарелки, которые они отложили для сегодняшнего вечера, и спрятать те, что схожим образом испорчены; именно подобные неприятности выводят Перси из себя, и хотя Саффи восхищалась преданностью своей сестры-близнеца Майлдерхерсту и уходу за ним, дурное настроение Перси никак не поспособствовало бы праздничной атмосфере, которую она надеялась создать.

Затем события посыпались одно за другим. Дверь приоткрылась, Саффи подпрыгнула, и остаток сардины шлепнулся с вилки на каменный пол.

– Мисс Саффи!

– А, Люси, слава богу, это вы! – Саффи прижала вилку к сердцу, бьющемуся в ритме стаккато. – Я чуть не поседела!

– Простите. Я думала, вы собираете цветы для гостиной... Я только хотела... Я хотела проверить...

Остаток фразы экономки повис в воздухе, когда она подошла ближе, обнаружила рыбное месиво и открытую банку и окончательно сделала неверный вывод, встретившись взглядом с Саффи. Ее прелестные лиловые глаза широко распахнулись.

– Мисс Саффи! – воскликнула она. – Неужели...

– О, нет-нет-нет... – Саффи замахала рукой, требуя тишины, улыбнулась и прижала палец к губам. – Тсс, Люси, дорогая. Это не для меня, конечно нет. Я берегу их для девочек.

– Вот как. – Люси заметно расслабилась. – Ну, это совсем другое дело. Мне бы не хотелось, чтобы он, – она благоговейно воздела глаза к потолку, – расстроился, даже сейчас.

– Да уж, не хватало только, чтобы папа сегодня вечером вертелся в гробу, – согласилась Саффи и кивнула на аптечку. – Передайте аспирин, пожалуйста.

Люси тревожно наморщила лоб:

– Вы нездоровы?

– Не я, а девочки. Они волнуются, бедняжки, а ничто так не лечит издерганные нервы, как аспирин, за исключением разве что доброго глотка джина, но это было бы довольно безответственно. – Саффи растерла таблетку черенком ложки. – Знаете, в последний раз они так волновались перед налетом десятого мая.

Экономка побледнела:

– Вы же не думаете, что они чувят новую волну бомбардировщиков?

– Сомневаюсь. Мистер Гитлер слишком занят тем, что марширует в зиму, ему не до нас. По крайней мере, так утверждает Перси. По ее словам, нас оставят в покое как минимум до Рождества. Она ужасно разочарована.

Саффи продолжала помешивать рыбу и с облегчением выдохнула, когда заметила, что Люси отвернулась к плите. Поза экономки свидетельствовала о том, что та перестала слушать, и внезапно Саффи ощутила себя глупой наседкой, которой захотелось покурахтаться, и садовая калитка сгодилась

как собеседница. Смущенно кашлянув, она произнесла:

– Что-то я заболталась. Вы пришли на кухню не для разговоров о девочках, и я отвлекаю вас от дел.

– Вовсе нет.

Люси закрыла дверцу духовки и выпрямилась, но ее щеки были краснее, чем мог вызвать один лишь жар плиты, и Саффи поняла: возникшая неловкость существует не только в ее воображении. Что-то она сказала или сделала не так, и это испортило Люси настроение. Саффи стало стыдно.

– Я хотела поглядеть, как там кроличий пирог, – пояснила экономка, – что, собственно, и сделала, и сообщить вам, что так и не нашла серебряную сервировочную ложку, которую вы искали, и положила на стол другую, ничуть не хуже. Я также отнесла вниз несколько пластинок, которые мисс Юнипер прислала из Лондона.

– В голубую гостиную?

– Конечно.

– Прекрасно.

Это была хорошая гостиная, а значит, они будут развлекать мистера Кэвилла именно в ней. Перси была против, однако этого следовало ожидать. Она злилась уже много недель, топая по коридорам, пророча конец света в грядущую зиму, ворча насчет нехватки топлива и неуместности отопления еще одной комнаты, поскольку в желтой гостиной и без того топят каждый день. Но Перси сменит гнев на милость, как всегда. Саффи решительно постучала вилкой по

краю миски.

– Вы прекрасно справились с заварным кремом, – похвалила ее Люси, заглянув под крышку кастрюли. – Он густой и чудесный, даже без молока.

– Ах, Люси, вы прелесть! В итоге я приготовила его на воде, подсластив капелькой меда, чтобы сберечь сахар для варенья. Никогда бы не подумала, что буду благодарна войне, но ведь я могла прожить целую жизнь и не испытать радости приготовления идеального заварного крема без молока!

– В Лондоне многие бы поблагодарили за рецепт. Моя кухня жалуется, что их ограничили двумя пинтами молока в неделю. Можете себе представить? Вы должны записать пошаговый рецепт своего заварного крема и послать в «Дейли телеграф». Они ведь публикуют рецепты.

– А я и не знала, – задумчиво протянула Саффи.

Это будет еще одна публикация в ее скромной коллекции. Не самое полезное дополнение, и все же полноценная вырезка. Она окажется нелишней, когда придет время посылать рукопись, и мало ли что из этого выйдет? Саффи весьма понравилась идея небольшой регулярной колонки «Советы записной швеи Саффи для леди» или что-нибудь в этом роде, и небольшая нарисованная эмблема в углу: ее «Зингер 201К» или даже одна из ее кур! Она улыбнулась, умиленная и позабавленная своей фантазией, как если бы это было решенное дело.

Тем временем Люси продолжала рассказывать о своей

лондонской кухне из района Пимлико и единственном яйце, которое им выдавали раз в две недели.

– На той неделе ей досталось тухлое яйцо. И только представьте: они отказались его заменить!

– Какая гнусная мелочность!

Саффи пришла в ужас. Она предположила, что записная швея Саффи нашлась бы с ответом и не замедлила бы сделать великодушный жест в качестве компенсации.

– Вот что, пошлите ей немного моих яиц. И себе возьмите полдюжины.

Экономка просияла не меньше, чем если бы Саффи начала раздавать слитки чистого золота, и Саффи внезапно испытала смущение и заставила призрак своего газетного двойника растаять. Она немного виновато добавила:

– У нас больше яиц, чем мы можем съесть, и я как раз искала способ выразить вам свою благодарность... вы так часто помогали мне после начала войны.

– Ну что вы, мисс Саффи.

– Не забывайте, если бы не вы, я бы до сих пор стирала сахарной пудрой.

Люси засмеялась:

– Что ж, огромное спасибо. Я с радостью принимаю ваше предложение.

Они вместе стали заворачивать яйца, отрывая небольшие квадратики от старых газет, сложенных у плиты, и Саффи в сотый раз за день подумала, как приятно общество их быв-

шей экономки, и как печально, что они потеряли ее. Саффи решила, что когда она переедет в собственную квартир-ку, Люси получит ее адрес и приглашение заходить на чай всякий раз, когда будет в Лондоне. Перси, несомненно, не одобрит... у нее довольно традиционные представления насчет классов и их общения... но Саффи виднее. Друзей надо ценить вне зависимости от их происхождения.

Снаружи донесся грозный раскат грома. Люси наклонила голову и выглянула в закопченное окошко над маленькой раковиной. Она изучила темнеющее небо и нахмурилась:

– Если это все, мисс Саффи, я бы закончила в гостиной и пошла домой. Погода портится, а у меня сегодня вечером встреча.

– Женская добровольная служба?

– Сегодня – столовая. Надо накормить наших храбрых солдат.

– Непременно. Кстати, я сшила несколько детских кукол для вашего благотворительного аукциона. Заберите их сегодня, если сможете. Они наверху, как и... – театральная пауза, – То Самое Платье.

Люси ахнула, и ее голос упал до шепота, хотя они были одни.

– Вы закончили его.

– Как раз вовремя, Юнипер наденет его сегодня вечером. Я повесила его на чердаке, чтобы она первым делом его увидела.

– Тогда я обязательно заскочу наверх перед уходом. Скажите... оно прекрасно?

– Божественно.

– Я так рада.

Едва заметная пауза, и Люси ласково взяла Саффи за руки:

– Все будет идеально, не сомневайтесь. Такой особенный вечер – мисс Юнипер наконец-то вернется из Лондона.

– Остается надеяться, что непогода не слишком задержит поезда.

Экономка улыбнулась:

– Вы перестанете тревожиться, когда она появится дома целая и невредимая.

– Я просыпалась каждую ночь с тех пор, как она уехала.

– Это все от беспокойства. – Люси сочувственно покачала головой. – Вы были для нее матерью, а мать не может безмятежно спать, когда беспокоится о своем малыше.

– Ах, Люси. – Взгляд Саффи остекленел. – Я и правда беспокоилась. Так беспокоилась. Я словно затаила дыхание на много месяцев.

– Но ведь ничего не случилось?

– К счастью, нет. Уверена, она поделилась бы с нами. Даже Юнипер не стала бы скрывать что-то серьезное...

Дверь распахнулась, и женщины резко выпрямились. Люси взвизгнула, а Саффи еле удержалась от визга, но на этот раз не забыла схватить банку и спрятать за спину. За дверью

никого не было, кроме ветра, поднимающегося на улице, однако его вторжения хватило, чтобы унести прочь приятную атмосферу, а вместе с ней и улыбку Люси. И тогда Саффи наконец догадалась, что так мучает Люси.

Она хотела было промолчать – день почти закончился, и иногда чем меньше говоришь, тем лучше, – но день прошел за приятной беседой, они работали бок о бок на кухне и в гостиной, и Саффи отчаянно желала все уладить. Она вправе иметь друзей... ей нужны друзья... что бы Перси об этом ни думала. Она осторожно прокашлялась.

– Люси, сколько вам было лет, когда вы поступили к нам на службу?

Ответ прозвучал еле слышно, как будто экономка ожидала вопроса:

– Шестнадцать.

– Двадцать два года назад, верно?

– Двадцать четыре. В тысяча девятьсот семнадцатом.

– Знаете, отец всегда вас любил.

Начинка пирога в духовке начала кипеть внутри оболочки из теста. Бывшая экономка выпрямилась и вздохнула, медленно и взвешенно.

– Он был добр ко мне.

– И вам, конечно, известно, что мы с Перси прекрасно к вам относимся.

Люси упаковала все яйца и больше не знала, чем заняться на дальней стойке. Она скрестила руки на груди и тихо

сказала:

– Спасибо за теплые слова, мисс Саффи, но это лишнее.

– Просто если вы когда-нибудь передумаете, когда жизнь наладится, если у вас будет желание вернуться более официальным...

– Нет! – отрезала Люси. – Нет. Спасибо.

– Из-за меня вы ощутили неловкость, – заметила Саффи. – Простите меня, Люси, дорогая. Я бы не проронила ни слова, но мне не хочется, чтобы вы неправильно поняли. Поверьте, Перси ничего такого не имела в виду. Просто это Перси.

– Я серьезно, не стоит...

– Она не любит перемен. Никогда не любила. Чуть не умерла от тоски, когда в детстве ее положили в больницу со скарлатиной. – Саффи сделала слабую попытку поднять настроение. – Иногда мне кажется, что она была бы счастлива, если бы мы все трое навсегда остались в Майлдерхерсте. Можете себе представить? Три старые дамы с седыми волосами, такими длинными, что на них можно сидеть.

– Полагаю, у мисс Юнипер нашлись бы возражения на этот счет.

– Несомненно.

Как и у Саффи. Внезапно ей захотелось рассказать Люси о квартирке в Лондоне, письменном столе у окна, радио на полке, но она подавила порыв откровенности. Еще не время. Вместо этого она добавила:

– В любом случае нам обеим очень жаль, что вы покидаете нас после стольких лет.

– Это все война, мисс Саффи, я должна была что-то делать. А потом мама скончалась, и Гарри...

Саффи взмахнула рукой:

– Можете не объяснять. Я прекрасно все понимаю. Дела сердечные и так далее. Каждый должен жить своей жизнью, Люси, особенно в подобные времена. Не правда ли, война помогает увидеть, что важно, а что нет?

– Мне пора.

– Да. Хорошо. Скоро увидимся. Может, на следующей неделе приготовим овощи в маринаде для аукциона? Мои кабачки...

– Нет. – В голосе Люси зазвенела незнакомая нота. – Нет. Больше нет. Я бы и сегодня не пришла, если бы вы не были так взволнованы.

– Но, Люси...

– Пожалуйста, не просите меня больше, Саффи. Это неправильно.

Саффи лишилась дара речи. Еще один яростный порыв ветра и далекий раскат грома. Люси взяла кухонное полотенце с яйцами.

– Мне пора, – повторила она уже мягче, что почему-то было еще хуже и едва не заставило Саффи заплакать. – Я заберу кукол, взгляну на платье Юнипер и пойду.

И она ушла.

Дверь захлопнулась. Саффи снова осталась в натопленной кухне, сжимая миску с рыбным месивом и ломая голову. Что же заставило подругу покинуть ее?

Перси скатилась по наклонной Тентерден-роуд, прогромыхала по россыпи камней у начала подъездной дорожки и прыгнула с велосипеда. «Джиггети-джиг, и снова домой», – промурлыкала она себе под нос. Гравий хрустел под ботинками. Няня научила их этому стишку несколько десятилетий назад, когда они были маленькими, однако эти строки до сих пор приходили на ум, когда она сворачивала с шоссе на подъездную дорожку. С некоторыми мелодиями, некоторыми цепочками слов всегда так: они застревают в памяти, и от них не избавиться, сколько ни старайся. Впрочем, Перси и не стремилась избавиться от «Джиггети-джиг». Ах, милая няня с маленькими розовыми ручками, неколебимой уверенностью, звонкими спицами, которые так и щелкали, когда она вязала у чердачного камина, ожидая, пока девочки заснут! Как они плакали, когда на девяностый день рождения она уволилась и поселилась у внучатой племянницы в Корнуолле! Саффи даже угрожала выброситься из чердачного окна в знак протеста, но, увы, уже не раз прибегала к этой угрозе, и няня осталась непреклонна.

Несмотря на опоздание, Перси не ехала по дорожке, а шагала, чтобы знакомые поля по обе стороны успели ее поприветствовать. Ферма с хмелесушильнями слева, мельница за ними, вдалеке справа – лес. Воспоминания о тысячах

дней, проведенных в детстве на деревьях Кардаркерского леса, смотрели на нее из прохладных теней. Веселый ужас прятков от торговцев живым товаром; охота за драконьими костями; походы с папой в поисках старинных римских дорог...

Дорожка была не слишком крутой, и Перси шла пешком не потому, что не могла ехать, а скорее потому, что наслаждалась прогулкой. Папа тоже был заядлым пешеходом, особенно после Первой мировой. До того, как издал книгу, и до того, как оставил их и уехал в Лондон; до того, как встретил Одетту, женился во второй раз и навсегда перестал по-настоящему принадлежать дочерям. Врач считал, что ежедневные прогулки пойдут на пользу его ноге, и он принялся бродить по полям с тростью, которую мистер Моррис забыл после очередных бабушкиных выходных.

– Видишь, как конец трости взлетает передо мной с каждым шагом? – спросил отец как-то раз осенним днем, когда они шли вдоль ручья Роувинг. – Так и должно быть. Добротно и крепко. Это напоминание.

– О чем, папа?

Он нахмурился, глядя на скользкий берег, как будто правильные слова скрывались где-то в камыше.

– Ну... наверное, о том, что я тоже крепкий.

Тогда она не поняла его ответа, только предположила, что отец в восторге от веса трости. Разумеется, уточнять она не стала: положение Перси как спутницы для прогулок было весьма шатким, а правила – твердыми. Согласно теории Рай-

монда Блайта, прогулки предназначались для размышлений; изредка, когда обе стороны были к тому склонны, для бесед об истории, поэзии или природе. Болтунам на них места не было, и единожды навешенный ярлык оставался навсегда, к большому огорчению бедняжки Саффи. Не раз Перси оглядывалась на замок, когда они с папой отправлялись на прогулку, и замечала в окне детской хмурю Саффи. Перси всегда сочувствовала сестре, но недостаточно сильно, чтобы остаться дома. Она решила, что данная привилегия – всего лишь компенсация, ведь Саффи постоянно завладевала вниманием папы, читая вслух свои талантливые рассказы, которым тот внимал с радостной улыбкой, а в последнее время они стали возмещением за месяцы, которые Саффи с отцом провели наедине сразу после его возвращения с войны, когда Перси положили в больницу со скарлатиной...

У первого моста Перси остановилась и прислонила велосипед к перилам. Отсюда еще не было видно дома; он прятался в лесах и открывался во всей красе лишь от второго моста, поменьше. Она перегнулась через перила и взгляделась в мелкий ручей внизу. Вода кружилась и шептала у расширяющихся берегов и чуть медлила, прежде чем продолжить путь к лесам. Отражение Перси, темное на фоне белого неба, колыхалось на более гладкой и глубокой середине.

За ручьем лежало поле хмеля, где она выкурила свою первую сигарету. Они с Саффи вместе хихикали над пачкой, которую стащили у одного из напыщенных папиных друзей,

пока тот грел свои ветчинные лодыжки у озера в жаркий летний день.

Сигарету...

Перси похлопала по нагрудному карману формы и нащупала твердый цилиндр. Скрутить проклятую штуковину – все равно что выкурить ее, разве нет? Она подозревала, что, когда ступит на территорию замка, спокойно покурить не удастся.

Она повернулась, прислонилась к перилам, чиркнула спичкой и затаилась, на мгновение задержав дыхание, прежде чем выдохнуть. Боже, как же она любит табак! Ей иногда казалось, что она охотно согласилась бы жить одна и никогда ни с кем не общаться, если ей предложат делать это в Майлдерхерсте, снабдив пожизненным запасом сигарет вместо компании.

Перси не всегда была такой затворницей. И даже сейчас она сознавала, что фантазия, пусть даже не лишенная приятности, остается всего лишь фантазией. Она не сможет жить без Саффи, разве что недолго. И без Юнипер. Прошло четыре месяца с тех пор, как их младшая сестра сбежала в Лондон, и все это время они с Саффи вели себя как пара старушек, нервно сжимающих платочки в руках: обсуждали, хватает ли сестре теплых носков, посылали в Лондон свежие яйца с okazji, читали вслух ее письма за завтраком в попытке угадать ее настроение, здорова ли она, что у нее на уме. Между прочим, в этих письмах не было даже завуалирован-

ного упоминания о возможности брака, благодарю покорно, миссис Поттс! Подобное допущение просто смехотворно для любого, кто знаком с Юнипер. Да, некоторые женщины созданы для брака и детских колясок в прихожей, но некоторые, совершенно точно, нет. Папа знал это, вот почему он все так устроил – чтобы о Юнипер позаботились после того, как его не станет.

Фыркнув от неприязни, Перси раздавила окурок ботинком. Мысли о почтмейстерше напомнили ей о письмах, и она достала их из сумки, чтобы дать себе повод еще немного побыть в безмятежном одиночестве.

Всего писем было три, как и сообщила миссис Поттс: пакет от Мередит для Юнипер, машинописный конверт для Саффи и еще одно письмо, на котором стояло ее собственное имя. Почерк с головокружительными петлями, несомненно, принадлежал кухне Эмили. Перси нетерпеливо разорвала конверт, наклоня верхнюю страницу и пытаясь поймать остатки света и разобрать фразы.

За исключением того безобразного случая, когда Эмили выкрасила волосы Саффи в синий цвет, Эмили носила почетный титул любимой кухни на протяжении всего детства близнецов Блайт. То, что ее единственными соперницами были напыщенные кухни Кембридж – странные тощие кухни с севера – и ее собственная младшая сестра Пиппа, чья прискорбная склонность плакать по поводу и без привела к незамедлительной дисквалификации, ничуть не умаля-

ло значимости этого титула. Визит Эмили в Майлдерхерст всегда был большим праздником, без нее детство близнецов оказалось бы намного более унылым. Перси и Саффи были очень близки, что и понятно, но не из тех близнецов, чья связь исключает любые другие. Более того, их дружба лишь упрочилась от появления третьей подруги. В растущей деревне хватало детей, с которыми они могли бы играть, однако вмешалась папина подозрительность по отношению к посторонним. Милый папа, он был ужасным снобом в своем роде, хотя испытал бы потрясение, назови его кто таковым. Он восхищался не деньгами, а умом; талант был той валютой, которой он стремился себя окружить.

Эмили, не обделенная ни тем ни другим, получила печать одобрения Раймонда Блайта и потому приглашалась в Майлдерхерст каждое лето. Она даже завоевала приглашение на вечера семьи Блайт – полурегулярные турниры, учрежденные бабушкой, когда папа был маленьким. Однажды утром раздавался клич: «Вечер семьи Блайт!» – после чего домоладцы изнемогали от предвкушения весь день. Искали словари, оттачивали карандаши и остроумие и наконец после обеда все собирались в хорошей гостиной. Соперники занимали места за столом или в излюбленных креслах, затем входил папа. В день турнира он всегда устранялся от суеты, запирался в башне и составлял список испытаний, объявление которых было чем-то вроде ритуала. Правила игры менялись, но обычно назывались место, тип персонажа и сло-

во; затем переворачивался самый большой таймер для варки яиц, и начиналась гонка сочинителей.

Перси была сметливой, но не остроумной, любила слушать, но не говорить, писала медленно и скрупулезно, когда нервничала, отчего все звучало ужасно чопорно, а потому страшилась этих вечеров и презирала их, пока в двенадцать лет по чистой случайности не обнаружила, что официальному протоколисту положена амнистия. Эмили и Саффи, привязанность которых друг к другу лишь подогревала дух соперничества, потели над своими рассказами, хмурили лбы, кусали губы и водили карандашами по страницам, отчаянно соревнуясь за папину похвалу, а Перси безмятежно ожидала развлечения. Обе девочки умели выражать свои мысли. У Саффи, возможно, словарный запас был чуть богаче, однако озорной юмор Эмили предоставлял ей заметное преимущество, и одно время было ясно: папа подозревает, что семейный дар расцвел именно в ней. Конечно, это было до рождения Юнипер, рано развившийся талант которой не оставил места для иных притязаний.

Если Эмили и страдала от охлаждения, когда папа переключился на новый объект, то быстро взяла в себя в руки. Ее визиты счастливо и регулярно продолжались много лет и после детства, вплоть до того последнего лета 1925 года, когда она вышла замуж и все закончилось. Перси всегда подозревала, что Эмили на редкость повезло: несмотря на свои таланты, она не обладала артистическим темпера-

ментом. Она была слишком уравновешенной, слишком хорошей спортсменкой, слишком жизнерадостной и слишком любимой окружающими, чтобы следовать писательской стезей. Ни малейшего намека на невроты. Эмили намного больше подходила судьба, которая выпала ей после того, как папа перестал обращать на нее внимание: удачный брак, выводок сыновей с веснушчатými носами, огромный дом с видом на море, а теперь, если верить ее письмам, еще и пара влюбленных свинок. Письмо оказалось всего лишь сборником баек о девонширской деревне Эмили – новостей о муже и сыновьях, приключений местных офицеров ПВО, одержимости пожилой соседки ручным противопожарным насосом, – и все же Перси получила массу удовольствия. Не переставая улыбаться, она дочитала письмо до конца, аккуратно сложила и убрала в конверт.

Затем порвала его пополам и еще раз пополам, затолкала глубже в карман и отправилась дальше по дорожке. Она мысленно отметила, что надо выбросить обрывки в мусорную корзину, прежде чем форма окажется в стирке. Нет, лучше она сожжет их сегодня же, оставив Саффи ни с чем.

4

То, что Юнипер, единственная Блайт в истории, не жившая в положенном возрасте в детской, проснулась утром своего тринадцатого дня рождения, побросала самое ценное в наволочку, поднялась наверх и заявила права на сонный чердак, никого не удивило. Подобное непростительное своеволие было настолько в духе Юнипер, которую они знали и любили, что в последующие годы, вспоминая об этом событии, они находили его совершенно естественным и спорили лишь о том, было оно спонтанным или планировалось заранее. Сама Юнипер в основном отмалчивалась как тогда, так и потом: вчера она спала в своей маленькой пристройке на третьем этаже, сегодня завладела чердаком. Что тут еще обсуждать?

Невидимый шлейф загадочного очарования, плывущий за Юнипер, впечатлял Саффи еще больше, чем переезд сестры в детскую. Казалось, чердак внезапно запел, этот аванпост замка, место, куда традиционно ссылали детей по достижении ими возраста или статуса, достойного расположения взрослых, комната с низкими потолками и сварливыми мышами, стылыми зимними ночами и раскаленными летними днями, отдушина, сквозь которую проходили все трубы на пути к свободе. Людей тянуло на чердак, хотя у них не было ни малейших оснований карабкаться по лестнице. «Схо-

жу взгляну, как там дела», – говорили они, прежде чем исчезнуть на лестнице и с некоторой робостью вернуться примерно через час. Саффи и Перси обменивались веселыми взглядами и развлекали друг друга догадками, как именно бедный несведущий гость поведет себя наверху, когда поймет: Юнипер вовсе не намерена изображать гостеприимную хозяйку. Их младшая сестра не была грубой, но ее нельзя было назвать и особо приветливой; ничье общество не радовало ее больше своего собственного. И слава богу, учитывая, что у нее почти не было возможностей с кем-то видеться. Не было ни кузин подходящего возраста, ни друзей семьи, и папа настоял, чтобы она получила домашнее образование. Единственное, что пришло в голову Саффи и Перси, – что Юнипер вообще не обращает внимания на гостей, позволяя им свободно разгуливать по захлавленной комнате, пока те окончательно не устанут и не уйдут. Одним из самых странных и необъяснимых даров Юнипер, которым она обладала всю жизнь, был сильнейший магнетизм, достойный изучения и медицинской классификации. Даже те, кто не любил Юнипер, искали ее любви.

Однако Саффи меньше всего думала о разгадке тайны очарования своей младшей сестры, когда во второй раз за день поднималась по самой верхней лестнице. Гроза собиралась быстрее, чем патруль местной обороны мистера Поттса, а окна чердака были широко открыты. Она заметила это, когда сидела в курятнике, гладила Хелен-Мелон по перьям

и переживала из-за внезапной суровости Люси. Ее внимание привлекла вспышка света, она подняла глаза и увидела, что Люси забирает больничных кукол из швейной комнаты. Саффи наблюдала за продвижением экономки: тень в окне третьего этажа, лужица последнего дневного света, дверь в коридор отворилась, затем, примерно через минуту, замерцал огонек на верхней лестнице, которая вела на чердак. И тогда Саффи вспомнила об окнах. Она сама распахнула их утром в надежде, что свежий воздух прогонит многомесячную затхлость. Надежда была слабой, и Саффи сомневалась в ее осуществлении, но разве не лучше попытаться и потерпеть неудачу, чем опустить руки и сдаться? Однако теперь, когда ветер принес запах дождя, окна нужно закрыть. Она проследила за тем, как огонек скрылся в лестничном колодце, подождала еще пять минут и направилась в дом, рассудив, что уже можно подняться, не опасаясь наткнуться на Люси.

Старательно перешагнув третью сверху ступеньку – не хватало только, чтобы призрак маленького дяди натворил сегодня бед, – Саффи толкнула дверь детской и включила свет. Загорелась тусклая, как и во всем Майлдерхерсте, лампа, и Саффи немного постояла в дверях. Дело не только в скудном освещении – она всегда так поступала перед тем, как вторгнуться во владения Юнипер. Саффи предполагала, что в мире не много других комнат, перед порогом которых полезно

обдумать план действий. Сказать о ней «мерзость запустения», пожалуй, уже перебор, но совсем незначительный.

Она заметила, что вонь сохранилась; смесь затхлого табачного дыма и чернил, мокрой псины и мышей оказалась слишком въедливой для простого проветривания. Запах псины объяснялся очень просто: По, собачонка Юнипер, тосковала в ее отсутствие, деля свои бдения между началом подъездной дорожки и изножем кровати хозяйки. Что касается мышей – то ли Юнипер подкармливала их нарочно, то ли мелкие приспособленцы попросту извлекали выгоду из неряшливости обитательницы чердака. Кто знает? К тому же Саффи нравился мышиный запах, хотя она не слишком об этом распространялась; он напоминал о Клементине, которую она купила в зоологическом отделе универмага «Харродс» утром своего восьмого дня рождения. Тина была ее милой маленькой спутницей, пока, на свою беду, не поссорилась со Сайрусом, змеей Перси. Крыс напрасно очерняют, они намного чище, чем думают люди, и очень общительны – настоящие аристократы мира грызунов.

Заметив расчищенный проход к дальнему окну – наследие предыдущей вылазки, – Саффи стала осторожно пробираться через кавардак. Хорошо, что няня не видит, во что превратилась детская! Где вы, чистые, светлые деньки няниного владычества, молока на обед под бдительным приглядом, метелки, которую доставали по вечерам, чтобы вымести крошки, парных столов у стены, неперемного запаха

пчелиного воска и мыла «Перз»? Увы, эпоха няни навсегда осталась в прошлом, сменившись, по мнению Саффи, анархией. Бумага, повсюду бумага, исчерканная разрозненными наставлениями, рисунками, вопросами, которые Юнипер записала, чтобы не забыть. Комки пыли, которые охотно сбивались и выстраивались вдоль плинтусов, словно компаньонки на балу. На стенах висели портреты и пейзажи, а также странно составленные слова, которые по необъяснимой причине пленяли воображение Юнипер. Пол был морем книг, предметов одежды, подозрительно грязных чашек, импровизированных пепельниц, любимых кукол с закрывающимися глазами, старых автобусных билетов с каракулями на полях. От всего этого Саффи испытывала головокружение и заметную тошноту. Что там под покрывалом? Хлебная корка? Если так, она зачерствела настолько, что превратилась в музейный экспонат.

Хотя уборка за Юнипер была скверной привычкой, над которой Саффи давным-давно одержала победу, на сей раз она не смогла устоять. Одно дело – беспорядок, и совсем другое – остатки еды. Содрогнувшись, она присела, завернула окаменелую корку в покрывало, поспешила к ближайшему окну, выбросила корку и прислушалась к глухому стуку, с которым та упала в заросший травой старый ров. Она еще раз содрогнулась, встряхнула покрывало, закрыла окно и задернула шторы затемнения.

Грязное покрывало нуждалось в стирке и штопке, но это

в другой раз, а пока Саффи просто тщательно его сложила. Разумеется, не слишком аккуратно, ровно настолько, чтобы вернуть ему видимость приличия, хотя Юнипер, вне всяких сомнений, ничего не заметит и не скажет. Саффи вытянула руки, зажав в них уголки покрывала, и с нежностью подумала, что оно заслуживает большего, нежели четырехмесячная увольнительная на полу в роли савана для черствой корки хлеба. Когда-то оно было подарком – много лет назад жена одного из фермеров поместья сшила его для Юнипер, которая часто вызывала в людях подобную непрошеную приязнь. Хотя большинство людей тронул бы такой жест и заставил относиться к подарку с особым вниманием, Юнипер не принадлежала большинству. К чужим творениям она относилась с таким же неуважением, как и к своим собственным. Подобную склонность младшей сестры Саффи полагала особенно трудной для понимания и вздыхала, озирая листопад разбросанных на полу бумаг.

Она поискала, где оставить сложенное покрывало, и выбрала соседнее кресло. На стопке книг лежал раскрытый томик, и Саффи, патологическая читательница, не утерпела и взглянула на титульную страницу. «Практическое котоведение»¹³ с автографом Томаса Элиота – поэт подарил его Юнипер, когда приезжал в гости, и папа показал ему кое-какие стихотворения Джун. Саффи не имела определенного мне-

¹³ «Практическое котоведение» – сборник детских стихов Т. С. Элиота, по мотивам которого поставлен мюзикл «Кошки».

ния насчет Томаса Элиота. Конечно, она восторгалась им как мастером пера, но пессимизм в его душе и мрачность в его облике всегда заставляли ее острее чувствовать несовершенство мира. Дело было не столько в котах, весьма своеобразных, сколько в других его стихотворениях. Его одержимость тикающими часами и утекающим временем казалась Саффи рецептом депрессии, без которого она вполне могла обойтись.

Чувства Юнипер на данный счет оставались неясными. Этого следовало ожидать. Саффи часто думала, что, будь Юнипер персонажем книги, ее образ был бы ограничен реакциями других персонажей, а ее точку зрения было бы невозможно принять, не рискуя превратить двойственность в абсолют. Автор считал бы бесценными такие эпитеты, как «обезоруживающая», «неземная» и «притягательная», а также «пылкая» и «безрассудная» и в редких случаях даже «жестокая», хотя Саффи знала, что не должна говорить об этом вслух. Из-под пера Элиота вышла бы Юнипер по кличке Наперекор. Саффи улыбнулась забавной идее и вытерла пыльные пальцы о колени; в конце концов, Юнипер действительно очень похожа на кошку: неподвижный взгляд широко расставленных глаз, бесшумная походка, сопротивление излишнему вниманию.

Саффи побрела через море бумаг к дальним окнам, позволив себе вильнуть в сторону шкафа, где висело платье. Она отнесла его наверх утром, как только Перси ушла на работу,

вытащила из тайника и набросила на руки, словно спящая принцесса из сказки. Ей пришлось согнуть вешалку, чтобы шелк платья струился по шкафу лицом к двери, но это было необходимо. Платье – первое, что должна увидеть Юнипер, когда распахнет вечером дверь и включит свет.

Итак, платье: вот прекрасный пример непостижимости Юнипер. Прибывшее из Лондона письмо оказалось таким сюрпризом, что, если бы Саффи всю жизнь не наблюдала за непредсказуемыми выходками сестры, то решила бы, что это розыгрыш. Единственное, в чем она была совершенно уверена, так это в том, что Юнипер Блайт нет ни малейшего дела, во что она одета. Все детство она провела босиком в обычном белом муслине и обладала таинственным умением превращать любое новое платье, сколь угодно изысканное, в бесформенный мешок всего за два часа. Взросление не изменило сестру, хотя Саффи и питала некоторую надежду. В то время как другие семнадцатилетние девушки мечтали отправиться в Лондон на свой первый сезон, Юнипер даже не заикалась об этом, бросив на Саффи такой испепеляющий взгляд при одном лишь намеке, что ожог болел неделями. Впрочем, тем лучше, ведь папа ни за что бы этого не позволил. Он часто называл ее созданием замка, которому нет нужды покидать его стены. Да и зачем такой девушке круговерть балов для дебютанток?

Однако поспешный постскрипtum, в котором Юнипер просила Саффи сшить платье для танцев – кажется, где-то

лежит старый наряд ее матери, который та носила в Лондоне перед самой смертью; возможно, получится его переделать? – был совершенно невероятным. Юнипер специально адресовала письмо только Саффи, так что та смогла поразмыслить над просьбой в одиночестве, хотя обычно они с Перси делили все, что касается Юнипер. После долгих раздумий Саффи решила, что городская жизнь изменила ее младшую сестру, и гадала, не изменилась ли Юнипер и в других отношениях, не намерена ли после войны навсегда перебраться в Лондон. Прочь из Майлдерхерста, и не важно, что готовил ей папа.

В чем бы ни состояла подоплека просьбы Юнипер, Саффи охотно ее выполнила. Пишущая машинка и «Зингер 201К» – несомненно, лучшая модель на свете – были ее радостью и гордостью, и хотя она усердно шила с самого начала войны, все ее изделия были ужасно практичными. Возможность отложить на время кипы одеял и больничных пижам и поработать над модным нарядом захватывала дух, в особенности над нарядом, предложенным Юнипер. Ведь Саффи сразу поняла, о каком платье идет речь, она восхищалась им даже в тот незабываемый вечер 1924 года, когда мачеха надела его на лондонскую премьеру папиной пьесы. После премьеры его убрали на хранение в герметичную архивную комнату, единственное место в замке, где его не могли отыскать моль и гниль.

Саффи легонько провела пальцами по шелковой юбке.

Ее цвет был по-настоящему изысканным: ярким, почти розовым, как изнанка диких грибов, что росли у мельницы. Небрежный взгляд посчитал бы его кремовым, однако более пристальный был бы вознагражден. Саффи трудилась над платьем несколько недель, держа это в секрете, но платье стоило ее двуличия и стараний. Она приподняла подол, еще раз проверила аккуратность ручных стежков и удовлетворенно разгладила его. Затем чуть отступила, чтобы как следует восхититься общим впечатлением. Да, платье было великолепным; она взяла красивый, но старомодный наряд и, вооружившись любимыми выпусками из своей коллекции журналов «Вог», превратила его в произведение искусства. Если это звучит нескромно – так тому и быть. Саффи прекрасно сознавала, что это, возможно, ее последний шанс полюбоваться платьем во всей красе (увы, но когда Юнипер завладеет платьем, неизвестно, насколько ужасная судьба его ждет), и не собиралась упускать момент, придерживаясь унылых рамок притворной скромности.

Бросив взгляд за спину, Саффи сняла платье с вешалки и взвесила на руках; самые лучшие платья не бывают невесомыми. Она засунула пальцы под бретельки и приложила платье к себе, кусая нижнюю губу и разглядывая свое отражение в зеркале. Она замерла, наклонив голову, – детская манерность, от которой ей так и не удалось избавиться. В полумраке с этого расстояния казалось, что минувших лет словно не бывало. Сощурившись и улыбнувшись пошире, она сно-

ва становилась той девятнадцатилетней девушкой, которая стояла рядом с мачехой на лондонской премьере папиной пьесы, мечтала о бледно-розовом платье и обещала себе, что однажды тоже наденет подобное чудо, может, даже на собственную свадьбу.

Саффи вернула платье на вешалку, споткнувшись о стеклянный бокал из набора, который Асквиты подарили папе и маме на свадьбу. Она вздохнула. Непочтительность Юнипер поистине не знала границ. Это несколько не волновало саму Юнипер, но Саффи увидела бокал, а значит, не могла его игнорировать. Она наклонилась поднять бокал и уже наполовину выпрямилась, когда заметила под старой газетой чашку из лиможского фарфора; не успела она опомниться, как переступила через свое золотое правило, опустилась на четвереньки и занялась уборкой. Гора посуды, которую она собрала всего за минуту, не проделала ни малейшей брешки в окружающем беспорядке. Столько бумаги, столько нацарапанных слов!

Беспорядок, невозможность когда-либо расставить все по местам, вернуть утраченную мысль – Саффи было почти физически больно от этого. Ведь хотя они с Юнипер обе стали писательницами, их методы были совершенно противоположными. Саффи имела привычку каждый день выделять драгоценные часы, во время которых тихо сидела в компании одной лишь тетради, авторучки, подаренной папой на шестнадцатый день рождения, и свежезаваренного чайника

крепкого чая. Устроившись подобным образом, она медленно и осторожно расставляла слова в приятном порядке, писала и переписывала, редактировала и совершенствовала, читала вслух и смаковала удовольствие переноса на бумагу истории своей героини Адель. Лишь полностью удовлетворившись результатом, она садилась за «Оливетти» и печатала новый абзац.

Юнипер, напротив, работала так, будто пыталась выбраться из паутины. Она писала, когда на нее находило вдохновение, писала на бегу, разбрасывая за собой обрывки стихотворений, кусочки рисунков, неуместные, но оттого еще более выразительные наречия; все они замусоривали замок, сыпались, как хлебные крошки, указывали дорогу в пряничную детскую наверху. Саффи иногда находила их во время уборки – забрызганные чернилами страницы на полу, за диваном, под ковром – и невольно представляла античную римскую трирему с поднятыми парусами, полными ветра, на палубе выкрикивают приказы, а на носу прячутся тайные любовники на грани разоблачения. Вот только продолжения у истории, жертвы мимолетного, изменчивого интереса Юнипер, не было.

Случалось и так, что целые истории начинались и завершались в диких приступах сочинительства – маниях, как казалось Саффи, хотя Блайты старались не употреблять это слово, особенно в отношении Юнипер. Младшая сестра не являлась к обеду, и сквозь половицы детской пробивался

свет, раскаленная полоска под дверью. Папа приказывал не беспокоить Джун, уверял, что потребности тела вторичны по сравнению с потребностями духа, однако Саффи украдкой относила наверх еду, когда отец отвлекался. Впрочем, к тарелке никогда не прикасались; Юнипер черкала бумагу ночь напролет. Внезапно, жарко, как тропические лихорадки, которые вечно кто-нибудь подцепляет, и недолго, так что уже на следующий день воцарялось спокойствие. Она спускалась с чердака, усталая, оцепенелая и опустошенная. Зевала и потягивалась в своей кошачьей манере. Демон был изгнан и прочно забыт.

И это было самым странным для Саффи, которая хранила свои творения – черновики и чистовики – в одинаковых коробках с крышками, аккуратно сложенных в архивной для потомства; которая всегда трудилась ради того, чтобы однажды с трепетом вручить свою переплетенную работу читателю. Юнипер было абсолютно без разницы, прочтут ее сочинения или нет. В том, что она не показывала свои работы, не было притворной скромности, просто ей было все равно. Как только вещь была написана, Юнипер охладевала к ней. Перси, когда Саффи упомянула об этом, пришла в замешательство, и неудивительно. Бедняжка Перси, лишенная искры божьей...

Так-так! Саффи замерла на четвереньках; из-под бумажных завалов показалось не что иное, как бабушкина серебряная сервировочная ложка! Та самая, которую она проис-

кала полдня. Она села на корточки и прижала ладони к бедрам, снимая напряжение с поясницы. Подумать только, все это время, пока они с Люси выворачивали ящики, ложка была погребена под залежами в комнате Юнипер. Саффи хотела было вытащить ложку – на ее ручке виднелось загадочное пятно, которое нуждалось во внимании, но вовремя заметила, что та служит чем-то вроде закладки. Она раскрыла тетрадь: снова неразборчивый почерк Юнипер, на странице стояла дата. Глаза Саффи, натренированные за годы ненасытного чтения, оказались проворнее ее воспитания, она и моргнуть не успела, как выяснила, что это дневник и запись совсем свежая. Май 1941 года, перед самым отъездом Юнипер в Лондон.

Читать дневник другого человека поистине непростительно, и Саффи была бы смертельно унижена, если бы так нагло вторглись в ее личное пространство, но Юнипер никогда не стремилась соблюдать правила, и неким образом, который Саффи понимала, но не могла облечь в слова, это давало ей право заглянуть в тетрадь. Более того, привычка Юнипер разбрасывать личные бумаги у всех на виду, несомненно, была приглашением для ее старшей сестры, практически заменившей ей мать, убедиться, что все в полном порядке. Юнипер почти девятнадцать лет, однако она – особый случай и не отвечает за себя, как большинство взрослых. Чтобы опекать Юнипер, Саффи и Перси просто обязаны совать нос в ее дела. Няня не преминула бы пролистать дневники и пись-

ма, оставленные на виду ее подопечными, вот почему близнецы так старательно меняли свои тайники. То, что Юнипер не удосужилась спрятать дневник, послужило для Саффи достаточным доказательством: ее юная сестра не против материнского интереса к своим проблемам. И вот Саффи здесь, и тетрадь Юнипер лежит перед ней, открытая на довольно свежей записи. Не заглянуть в нее хотя бы краешком глаза – разве это не означает проявить равнодушие?

К переднему крыльцу был прислонен чужой велосипед – на том же месте, где Перси оставляла свой собственный, когда слишком уставала, чтобы дойти до конюшни, ленилась или просто спешила. А это случалось нередко. Странно... Саффи не упоминала о других гостях, кроме Юнипер и того парня, Томаса Кэвилла, но они должны были приехать на автобусах, а вовсе не на велосипедах.

Перси поднялась по лестнице, роясь в сумке в поисках ключа. После начала войны у Саффи появился пунктик насчет запертых дверей – она была уверена, что Майлдерхерст обведен красным кружком на гитлеровской карте вторжения, а сестер Блайт ждет неминуемый арест. Перси было все равно, не считая того, что ключ от передней двери, казалось, вечно от нее прятался.

Утки галдели на пруду за спиной; темная масса Кардаркерского леса колыхалась; гром гремел уже ближе; время словно растянулось, подобно резине. Перси как раз собиралась сдать и замолотить в дверь, когда та распахнулась и на пороге появилась Люси Миддлтон в шарфе на волосах и с тусклым велосипедным фонарем в руке.

– О господи! – Рука бывшей экономки метнулась к груди. – Вы напугали меня.

Перси открыла рот, но не нашлась с ответом и закрыла.

Она перестала копошиться в сумке и перебросила ее через плечо. Ответа по-прежнему не было.

– Я... я помогала по дому. – Лицо Люси было пунцовым. – Мисс Саффи позвонила мне. По телефону. Все приходящие помощницы были заняты.

Громко кашлянув, Перси тут же пожалела об этом. Хрип-лое карканье выдавало нервозность, а перед Люси Миддлтон она меньше всего желала показаться неуверенной в себе.

– Значит, все готово? Для сегодняшнего вечера.

– Кроличий пирог в духовке, и я оставила мисс Саффи инструкции.

– Понятно.

– Обед будет готов не скоро. Боюсь, мисс Саффи вскипит первой.

Это была шутка, и довольно забавная, однако Перси чересчур промедлила со смехом. Она хотела еще что-нибудь сказать, но слов было слишком много и в то же время слишком мало, и Люси Миддлтон, которая стояла и ждала продолжения разговора, по-видимому, поняла, что такового не последует, поскольку принялась довольно неловко оги-бать Перси, чтобы забрать велосипед.

Нет, уже не Миддлтон. Люси Роджерс. Минуло больше года с тех пор, как они с Гарри поженились. Почти восемнадцать месяцев.

– До свидания, мисс Блайт, – попрощалась Люси, взбираясь на велосипед.

– Как поживает ваш муж? – быстро спросила Перси и тут же презирала себя за это. – Надеюсь, неплохо?

Люси не смотрела ей в глаза.

– Вполне.

– Как и вы, надо думать?

– Да.

– И малыш.

Почти шепотом:

– Да.

Поза Люси напоминала позу ребенка, ожидающего выволочки или даже хуже – побоев, и Перси затопило внезапное страстное желание оправдать ее ожидания. Разумеется, ничего подобного она не сделала, а только приняла небрежный тон, менее опрометчивый, чем раньше, почти легкомысленный, и заметила:

– Можете передать вашему мужу, что напольные часы в вестибюле по-прежнему спешат. Они бьют на десять минут раньше, чем положено.

– Хорошо, мэм.

– Полагаю, мне не показалось, что он нежно привязан к нашим старым часам?

Люси так и не взглянула ей в глаза, только пробормотала нечто невразумительное и покатила по подъездной дорожке. Фонарь выписывал перед ней корявые строчки послания.

Внизу хлопнула передняя дверь, и Саффи поспешно за-

крыла дневник. Кровь жарко гудела в висках, щеках и груди. Сердце билось чаще, чем у крошечной птички. Вот как. Пошатываясь, она заставила себя встать. Часть догадок развеялась как дым: тайна предстоящего вечера, переделки платья, молодого гостя. Никакой он не отважный незнакомец. Нет. Не незнакомец.

– Саффи? – Резкий злой голос Перси пробился сквозь слои половиц.

Саффи прижала руку ко лбу, набираясь решимости для предстоящей задачи. Она знала, что делать: одеться и спуститься вниз, оценить, как долго придется умасливать Перси, обеспечить вечеру небывалый успех. Напольные часы пробили шесть, а значит, все это придется делать одновременно. Юнипер и ее молодой человек – она не сомневалась, что подсмотрела в дневнике именно его имя, – придут в течение часа. Сила, с которой Перси шарахнула дверью, выдает дурное настроение, а сама Саффи до сих пор одета как женщина, которая весь день копалась в огороде на благо победы.

Забыв о куче спасенной посуды, она поспешно перебралась через завалы бумаги, закрыла оставшиеся окна и задернула шторы затемнения. Саффи заметила движение на подъездной дорожке – Люси пересекала на велосипеде первый мост – и отвернулась. Над далекими полями хмеля в небе парила стая птиц, и она проследила за их полетом. Есть выражение «свободен как птица», но птицы вовсе не свободны,

насколько Саффи может судить: они связаны друг с другом привычками, сезонными потребностями, биологией, природой, самым своим происхождением на свет. Не более свободны, чем другие. И все же им введома радость полета. Чего бы только Саффи порой не отдала, чтобы раскинуть крылья и полететь, прямо сейчас выплыть из окна и воспарить над полями, над лесами, вслед за самолетами ринуться в Лондон.

Однажды она попыталась, когда была маленькой. Вылезла из окна чердака, прошла по коньку крыши и сползла на уступ под папиной башней. Но сначала она смастерила пару крыльев, самых прекрасных шелковых крыльев на свете, и привязала их бечевкой к тонким легким палочкам, набранным в лесу; она даже пришила к изнанке резиновые петли, чтобы надевать крылья. Они были такими красивыми... не розовые и не красные, киноварные, сверкающие на солнце, как перья настоящих птиц... и несколько секунд она действительно летела, после того как бросилась в воздух. Ветер подкидывал ее снизу, хлестал через всю долину, заставляя заложить руки за спину, и на краткое, но чудесное мгновение все замедлилось, замедлилось, замедлилось... и она самым краешком сознания поняла, какое это блаженство – полет. А потом все снова начало ускоряться; ее спуск был недолгим, и когда она ударилась о землю, ее крылья и руки сломались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.